ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЛИЗА

Краткая справка

Елизавета Ивановна Беневская, родилась 13 декабря 1915 г. в семье потомственного дворянина. Её родители: Иван Аркадьевич Беневский и мать Анна Исидоровна Беневская (урождённая Федоровская).

В сентябре 1941 г. Лиза Беневская, будучи студенткой 2-го курса Московского энергетического института, ушла на фронт в в/ч №9903 (командир части А.К. Спрогис), той самой воинской части, в составе которой воевало много героических советских людей, в том числе Зоя Космодемьянская, Вера Волошина.

В январе 1942 г. Лиза Беневская не вернулась из последнего четвёртого боевого задания и в официальных ответах на запросы родственников значилась как «пропавшая без вести».

Благодаря усилиям школьников группы «Поиск» школы №15 (ныне №1272) г. Москвы (руководитель группы — учитель этой школы, О.А. Гурычева) и однополчан Е. Беневской по в/ч 9903 в 1989 г. была восстановлена картина её участия во всех четырёх боевых походах в тыл врага.

Погибла Лиза Беневская 19 января 1942 г. близ села Сосновцы (деревня Дунино), выполняя своё четвёртое боевое задание в группе Екатерины Пожарской.

В первых опубликованных воспоминаниях однополчан о том бое Лиза Беневская фигурировала как Лиза Чарская — учительница, эта дезинформация затянула поиски родственников Лизы ещё на многие годы.

Похоронена Лиза Беневская на кладбище села Дунино Медынского района Калужской области вместе с погибшими в том бою однополчанами Надей Жегловой и Михаилом Новиковым. В 1990 г. участниками группы «Поиска» и ветеранами в/ч 9903 на их могиле установлена плита с их именами и фотографиями.

П Р Е Д И С Л О В И Е

Уже более десяти лет назад мною было задумано написание книги о моём дедушке со стороны мамы – Иване Аркадьевиче Беневском, о котором я достаточно подробно узнала только из семейного архива.

О дедушке со стороны папы – Иване Ивановиче Горбунове-Посадове, достаточно известной в своё время личности, довольно много публикаций. Да и сам он, многие годы, будучи главным редактором издательства «Посредник», издал некоторые из своих книг. Так что о нём я знала не только из этих источников, но и из рассказов своих родных и близких.

Сама же я родилась тогда, когда ни того, ни другого деда уже не было в живых. А так как Иван Аркадьевич Беневский умер в молодом возрасте 42-х лет, и опубликованных при его жизни его статей и других материалов было очень мало, а его деятельность была достаточно активна и значительна для своего времени, то я посчитала своим долгом написать о нём.

Но не могу начинать рассказ о Беневских с описания непосредственно жизнедеятельности деда, так как считаю необходимым рассказать предысторию моей работы с архивом.

Поэтому и начинаю книгу с повести о Елизавете Ивановне Беневской, младшей сестре моей мамы. И уже в названии книги ***«ВОСКРЕШЕНИЕ ИЗ ЗАБВЕНИЯ»*** мне хотелось отразить то чувство, которое я испытывала в процессе моей работы. По мере написания части первой, посвящённой Лизе, мне приходилось знакомиться с материалами предвоенных, военных и послевоенных лет не только о ней самой, но и об обстановке и о людях, её окружавших. Информации оказалось так много и такой, на мой взгляд, интересной, что я посчитала необходимым включение всего этого материала в книгу. Отсюда есть и некоторые повторы, и, может быть даже излишние подробности в рукописи. Но, как мне кажется, без этой «мозаики» не сложилась бы полная «картина» той героической эпохи.

27 марта 2006 года. Т.М.Осипова.

Пролог

Январь 1942 г. Нине Ивановне приходит извещение, что её сестра Лиза «пропала без вести».

Лизу Беневскую в нашей семье всегда звали уменьшительно — ласкательно — Ляля, она была младшей сестрой моей мамы, Нины Ивановны Горбуновой-Посадовой, урождённой Беневской.

Мама и её младшие сёстры (Вера и Соня) рассказывали мне о тёте Ляле. О том, как она после окончания с отличием Дубровской школы Брянской области приехала вместе с моей мамой в Москву. Как поступила и с отличием окончила энергетический техникум, преподавала. Неудачно вышла замуж и развелась. Как перед самой войной поступила в Московский энергетический институт и со второго курса добровольно ушла на фронт в первые же дни войны.

По рассказам мамы и тётушек я знала, что Ляля была в четырёх заданиях. Очень скупая на слова (да и, как я теперь понимаю, из-за засекреченности военной части), Лиза немного могла сказать сёстрам о своих походах. Единственное, что мама хорошо запомнила, это большую скорбь Ляли по погибшему в своём первом же боевом задании товарищу — Курту, немцу-интернационалисту. Но даже о нём, кроме его имени, мы так ничего и не знали.

Из своего четвёртого задания в январе 1942 г. Лиза не вернулась.

На все мамины запросы был ответ один: пропала без вести. Я же в ту пору не задумывалась над тем, что человек может оказаться так бессилен, что даже не сможет добиться хоть какой-нибудь ясности о пропавшем без вести человеке. Даже в школе имени Зои Космодемьянской, в которой в 1966—1967 гг. проходила моя педагогическая практика, я, внимательно рассматривая стенды школьного музея, как-то не связала единой ниточкой семейные рассказы о Ляле, материалы о Зое и об их боевых товарищах по воинской части N 9903 с судьбой тёти Лизы.

Среди семейных реликвий в нашем доме хранились немногие Лялины документы и

фотографии. Читая и рассматривая их, я была очень горда тем, что у меня такая замечательная тётя. Но всегда «занозой» в душе было чувство обиды из-за неизвестности её судьбы. В голове строилось множество всяких версий, одна героичнее другой. В какой-то телевизионной передаче о Зое Космодемьянской услышала фамилию Спрогис. Я спросила маму о нём. Она мне сказала, что это он был командиром военной части, где служила тётя Ляля. И именно через него она пыталась узнать что-нибудь о сестре, но каждый раз получила всё тот же ответ: «пропала без вести 19 января 1942 года».

Первая весточка

И вот, в 1989 г мне неожиданно позвонила моя тётя Вера, которая к этому времени из четырех сестёр Беневских осталась в живых одна (Соня, самая младшая, умерла в 1979 г., мама — в 1983 г.). Она мне и сказала, что ей позвонили ребята группы «Поиск» московской школы № 15 (теперь у школы другой номер — № 1272) Пролетарского района и попросили о встрече с ней и со мной, так как у них есть некоторые материалы, касающиеся Елизаветы Ивановны Беневской.

Боже, с какой радостью я помчалась на эту встречу! Собрала все, имеющиеся в мамином архиве, документы Ляли и её фотографии. И поехала к тёте Вере, в квартиру семьи её сына, моего двоюродного брата Александра Ивановича Беневского, где она в то время жила. Дома оказалась только тётя Вера и её младшая внучка Мария. Мы вместе с ней стали накрывать стол для чаепития со столь дорогими для нас гостями.

И вот наша первая, самая незабываемая встреча! Так много надо сказать друг другу! Ветераны и школьники рассказали о том, как много времени и усилий потратили ребята поисковики, их руководитель и организатор группы «ПОИСК» учительница Ольга Алексеевна Гурычева и ветераны-однополчане военной части № 9903 для того, чтобы разыскать родственников Елизаветы Ивановны.

Но сначала необходимо было убедиться и нам, и участникам поиска в том, что это именно та самая Лиза Беневская, которая в первых рассказах её однополчан фигурировала как Лиза Чарская. Конечно, мы с тётей Верой сразу показали старые фотографии Ляли. Но на них, и без того некачественных, спустя столько лет однополчанам очень трудно было узнать «свою Лизу», и главное для всех собравшихся: разглядеть ту единственную примету Лизы — небольшой шрам над правым глазом, который был у неё с детства из-за упавшей при вечернем чтении лампы. И конечно, после рассказа тёти Веры об истории этого детского шрама и рассказа боевых подруг,

которые были уверены, что это зарубцевавшаяся ранка после одного из первых трёх боевых походов, мы поняли: да, действительно, эта девушка, погибшая в январе 1942 г. и похороненная близ села Дунино Калужской области — и есть наша Ляля, Елизавета Ивановна Беневская.

Единственное, что омрачало радость встречи: мама не дожила до этого известия всего пять лет.

Об истории поиска я, к сожалению, в первую нашу встречу ничего не записала. Это уже потом, на наших регулярных встречах в школе № 15, я училась ловить каждое слово и писать как можно более стенографично.

Встреча в школьном музее в/ч №9903

Вскоре после первой нашей «домашней» встречи Ольга Алексеевна Гурычёва организовала для родственников Лизы Беневской, участников группы «Поиск» и однополчан военной части № 9903 встречу в школьном музее, чтобы познакомиться и поговорить с участниками тех боевых событий, в которых участвовала Ляля (Елизавета Ивановна Беневская).

Мне особенно памятна эта наша встреча «за круглым столом» в здании школы № 15.

В начале встречи Ольга Алексеевна Гурычёва рассказала нам о возникновении в школе музея, экспонаты которого посвящены военной части № 9903.

Более 30 лет назад в школе была организована группа «ПОИСК». Шефами школы в это время были рабочие Автозавода имени Лихачёва. Они попросили поисковиков узнать о гибели во время войны бывшего их сотрудника — лётчика, Героя Советского Союза, а также попробовать найти место его захоронения (об этом будет написано ниже).

Во время этого похода поисковики встретили местного жителя, который сказал им, что в этих местах погибла и Зоя Космодемьянская. Тогда и возникла мысль, найти однополчан Зои. На очередную традиционную встречу школьников и ветеранов Великой Отечественной войны пришёл один из родителей ученицы этой школы, который оказался бойцом разведывательно-диверсионной военной части № 9903, бойцом которой и была Зоя Космодемьянская.

После этой встречи школьники-поисковики вместе со своим руководителем Ольгой Алексеевной Гурычёвой начали по крупиночке собирать сведения об однополчанах в/ч № 9903, об истории этой «таинственной» в ту пору военной части. О том, как готовили бойцов, как формировали группы для каждого нового диверсионного задания, как эти группы попадали в тыл врага и возвращались после выполнения задания с добытыми сведениями.

И вот, стараниями ветеранов легендарной военной части № 9903, учителей и учеников школы за многие годы был создан в школе музей этой части, собраны для музейного архива многочисленные документы об участниках тех героических лет. Некоторые буквально «воскресли из небытия», и из разряда «пропавших без вести». В настоящее время многие из них поимённо внесены в «Книгу Памяти».

Особенно подробно написал историю создания и боевую деятельность своей части А.К. Мегера, полковник в отставке, бывший командир в/ч № 9903. И хотя статья большая по объёму, перепечатала её полностью, т.к. эта статья даст полную информацию об истории создания и деятельности, ставшей уже легендарной, военной части. (Примечание: Об авторе этой статьи А.К. Мегере напечатано в конце этой книги в «Именном указателе»).

А.К. Мегера

Воинская часть 9903 была создана в июне 1941 г. и вошла в историю, как особая разведывательно-партизанская организация.

Её командный состав был укомплектован офицерами из числа слушателей Военной академии им. М.В. Фрунзе. Личный состав части составляли комсомольцы-добровольцы Москвы и Московской области, других городов Советского Союза, а также добровольцы из числа красноармейцев и командиров действующих частей Красной Армии. Комсомольцы-добровольцы прибывали по путёвкам ЦК, МК и МГК ВЛКСМ.

Основными направлениями деятельности части являлись:

организация, подготовка и переброска в тыл противника боевых разведывательно-диверсионных групп, на которые возлагались задачи: ведение активной разведки войск противника, минирование дорог, уничтожение мостов на шоссейных и железных дорогах, устройство засад на дорогах с целью уничтожения колонн автомашин и

мелких групп врага, его телефонной и телеграфной связи, складов с боеприпасами и горючим, организация крушений железнодорожных поездов с живой силой и боевой техникой захватчиков;

создание в прифронтовой полосе, там, где это вызывалось необходимостью, партизанских отрядов из комсомольцев и коммунистов, и подготовка их к боевым действиям на случай занятия данной местности противником.

Первоначально воинская часть 9903 представляла собой небольшую группу офицеров из семи человек во главе с полковником Смирновым Андреем Ермолаевичем и майором Спрогисом Артуром Карловичем.

В группу вошли: капитан А.Я. Азаров, старшие лейтенанты И.Н. Банов,

Ф.И. Коваленко, И.И. Матусевич, А.К. Мегера.

27 июня 1941 г. группа прибыла в штаб Западного фронта, расположившегося в лесах восточнее Могилёва, и приступила к работе.

Работу в войсках проводили попарно: Спрогис А.К. и Коваленко Ф.И., Азаров А.Я. и Банов И.Н., Мегера А.К. и Матусевич И.И.

В июле 1941 г. в часть прибыло пополнение офицеров из числа слушателей Военной академии им. М.В. Фрунзе, в том числе: капитаны Ф.И. Батурин, А.В. Щербинин, А.А. Алёшин, старшие лейтенанты М.А. Клеймёнов, С.М. Грабарь, Ф.А. Старовойтов, Д.А. Селиванов, Г. Веселов, военврач 3-го ранга Галикеев И.З.

Работая в войсках с целью подбора необходимых людей для выполнения заданий в тылу врага, офицеры части встретились с определёнными трудностями: беспрерывное отступление наших войск и невозможность установления устойчивой связи с группами, направляемыми на задание; нежелание командиров частей отпускать людей, отобранных для работы в тылу противника; отсутствие опыта разведывательной работы в военное время у подавляющего большинства личного состава части.

В связи с этим работа шла медленно и не всегда качественно. В июле-августе удалось организовать и направить в тыл противника несколько групп, однако устойчивая связь поддерживалась с тремя из них — младшего политрука Русакова Матвея в районе западнее Двины, Сороки Григория в районе западнее Смоленска и Юденкова Андрея в районе Ельня, Дорогобуж.

Требовалось немедленная перестройка работы части в соответствии с требованиями конкретных условий войны.

В конце августа командиром части был назначен майор Спрогис А.К., военным комиссаром части — полковой комиссар Дронов Никита Дорофеевич. Вступив в должность, майор Спрогис в кратчайший срок сумел перестроить работу части и подготовить её к более масштабным, активным и решительным действиям в тылу противника в самые трудные и опасные для столицы дни и месяца осени 1941 г..

В первую очередь был решен вопрос о массовом наборе комсомольцев-добровольцев из Москвы и Московской области через ЦК, МК и МГК ВЛКСМ. Наплыв добровольцев превзошёл все ожидания.

Через комиссию по отбору, созданную из представителей ЦК, МК И МГК ВЛКСМ при участи Спрогиса А.К. прошли до трёх тысяч комсомольцев.

В результате индивидуального отбора в часть было зачислено около двух тысяч человек. Это был цвет молодёжи, передовые представители комсомола столицы и столичной области, воспитанные Коммунистической партией, как и всё предвоенное молодое поколение страны, на революционных и боевых традициях, в духе беззаветной любви к социалистической Родине. Сердца их кипели гневом к немецко-фашистским захватчикам. Полные отваги, они были готовы выполнить любое задание командования, не щадя сил, а в случае необходимости, то и самой жизни.

В период битвы за Москву и контрнаступления наших войск войсковая часть 9903 подготовила и направила в тыл противника свыше 45 боевых отрядов. Некоторые группы выполняли задания по два и три раза. Всего за это время совершено 86 выходов в тыл противника для действий по его тылам, в том числе: в сентябре — 8, в октябре — 11, в ноябре — 36, в декабре — 14, в январе, феврале 1942 г. — 17.

С сентября по ноябрь 1941 г. в тылу противника действовали четыре отряда особого назначения по 100-120 человек каждый.

Боевые группы и отряды возглавили: Удалов Борис, Крайнов Борис, Борисов Николай, Фазлиахметов Фарид, Сорока Георгий, Царёв Владимир, Данилов Иван, Поцюс Казис, Пахомов Константин, Ананьев Иван, Новиков Олег, Семёнов Николай, Бутковский Эдуард, Буташин Виктор, Шарый Илья, Соколов Михаил, Лавров Григорий, Цибарев Владимир, Соколов Григорий, Голосов Алексей, Буцневич Иван, Пожарская Катя, Добин Яков, Шумилин Александр, Ильин Иосиф, Русаков Матвей, Евдокимов Иван,

Радцев Никита, Шевченко Александр, Худяков Павел, Алексеев Андрей, Винницкий Аркадий, Тульчинский Борис, Степанова Валентина, Ширинкин Иван, Бибичев Степан, Дубина Панас, Боровиков Александр, Герчик Григорий и другие.

Доброе слово следует сказать о роли военных комиссаров. Они вели большую воспитательную работу и личным примером воодушевляли бойцов на подвиги. Это в первую очередь — военный комиссар в/ч 9903 Дронов Н.Д., военные комиссары отрядов особого назначения: №1 — Багринцев П.В., №2 — Одинцов А.И., №3 — Медведев А.П., военные комиссары оперативных центров Цветков В.А. и Коннов А.С.

Особо отличились группы Михаила Осташева в районе Дорогобужа, Григория Сизакова и Матвея Гусакова в районе Могилёва, Корнеева в районе Гомеля, Ильи Шарого в районе Калинковичи, Бориса Крайнова в районе Полоцка, Фёдора Морозова в районе Глуска, оперативный центр под командованием Топкина И.Ф. в районе Бреста.

Эти подразделения пустили под откос в среднем по 10-12 эшелонов с живой силой и боевой техникой противника, оказывали действенную помощь местным партизанским отрядам боеприпасами и взрывчаткой, в подготовке подрывников и установлении связи с Центральным штабом партизанского движения.

Характерно, что вскоре по прибытию к месту базирования группы и отряды численно росли за счёт местного населения. Группа Григория Сазонова переросла в партизанскую бригаду численностью в несколько сот человек. Оперативный центр под командованием Топкина И.Ф., до прибытия подпольного обкома партии объединил и руководил боевой деятельностью нескольких местных партизанских отрядов.

Таких примеров можно привести множество.

В декабре 1942 г. в/ч 9903 в полном составе была переведена в распоряжение разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии.

В июле 1943 г. несколько групп и отрядов были переданы штабу Западного фронта, основная же их часть осталась в распоряжении Разведуправления Генштаба.

За образцовое выполнение заданий командования в тылу противника разведчикам Зое Космодемьянской, Лёле Колесовой, Ивану Баннову, Григорию Ленькову, Никите Дронову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Около 500 человек были награждены орденами и медалями Союза СССР, в том числе орденом Ленина — 22 человека, а именно: Пахомов Константин Фёдорович

(посмертно), Галочкин Николай Александрович (посмертно), Маненков Иван Александрович (посмертно), Каган Николай Семёнович (посмертно), Луковина-Грибкова Александра Васильевна (посмертно), Полтавская Евгения Яковлевна (посмертно), Кирьяков Павел Васильевич (посмертно), Ординарцев Виктор Васильевич (посмертно), Радцев Никита Васильевич, Шевченко Александр Иванович, Алексеев Андрей Алексеевич, Мартынов Иван Данилович, Горбач Фёдор Владимирович (посмертно), Худяков Павел Николаевич, Алексеев Николай Алексеевич, Клеймёнов Михаил Алексеевич (посмертно), Линьков Григорий Матвеевич (вторым орденом Ленина), Юдин Игорь Петрович.

За период существования в/ч 9903 ею командовали: полковник Свирин Андрей Ермолаевич (конец июня — август 1941 г.); майор Спрогис Артур Карлович (конец августа 1941 г. — июль 1942 г.); майор Можаров Михаил Антонович (июль-август 1942 г.); майор Мегера Афанасий Кондратьевич (сентябрь-декабрь 1942 г.).

Большую работу по подготовке боевых групп и отрядов к выполнению задания в тылу противника, а также переброске их через линию фронта выполняли помощники командира части: Селиванов Даниил Алексеевич, Банов Иван Николаевич, Коваленко Фёдор Иванович, Матусевич Иван Ильин, Азаров Анатолий Яковлевич, Батурин Фёдор Павлович, Щербинин Александр Иванович, Алёшин Александр Андреевич, Клеймёнов Михаил Алексеевич (погиб при выполнении боевого задания), Старовойтов Фёдор Антонович, Грабарь Степан Матвеевич (погиб при выполнении боевого задания), Веселов Григорий (погиб при выполнении боевого задания).

Самоотверженно выполнял свой долг по восстановлению здоровья бойцов и командиров части военврач 3-го ранга Галикеев Исхат Зарипович. Он всегда и в полной мере обеспечивал медикаментами боевые группы и отряды, направляемы в тыл противника, своевременно оказывал помощь больным и раненым.

Бесперебойную и своевременную доставку боевых групп к линии фронта и обратно обеспечивал начальник автотранспортного подразделения части лейтенант Михеев и шоферы транспортных и легковых автомашин. Они часто подвергались нападению вражеской авиации с воздуха и артобстрелу противника.

Со словами благодарности вспоминают ветераны хозяйственных работников части Тульчинского Иосифа Нутовича, Гусева Пания Александровича и других сотрудников, своевременно обеспечивающих бойцов и командиров групп и отрядов горячей пищей, продовольствием, обмундированием, боеприпасами, тёплым бельём и рукавицами.

Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, называя основные факторы, определившие историческую победу советских войск под Москвой, особо подчёркивал роль разведки.

«Нашей разведке, — пишет он, — удалось своевременно установить сосредоточение ударных группировок противника на флангах фронта обороны и правильно определить направление главных ударов».

В этом деле есть весомый вклад и командиров в/ч №9903.

Работа по организации и подготовке боевых групп проводилась на базах части: совхоз Александрино, севернее Вязьмы (июль-август 1941 г.); город Вязьма (сентябрь 1941 г.); помещение детского сада, район станции Жаворонка (октябрь 1941 г.); помещение детского сада, район «Зелёные дачи» в районе Кунцево (ноябрь 1941 г.); здание Энергетического института по Красноказарменной улице, дом 14 (конец ноября 1941 г. — декабрь 1942 г.).

После разгрома немецких войск под Москвой в/ч №9903 приступила к подготовке групп и отрядов для действия в глубоком тылу противника.

Начиная с марта 1942 г., группы численностью 10-12 человек, обеспеченных, как правило, радиосвязью, перебрасывались на самолётах и десантировались в заданном районе.

В августе-сентябре 1942 г. были подготовлены и сброшены в тыл противника 4 оперативных центра численностью по 35 человек каждый.

К моменту реорганизации части в декабре 1942 г.. в глубоком тылу противника действовали: группа Михаила Гаврика в районе Полоцка, Бориса Вацлавского в районе ст. Крупки, Елены Колесовой в районе Борисова, Игната Наумовича в районе Могилёва, Бориса Тульчинского в районе Гомеля, Григория Сороки в районе Орши, Николая Майдана в районе Рославля, оперативные центры под командованием Спрогиса А.К. в районе Борисова, Куличкина Н.П. в районе Ельни и Чернова К.В. западнее Рославля, отряды Николая Борисова в районе Новозыбкова и Степана Кидяева в районе Дятьково.

После окончания Великой Отечественной войны бойцы и командиры в/ч 9903 проводят большую работу по военно-патриотическому воспитанию молодёжи. Во многих школах Москвы и других городов Советского Союза созданы музеи боевой славы, посвящённые героям части.

Работу ветеранов части возглавляет президиум совета ветеранов. Председателями Совета ветеранов были: Артур Карлович Спрогис, Фарид Фазлиахметов, Николай Семёнов, Клавдия Сукачёва, Иван Белый. В настоящее время Совет возглавляет Дмитрий Дмитриев. Много лет ответственным секретарём Совета работала Валентина Коростелёва, которая провела огромную работу по поиску бойцов и командиров в/ч 9903, оставшихся в живых, и родственников погибших; эти сведения необходимы были для создания архива Совета ветеранов.

В группе Бориса Крайнова выполняла боевые задания Герой Советского Союза Зоя Анатольевна Космодемьянская (Таня).

После расформирования войсковой части 9903 оставшиеся в живых разведчики создали ветеранскую организацию, которая на 1 мая 1998 г. насчитывала свыше 260 бывших бойцов.

Ветеранская организация особой разведывательно-партизнской части 9903 является коллективным членом Совета ветеранов военной разведки».

После экскурсии по музею нас пригласили в один из классов, где все мы (школьники, ветераны, учителя, родственники и близкие Лизы Беневской) разместились за «круглым столом», на котором хозяевами школы были разложены документы школьного архива, стоял диктофон для записи выступлений. Во время нашего общения ребята по очереди стенографировали, как могли, всю нашу долгую беседу. По этой стенограмме и моим заметкам я и попыталась воссоздать всё происходящее (тексты стенограмм привожу ниже).

Мы же, в свою очередь, тоже тщательно подготовились к этой встрече: привезли из наших семейных архивов фотографии родителей Лизы, её документы, почётные грамоты, удостоверения участницы комсомольских пленумов и т. п. Эти документы передавались из рук в руки во время рассказов о семье Лизы и о ней самой. Во время этой встречи были записаны рассказы и воспоминания всех, кто мог что-то рассказать о Лизе и её окружении: о её довоенной жизни, о семье, об её участии в боевых операциях. По этим записям и по написанным по моей просьбе воспоминаниям людей, знавших Лизу, из общей «мозаики» складывались портреты не только Елизаветы Ивановны Беневской, но и людей, окружавших её как в довоенное время, так и её

боевых товарищей.

Стенограмма второй встречи в школе № 1272 родственников Лизы Беневской, её однополчан и участников группы «Поиск».

Ольга Алексеевна Гурычёва читает запрос о Беневской Е.И. (было послано около 140 писем с аналогичными запросами о «пропавших без вести»). На все запросы о Беневской Е.И. всё время получали ответ: «Пропала без вести. Не вернулась из задания».

В декабре 1986 г. в Войсковую часть № 61379 Министерства обороны (103160, г. Москва, К-160) было направлено письмо за подписью директора школы Милешенковской Е.С. и руководителя группы «Поиск» Гурычёвой О.А. школы № 15 Пролетарского района г. Москвы:

«Дорогие товарищи!

В нашей школе в течение 15 лет ведётся поиск материалов о бойцах в/ч № 9903. Нам удалось объединить ветеранов части, родственников погибших бойцов, выяснить обстоятельства гибели многих бойцов части, установить памятные знаки в местах их захоронения в Подмосковье, на Брянщине, в Белоруссии, организовать музей боевой деятельности части.

Но снова и снова приходят родные с незаживающими ранами. Они ищут следы погибших или пропавших близких и незабываемых родных.

Мы обращаемся к вам за помощью, т. к. исчерпали свои возможности. Мы могли бы продолжать поиски, получив из Архива состав, довоенные адреса бойцов и маршруты следования следующих групп:

1. Группы Шумилина, выполнявшей задания с 21 ноября 1941 г. в Подмосковье в районе д. Барсуки.

….

6. Кроме того, хотели бы узнать место рождения погибших бойцов Беневской Е.И. и Жегловой Н.Л. (они жили в Москве в общежитии, документы не сохранились) и фамилию сестры Беневской, проживающей по адресу: Б. Кочки, д. 7. (Улица снесена, документов нет)[1].

О названных выше группах прилагаем имеющиеся у нас сведения.

Подписи: Милешенковская Е.С. и Гурычёва О.А.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

1. Известно о группе Шумилина:
2. Манучарова — жива.
3. Крапенкова — жива.
4. Беневская, погибла, двое детей и родные не найдены…

После прочтения письма, Ольга Алексеевна представляет друг другу, сидящих за «круглым столом», гостей и участников группы «ПОИСК». И начинается долгий задушевный разговор.

Говорит Татьяна Михайловна Осипова (урожд. Горбунова-Посадова), племянница Елизаветы Ивановны Беневской:

«Сначала хочу сказать немного о своей семье. Моя мама — Нина Ивановна Горбунова-Посадова (урождённая Беневская) — старшая сестра Лизы. Она, к великому нашему сожалению, не дожила до столь знаменательного события всего 5 лет, она умерла летом 1983 г. На мамины постоянные запросы о своей сестре она получала всё время ответ: «Пропала без вести, не вернулась из задания». Мой папа — Михаил Иванович Горбунов-Посадов, приехать на эту нашу встречу не смог, но, узнав такую радостную весть о том, что Лиза Беневская теперь не будет считаться «пропавшей без вести», обещал мне написать свои воспоминания о ней.

Я же в настоящее время работаю в МГУ им. М.В. Ломоносова в Центре информационных технологий. По образованию я «учитель физики средней школы». В

университете работает и мой муж — Юрий Михайлович Осипов, профессор, доктор экономических наук, директор Центра общественных наук при МГУ. У нас две дочери: старшая — Елена, окончившая Строгановское училище, художник, и младшая — Ксения, школьница.

Хочу представить присутствующих здесь на этой встрече моих родственников, знавших Лялю до военного периода.

Моя тётя Вера Беневская, (по возрасту — третья сестра Беневских). Она до войны закончила библиотечный институт в Ленинграде, много лет проработала в Брянске, автор некоторых опубликованных стихов. К сожалению, четвёртая их сестра Соня умерла в 1978 г., она была младшей из сестёр. Соня, после войны окончив институт культуры в Москве, работала в детской библиотеке. Как и все сёстры Беневские она, неплохо рисовала, хорошо пела, была прекрасной рассказчицей.

Наталья Ивановна Захава, (урожд. Горбунова-Посадова) — моя старшая двоюродная сестра по линии отца, дочь его старшей сестры Екатерины Ивановны. Наташа, окончив аспирантуру ГИТИСА, работала театральным критиком.

Елена Дмитриевна Михайлова — моя двоюродная сестра, тоже по линии отца, дочь Ольги Ивановны, средней сестры, в нашей семье её зовут Алёна. Она окончила филологический факультет МГУ им. Ломоносова. Работает заместителем директора по науке Литературного Государственного музея.

Уходя на фронт, Елизавета Беневская оставила для сообщений адрес своей сестры: Горбуновой-Посадовой Нины Ивановны (урожд. Беневская) 1913 г. рождения. Во время войны она работала хирургом в челюстно-лицевом госпитале по указанному в письме адресу. Госпиталь был размещён в школе, адрес которой был 2-ая Фрунзенская ул. (в настоящее время школа снесена, на её месте построен «элитный» дом).

Александр Иванович Беневский, сын Веры Ивановны Беневской, мой младший двоюродный брат. Пошёл в профессии по стопам своей тёти Нины, моей мамы. Он хирург-онколог, профессор.

Лена Осипова, моя старшая дочь. Художник, окончила Строгановское училище.

Олег Александрович Лекает, мой отчим. В 1944 году моя мама, развелась с папой и вышла за Олега Александровича замуж. По образованию он техник-энергетик, руководил монтажом теплоэлектростанций, под его руководством строилась Каширская ГРЭС. Два года был в Китае, руководил там строительством ТЭЦ в двух городах. По своей профессии он ближе всего к Лизе Беневской.

Теперь мне хочется рассказать то немногое, о чём я с детства знала по рассказам моей мамы и моих тётушек.

В нашей семье Лизу с самого детства называли ЛЯЛЕЙ, поэтому во многих рассказах о ней так и говорили: Ляля.

Мои дедушка и бабушка, родители сестёр Беневских — Иван Аркадьевич Беневский и Анна Исидоровна (урожд. Федоровская). В 1913 г. в своём имении, около посёлка Дубровка Брянской области, они организовали сельскохозяйственную христианскую общину. К этому времени они усыновили 4-х детей-сирот, а с 1914 г. стали брать в свою общину детей-сирот, родители которых погибли во время первой мировой войны и гражданской войны, и организовали на базе своей общины детскую трудовую колонию. В 1913 г. рождается их первенец — Нина, затем в 1915 г. — Лиза, в 1917 г. — Вера, а в 1921 г. самая младшая из сестёр — Соня. В 1922 г.

После революции 1917 года Иван Аркадьевич работал в Комиссариате по народному образованию инспектором детских домов и инспектором по сельскому хозяйству в Брянской области. Возвращаясь из очередной своей командировки по инспектированию (спешил домой и ехал в товарном вагоне), заразился сыпным тифом. От него заразилась и его жена; и они оба умерли, оставив сиротами и усыновлённых

детей, и своих дочерей. Опекунство над детьми Беневских оформляют на их тётю, среднюю сестру Федоровских — Федоровскую Евдокию Исидоровну. Помогала ей в хозяйстве и её младшая сестра Елизавета, у которой к тому времени уже образовалась своя семья (она вышла замуж за Якова Лялина). Шефство над детьми Беневских осуществляла и сестра Ивана Аркадьевича Беневского — Мария Аркадьевна Степанок (урожд. Беневская); а также друг и единомышленник Ивана Аркадьевича — Иван Иванович Горбунов-Посадов. Благодаря его ходатайствам с колонии «Дубровка» не брался ежегодный земельный налог вплоть до совершеннолетия старших дочерей Беневских.

По окончании с отличием средней Дубровской школы старшие сёстры Беневские едут в Москву. Нина поступает в медицинский техникум, а Лиза — в энергетический. В 1932 г. Нина, окончив с отличием медицинский техникум, поступает в Московский медицинский институт, а вскоре выходит замуж за Михаила Ивановича Горбунова-Посадова. Лиза после окончания энергетического техникума работает преподавателем в Московском энергетическом институте, а в 1939 г. становится его студенткой и со второго курса уходит добровольцем на фронт.

А в 1942 г. Нина получает извещение, что Лиза «пропала без вести», не вернувшись из своего четвёртого боевого задания. К этому времени Нина, проработав земским врачом в Завидово Калининской области, уже, будучи матерью двух детей (Маши — 1937 г.р. и Тани — 1941 г.р.), работает хирургом в челюстно-лицевом госпитале, разместившемся во время войны в школе на Больших кочках в Москве. Этот адрес Лиза Беневская оставляет в своих документах на случай своей гибели».

Рассказывает Наталья Ивановна Захава (урожд. Горбунова-Посадова, старшая двоюродная сестра Т.М. Осиповой.):

«Мне просто интересно рассказать о корнях семьи Беневских. Это очень интересная семья. По отцу Ивана Аркадьевича — Аркадия Семёновича Беневского, они принадлежали к известному дворянскому роду: Аркадий Семёнович Беневский был генерал-лейтенант царской армии. Его деятельность связана с Сибирью — он был помощником генерал-губернатора Хабаровского края. На его портрете ордена не только русские, есть и орден Болгарский — он принимал участие в освобождении болгар от турецких завоевателей. Аркадий Семёнович являлся кавалером орденов «Св. Анны», «Св. Владимира», французского «Ордена Почётного легиона». Он почётный гражданин городов Благовещенска и Хабаровска.

Дед со стороны матери Исидор Прокофьевич Федоровский был литейщик, модельщик-

краснодеревщик очень высокого класса. У него руки были совершенно изумительные.

Сестра отца Лизы — Мария Аркадьевна Беневская в 1906 г., разряжая самодельную бомбу в одной из Московских конспиративных квартир, неосторожно сломала запал и бомба взорвалась в её руках. И Мария Аркадьевна потеряла одну кисть руки, а на другой у неё не хватало пальцев. Но, тем не менее, она всё делала сама. Она была приговорена к смертной казни, но благодаря тому, что её отец генерал ходатайствовал перед царём, её приговорили на вечную каторгу. И она вот в таком состоянии шла пешком в Сибирь в ссылку. Эта замечательная, изящная женщина — Мария Аркадьевна — прожила на каторге до 1917 г. Там она встретилась с Иваном Кондратьевичем Степанок. Это был — замечательный, огромного роста мужчина, бывший матрос. Он участвовал в восстании на броненосце «Потёмкин», но не с самого «Потёмкина», а с другого корабля, который вместе с «Потёмкиным» в 1905 г. ушёл в Румынию, где они сдались румынскому правительству. Ну а затем румыны передали их царскому правительству, и они были отправлены тоже в ссылку. Мария и Иван на каторге поженились. В 1912 г. в Баргузине у них рождается их первенец — Илья, а через несколько лет — Степан. Илья в годы сталинских репрессий из-за анекдота, рассказанного на выпускном вечере мореходного училища, со всем своим курсом был отправлен в ссылку на Север, где пробыл до 1953 г. Мария Аркадьевна и Степан скончались в 1942 г. в блокадном Ленинграде.

Это были люди, от которых на всю жизнь остаётся какая-то удивительно светлая память.

И вот в жизни всё как-то перепутано, и также было перепутано, наверное, в отношениях между революционерами разных направлений. Ближайшим другом Марии Аркадьевны была дочка Глеба Успенского, которая была первой женой Бориса Савинкова. Кстати сказать, Мария Аркадьевна тоже была в группе Б.В. Савинкова, они с ним были какие-то кузены, во всяком случае, они так себя называли… Савинков, конечно, и втащил Марию во всю эту историю с бомбой. В дальнейшем, когда Савинков стал врагом, они уже давно не общались. А Вера Глебовна уже не была его женой, хотя у неё от него были дети. Ну, в общем, Вера Глебовна Успенская очень симпатичная, высокая, интеллигентная старушка возила нас с Лялей (Лизой Беневской) по Петергофу, по Царскому селу.

И вот я помню такую историю. Мы с Лялей шли вместе с Марией Аркадьевной и Верой Глебовной по Кировскому мосту в Ленинграде. Навстречу нам шёл человек, который остановился, поздоровался с нами. Он их знал. И когда он уже прошёл, оказалось, что это Сергей Миронович Киров. Видимо, революционеры тех лет знали друг друга. Это

произошло так быстро, я тогда ещё и понять сразу не могла, кто это.

И вот мы с Лялей очень дружно путешествовали по Ленинграду, а потом мы поехали в Дубровку. Голод был ужасный в это время в тех краях. Дубровка находится между Смоленском и Брянском. И я помню, как мы приехали туда ночью. Это была удивительная для меня, москвички, семья. Там жили и дети Ивана Аркадьевича, и вот те, кого они воспитывали и пригрели во время гражданской войны. Они росли все как близкие родственники. Дом этот был чрезвычайно интересным. Там ещё были старинные названия комнат: диванная, граммофонная. Есть было почти нечего, ели в основном яблоки, которые лежали повсюду. И была огромная библиотека. И Ляля, также как и её все сёстры были страстными читателями, т. е. они были все образованными девушками. В то время, я помню, очень мы все увлекались Сенкевичем. Эта любовь к чтению сделала сестёр Беневских какими-то необыкновенными людьми, хотя росли они в глуши.

Их умерший отец Иван Аркадьевич в начале XX века получил высшее агрономическое образование (университет г. Галле, Германия) и вернулся в свои родные места. Занимался сельским хозяйством и трудовыми детскими колониями (коммунами). Насколько я знаю, существуют какие-то сведения, что Дзержинский интересовался этой его коммуной. Но сам Иван Аркадьевич был связан с Толстовством. Не так давно были найдены несколько писем Толстого к отцу Ляли.

Ляля была человеком с огромным чувством юмора. Жизнь была, в общем-то, голодноватой, но смех раздавался постоянно. Все были плохо одеты, но все жили весело, и ужасно много читали.

Мой дядя Михаил Иванович, Танин отец (Т.М. Осиповой) женился на Нине Ивановне, старшей сестре Лизы, тоже интереснейшем человеке, прекрасном враче, изумительной женщине. И Ляля приехала к нам жить и учиться. Я точно не могу сказать, какой это был год, кажется 1932. И у нас она жила какое-то время. Мы страшно увлекались Маяковским. Дружили. Как-то Ляля с возмущением сказала, прочитав у Лили Бриг: «Как это Маяковский не любил детей, когда он написал такие чудесные стихи для детей, и сколько прелести в его отношении к животным!».

Она была человеком очень тонким, очень душевным. И то, что она ушла на фронт, это было, конечно, для неё закономерным — потому что она вышла из такой семьи, и сама была такой удивительной молодой женщиной. Я потрясена была, недавно узнав, что какие-то следы её нашлись.

Ляля появляется в Москве и поступает в энергетический техникум, учится она там до 1936 г. После техникума она несколько лет работает в энергетическом институте и поступает туда учиться студентом (1940 г.). У неё была очень узкая и уникальная специальность, она, только окончив техникум, преподавала в институте. Будучи студенткой, она из института ушла на фронт».

(Примечание Т.М.Осиповой: Ниже будут приведены подробные воспоминания Натальи Ивановны Захава, которые она написала по моей просьбе)

Рассказывает Олег Александрович Лекает (с 1944 г. отчим Т.М. Осиповой):

«Дело в том, что я Нину Горбунову знал с 1935 г. Она училась тогда в институте.

Вот помню следующий эпизод. Это было в 1940 г. Я, будучи холостым, провожал одного своего приятеля; он тоже, как и я, был монтажником, и уезжал на монтаж. Мы основательно выпили. Мне казалось, что выпил вполне в меру. Время свободное было, и я направился в общежитие к Ляле. У неё была комнатка на два человека. Она была со своей приятельницей. Попоили они нас чайком, поиграли на гитаре, спели мне. А на другой день Ляля позвонила Нине и возмущено-удивлённо сказала: «Ну и знакомый у тебя!?» Так что Лиза была человеком очень правильным.

Я на Нине женился в 1944 г., к этому времени она развелась со своим первым мужем Михаилом Ивановичем Горбуновым-Посадовым. Я был командирован на Советский флот и попросил, чтобы мне дали 3 дня в Москву заехать. В эти три дня мы с Ниной и поженились. Она мне рассказала про Лялю. Осенью 1941 г. Ляля к ней зашла и говорит: «Наш институт эвакуируют, и я с ними уезжаю». И Ляля уехала с институтом. А дней через 5 появилась вдруг и говорит: «Знаешь, Нина, я передумала. Никуда я не буду эвакуироваться, я пойду добровольцем на фронт». Она из двух заданий возвращалась. Приходила вся обгоревшая, измученная. Потом маленький отдых и опять на задание. Вот она трижды возвращалась, а из 4-го задания не вернулась. И сколько Нина не ходила по военкоматам, там говорили одно: «Пропала без вести»».

Рассказывает Вера Ивановна Беневская (младшая сестра Е.И. Беневской):

«В Дубровке, когда мы жили, у нас было 20 человек в коммуне. Отец работал инструктором по Брянской губернии по организации детских домов. О родителях я помню немного: когда они умерли, мне было 5 лет. Но очень хорошо помню, как папа усаживал нас детей около печи и в специальных вафельницах-зажимах пёк вафельные шарики и тут же раздавал нам, было удивительно вкусно. И ещё помню папу перед

самой его кончиной. Он лежал на кровати чисто выбритый, обычно же мы видели его всегда с небольшой аккуратной бородкой. Поэтому он был как-то совершенно не похож на нашего папу. И только рука с обручальным кольцом, погладившая меня, убедила меня, что это папа. Маму же отвезли сразу же в больницу, где она пробыла немного и тоже умерла. Как рассказывала наша тётя Дуня, мама всё время рвалась домой к детям, её не пускали. Так она даже укусила тётю Дуню, вырываясь из её объятий.

В феврале 1922 г. отец умер, а в марте этого же года умерла мать. Остались маленькие дети. Опекуншей была назначена мамина сестра, тётя Дуня, которая нас воспитывала. Удалось ей и моего сына тоже воспитать. Больше всего дружили Нина и Ляля, у них разница была менее двух лет. Они очень много читали, Нина читала уже с четырёх лет и любила читать вслух Ляле. Когда же Ляля сама начала читать, то во время одного из вечерних чтений от упавшей лампы осколок поранил Ляле лицо, у неё был шрамик над правым глазиком. Ей говорили, что когда вырастет, со временем он станет менее заметным. Меня в компанию они не принимали. И у Нины, и у Ляли точные и гуманитарные науки шли на «отлично». У Нины не было определённого стремления стать врачом, а у Ляли — стать энергетиком. Ляля была человеком в высшей степени принципиальным, обязательным и большой душевной теплоты.

В 1938 г. я поступила в библиотечный институт, остановилась у Ляли. Она мне помогала. С одной стороны она глубоко думала о проблемах, с другой стороны — компанейский человек, могла и спеть, и посмеяться. У Ляли с раннего детства был порок сердца, но, несмотря на это, она занималась физкультурой и спорт любила. Её гибель все очень переживали».

Рассказывает Елена Дмитриевна Михайлова (двоюродная сестра Т.М. Осиповой):

«Я хочу немного рассказать о своих детских впечатлениях. Мне было 9 лет, когда началась война. С Лялей я виделась не часто, потому что жила с родителями в другом доме, только приходила к бабушке Елене Евгеньевне (Горбуновой-Посадовой). Но Лялю помню очень хорошо. Для меня Лялин образ и внешний, и внутренний связывался с героическими началами эпохи 30-х годов. 30-ые годы — это очень сложный период: горький, трудный, высокий, с порывами, с энтузиазмом. Естественно, там всё было переплетено. Если вы видели плакаты ОСВХИМА девушки парашютистки, например, для меня всегда это связывалось с Лялей. Я не могу рассказать о конкретных своих встречах, но я помню очень крепкое, сильное тело физкультурницы. Помню, что когда я приходила в Парк Горького, где тогда стояла парашютная вышка, и с неё можно было прыгать, для меня было ощущение, что с такой вышки прыгала Ляля — крепкая, сильная, круглолицая, очень радостная. Я даже помню ощущение её рук, когда я была

маленькая: вот что-то она со мной тогда творила, куда-то меня подкидывала, ловила.

Когда началась война, мы всей семьёй жили на даче в Подмосковье в районе Павлово-Посада. А когда начались бомбёжки, моя мама Ольга Ивановна с Ниной, нас детей (меня и четырёхлетнюю Машеньку, старшую дочь Нины), прятали в щель, которая была за домом. А сами обегали вокруг дома и глядели, куда упадёт зажигалка, чтобы нас вовремя вытащить. Нина в это время была на сносях. И вот 14 июля мы утром проснулись, смотрим, а Нины дома нет. И мама рассказывает, что ночью она Нину увела в роддом. Чтобы попасть в роддом, надо было перейти по мосту через речку Истру, а так как на том берегу был небольшой старинный оружейный завод, то на мосту стояла военная охрана. Ночью там вообще ходить было нельзя. Мама потом со смехом рассказывала: «Мы с Ниной подходим к солдатику. А он говорит: «Где пропуск?» «Какой пропуск? Вот наш пропуск!» — говорит Нина, показывая на свой живот». Так нас и пропустили. А на утро уже родилась Таня».

Далее говорит Нина Ивановна Цалит, участвующая вместе с Лизой Беневской в её первом боевом задании. Мне очень запомнилась эта женщина: высокая, я бы сказала, статная, гладко зачёсанные и собранные в небольшой пучок седые, чуть вьющиеся волосы. Рассказ её нетороплив, негромкий, чувствуется, что она вновь переживает тот далёкий страшный бой, где на их глазах были первые погибшие товарищи. Как вспоминала всегда моя мама, именно после этого боя в нашей семье знали о гибели Курта, смерть которого очень переживала Ляля; даже я с детства запомнила это имя.

Цалит Нина Ивановна — родилась 9 декабря 1918 г. в селе Паново Татарская АССР, закончила три курса Торгового института г. Москвы. Член ВЛКСМ с 1934 г. В военную часть 9903 пришла добровольно 15.10.1941 г. Сбор был назначен у кинотеатра «Колизей» на Чистых прудах, ныне в этом здании театр «Современник». Среди добровольцев были ещё несколько девушек: Клава Сукачёва, Валя Плахина, Соня Макарова, Тося Штырова, Саша Крапенкова, Жанна Манучарова, Вера Волошина, Маша Гусева, Нора Смирнова, Лёля Шатерник, Мамонтова Лидаи др., всего 40 человек. От кинотеатра на двух грузовиках всех повезли по шоссе Москва-Минск на базу войсковой части, которая располагалась в посёлке Жаворонки, в домах детского сада завода «Серп и Молот», где ребята должны были пройти соответствующую военную подготовку.

Нина Цалит участвовала в заданиях:

Первое задание: октябрь 1941 г. — Уваровский район в группе Герчика (в группе 3 девушки — Нина Цалит, Нина Жаровская и Лиза Беневская). Подорвали нефтебазу,

уничтожили военного коменданта Уваровки, бургомистра и т.д.

Второе задание: с 5-12 ноября в группе Г.Я. Герчика в том же составе. Об этом задании пишет Антонина Лапина: «Я пошла с группой Герчика, в которой были Сорока, Винницкий, Н. Цалит, Б. Туклчинский, Геннадий Фёдорович Чехлов (Герой Советского Союза). В этой же группе был немец — Курт (фамилию не помню). Группа была большая. В районе Звенигорода нашей группе пришлось принять жестокий бой с до зубов вооружёнными техникой фашистами. В этом бою мы потеряли Курта (у лесной дачи — дом лесника). Но фашистов погибло гораздо больше в этом бою. Это было перед 7 ноября 1941 г.. Числа 15 ноября я снова возвратилась в в/ч 9903)».

С конца ноября по начало декабря Нина Ивановна участвовала в боевых заданиях уже в группе Добина.

В январе 1942 г. десантировалась с отрядом Худякова в Смоленскую область; с августа 1942 г. до весны 1943 г. участвовала в «рельсовой войне» в группе Б.Х. Тульчинского в Белоруссии на дорогах Гомеля в Речицу, Бахмач, Брянск, Чернигов. В группе были: Тульчинский, Винницкий, Буслаев, Козлёнков, Налимов, Цалит, Жаровская, Чехлов (по письму N 42 Чехлова — музей в/ч 9903 школы N 1272 г. Москва).

Нина Ивановна награждена медалью «За отвагу».

В марте 1943 г. она вернулась с фронта и работала бухгалтером на молокозаводе, в лесхозе в Кушалино Калиниской обл., в 1945-1949 г.г. — в Завидово на фабрике игрушек, на завидовском экспериментально механическом заводе, в 1951-1954 г.г. участвовала в экспедиции на Таймыре по нефтеразведке, а в 1954-1960 г.г. — на военном строительстве на Кольском полуострове бухгалтером. С 1974 г. пенсионерка по возрасту.

О себе Н.И. Цалит пишет: «Мой отец — латыш, но ему пришлось покинуть Латвию, так как его братья участвовали в революционном движении и преследовались буржуазной охранкой. Попав в Россию, они приняли участие в Октябрьской революции. Таким образом, латыши, попав в революционную Россию, боролись вместе с братскими народами против эксплуататоров и угнетателей».

О Н.И. Цалит упоминается в статье Н.А. Смирновой «Юность комсомольская моя» в местной газете Сухиничского района Калужской обл. (февраль 1972 г.) как боец в/ч 9903. Там же названы следующие имена: Н.А. Смирнова, Вера Волошина, Лёля Шатерник, Жанна Манучарова, Саша Крапенкова, Аля Воронина, А.К. Мегера, А.К.

Спрогис.

Рассказ Нины Ивановны Цалит:

«В ноябре 1941 г., мы пошли на первое задание. В группе Григория Герчика[1] было три девушки: Лиза, Нина Жаровская и я, остальные ребята. Лиза была постарше всех, была заботливая, как мать. Мы находились под Рузой, и мы там заблудились. Река ещё не замёрзла. И мы ждали, пока она замёрзнет, чтобы нам обратно переправиться. Кругом немцы. Пошли в лес. По пути минировали шоссейные дороги, резали связь. В лесу встретили дядьку. Мы его спросили, где и что? Он говорит: «Вот тут вот немцы, около одного километра, большой немецкий штаб стоит, а вот тут недалеко лесной кордон, небольшой 2-х этажный домишко». Шёл мокрый снег. Все были мокрые, перезябшие. Мы решили зайти погреться. Зашли и стали, кто есть, кто переобуваться. Я сняла один сапог и слышу команда: «В ружьё! Немцы!» Мы были ещё новичками на войне, необстрелянные совершенно, и ничего мы не знали. Ребята, у кого были автоматы, они стали отстреливаться, кто со второго этажа вниз спустился. А внизу на посту стоял Курт, и его первого убили. Потом выскочила Жаровская. Не глядя, из пистолета стреляла. А немцы пришли с танкеткой. Их было человек 50. Они стояли кучкой и ничего не могли понять, в чём дело? Потому что очень неожиданно стали наши бить. У нас было 5 автоматчиков, и они открыли такой сильный огонь. Так что они эту группу фашистов всю повалили. И все ушли. Наверху остались только мы с Лизой и с женщиной из местных, она сидела за печкой и вокруг неё куча маленьких ребятишек, она страшно плакала. И в этот момент мы заметили, что лежит наш раненый — это был Курлянский. Мы его оттащили от окна, потому что пули свистели. Решили ему помочь, пока мы его расстёгивали, все разбежались — наши ушли вниз. И такая тишина настала, что было слышно, как у него пенилась кровь — у него разрывной пулей было всё разворочено. Он ничего не сказал, посинел и тут же у нас на руках и умер, ему помощи никакой уже нельзя было оказать. Мы спустились со второго этажа. Никого нет. Только лежал Курт. Выпал первый снег и все следы были очень заметны. Я говорю: «Пойдём по следам». Поскольку я выросла в лесу, мне это было легко. Я быстро сориентировалась. Пошли мы по следу, а вокруг этого дома было пустое место, видимо, огород или луга там были. Нам нужно было до леса как-то добраться. В этот момент мы слышим щёлканье затвора. Там стояла баня. Мы с Лизой залегли. Думаем: «Ну, всё: сейчас нас положат», спрятались за мешки. И вдруг выходят оттуда в шинелях школьники. Это должно быть были москвичи. Видно, что они совсем молодые. Оказалось, что мы заняли дом, а они заняли баню, чтобы согреться. Когда услышали стрельбу, они залезли в эти репьи. Мы с Лизой увидали, что это свои,

думаем: «Ну, пускай они там остаются. У них своё дело, у нас своё». Мы пошли с ней в лес. В лесу мы недалеко прошли, с полкилометра, и нашли всех своих.

Лиза была человек исключительный. Я тогда этого даже не понимала. Вот, например, нам дадут концентраты, а что с ними делать, мы не знаем, мы как-то не готовили, ничего у нас не было. А Лиза сразу даёт команду, раз-раз быстро всё сделает и у неё всё прекрасно получается. Поэтому мы за неё держались. Мы с ней дружили. Она как-то доверительно ко мне отнеслась. И она мне рассказала, что оставила 2-х детей. Я говорю: «Как же так ты могла оставить 2-х детей, а сама ушла на фронт в такую мясорубку, с кем ты их оставила?» Она говорит: «С мамой оставила. Муж у меня на фронте».

Примечание*: у Лизы своих детей не было — у неё родился мёртвый ребёнок, и она говорила о своих двух племянницах — дочерях её старшей сестры Нины. Рассказ о детях Лизы Беневской и её мужа был той ошибочной версией, по которой бывшие однополчанки и начали свои поиски родственников Лизы Беневской: мужа и детей. Это на длительное время и затянуло поиск: об истории поиска будет рассказано ниже.*

Говорит Маргарита Михайловна Паншина (урожд. Каравай):[2]

Вот то, что я сумела тогда записать со слов Маргариты Михайловны:

1-ое наше задание группы Кати Пожарской, как её тогда начали называть «2-ой девичьей» (первая — была Лены Колесовой), было в под Москвой на Волоколамском направлении с 10 по 19 ноября 1941 года. 2-ое – в районе Волоколамска – Новопетровска с 26 ноября по 5 декабря. А 3-ье задание группы Кати Пожарской (середина-конец декабря) в район оккупированного Звенигорода. Подготовка проходила в Дачном посёлке (Кунцево). Ездили много на лыжах, ставили мины. Лизы Беневской с нами тогда ещё не было. Видели разрушенные монастыри. Делали записи, наблюдая сверху. Из этого задания вернулись уже на Красноказарменную, д. 14. Там началась подготовка к следующим походам: много ходили на лыжах в Измайловском лесу.

Лиза пришла к нам в группу Кати Пожарской под новый год. Для неё это было уже четвёртое задание. Некоторые из нас знали, что Лиза была на первых двух заданиях в группе знаменитого (в нашей части) Григория Герчика. О нём много рассказывали легенд, он из первых командиров групп тов. Спрогиса.

Наша девчоночья группа Пожарской немного гордилась тем, что мы такие самостоятельные. Но в тот раз нас влили как отдельную группу в отряд Семёнова, для нас это было уже 4-ым заданием.

В начале января мы отправились в тыл врага.

Перед заданием я Лизу плохо помню. А вот уже когда мы ехали в машине, я запомнила.

Во-первых, у неё низкий очень хороший голос, очень слух, видимо, хороший. Песни она знала все. Она очень такая статная, рослая женщина, румяная.

Лиза была почти ровесница Кати Пожарской, а мы смотрели на неё как на взрослую серьёзную женщину. На её широком открытом лице был небольшой шрам под глазом. Это меня тоже очень интриговало, шрам под глазом. Я так и не решилась её спросить о нём, но думала, что это уже, видимо, ранение.

Она не рассказывала почти ничего о себе.

Хорошо помню, как мы ехали на задание в открытой машине. Все много пели, Лизин глубокий низкий голос звучал особенно выразительно при словах: «Пусть ярость благородная вскипает как волна…»

Так всю жизнь, как слышу эту песню, всплывает лицо Лизы.

Как она славно улыбалась припеву: «Лиза, Лиза, Лизавета, я люблю тебя за это…» В группе было две Лизы, и они поглядывали друг на друга. А мы старались повторять этот припев почаще, даже в песне «Из-за острова не стрежень».

Во время боя она была в ряду ближе к Кате Пожарской и Наде Жегловой. При отступлении я Лизу не видела, мы шли с другой Лизой — Крыловой и несколькими ребятами по старой лыжне.

Когда собрались в деревне, Катя Пожарская рассказала о смерти Лизы и Нади. О Михаиле (Новикове) я не слышала. Помню, как Лиза Крылова ходила за ребятами, которые искали санки, чтобы поехать за нашими девчатами, и со слезами просила: «Побыстрее, ведь им так холодно».

С тяжелыми чувствами возвращались мы к своим. Да так это и осталось камнем на сердце».

Вера Ивановна Беневская поясняет о происхождении шрама под глазом: «Она в возрасте двух лет уронила горящую лампу на глаз. Ей говорили, что когда вырастет, можно будет сделать пластическую операцию. Так она со шрамом и осталась».

Маргарита Михайловна: «Но мне казалось, что она уже побывала в бою и была ранена. А этот бой был уже в январе. Война уже шла более полугода. Мне казалось, что Лиза уже прошла несколько боевых заданий: столько в ней было уверенности, спокойствия. Надёжный человек, с которым было очень приятно и легко. Поэтому у меня очень хорошее впечатление от неё осталось. Она была постарше. 5 лет разница. Смотришь на неё как на человека знающего. Чувствовался в ней и ум, и образование, и знание, и интересная она была.

После боя вдруг оказывается, что несколько наших бойцов из леса не вернулись, и ребята поехали обратно к месту боя их искать. Привезли только одну Катю Елину. А Лизы и Нади Жегловой — нет. Это было такое потрясение от нашей первой потери. Из группы ещё двое были тяжело ранены. Лия Кутакова уползла с того места, где её ранило в ноги; тоже её не нашли. Она приползла с надетыми лыжами на руках в соседнюю деревню.

Эти девочки, Лиза и Надя, всегда как-то со мной, в моей памяти. Спокойно жить было как-то трудно, какой-то долг: найти кого-нибудь из их родных, рассказать им о том, что знаешь. Например, мы знали, что мать Нади Жегловой живёт в Смоленской области. Тогда она ещё не была освобождена. В общем, это осталось на всю жизнь».

Рассказывает Екатерина Степановна Елина (Столярова):

«Лиза с Надей были от меня недалеко. И они были убиты, а Лия Кутакова уже отползла. Я же уже в какую-то канавку спустилась, до этого мы были на какой-то верхушке холма. А Екатерина Яковлевна (Пожарская), когда я их оставила, они все были рядом; тогда, когда поехали за санками. А когда вернулись, они меня взяли, а Лизу с Надей не нашли. Может быть, там побывали немцы?»

Продолжает рассказ Елизавета Васильевна Паничкина (урожд. Крылова):

«Мы всегда любовались Лизой. Такая приятная женщина была и никакого зла никому не делала, всегда всех подбадривала. В машине пели: «Лиза, Лиза, Лизавета…» и мы с ней, улыбаясь, переглядывались.

Когда прибыли на место то, вся беда была в том, как нам казалось: что либо нам надо

уходить с невыполненным заданием, либо что-то сделать. И тогда все решили принять бой, задержать отступающего от Москвы врага. Расположились мы все по отрядам. Наша группа девочек с командиром Катей Пожарской были все вместе. Во время боя я Лизу не видела. Мы все лежали. Нам сказали оборону держать. Лиза на правом крыле была».

Маргарита Михайловна добавляет:

«Моё участие в том бою в конце января 1942 года, когда погибли Лиза Беневская и Надя Жеглова, с девочками из группы Кати Пожарской было последним. Мне пришлось вернуться в Москву, т.к. была больна моя мама. А с апреля 1942 года по февраль 1943 года группа Кати Пожарской была направлена на Брянщину в сводный отряд Орлова: там были Ильин В.Г., а с конца апреля и Григорий Есин. В его отряде 80 человек, 1/4 состава — женщины, среди них группа Кати Пожарской. Там погибли ещё две замечательные девушки: Соня Пошуканис и Лида Новикова.

Когда впервые после войны встретились и стали вспоминать тот бой и погибших товарищей, как мы спутали фамилии Чарская и Беневская, мне до сих пор не понятно. Когда выяснили, что фамилия Лизы – Беневская, тогда и послали очередной раз запрос в архив. Нам из архива дали адрес, который оставила в своих документах Лиза. Адрес своей сестры Нины, но не была написана её фамилия. Адрес сестры: Большие Кочки, дом 7. Дали ещё запросы, никакого ответа. В этом доме до госпиталя была школа. Теперь этой школы нет, а район Больших Кочек — это теперь Комсомольский проспект. Ничего у меня не получалось. Я смотрела домовые книги: никаких записей о жильцах этого дома нет, поскольку это была школа. Тогда я обратилась в Архив Октябрьской Революции, потому что раз сестра там жила, значит, как мне казалось, она должна была там прописана…»

Примечание: Нина Ивановна Горбунова-Посадова во время войны работала хирургом в челюстно-лицевом госпитале, который располагался в то время по указанному адресу.

Рассказывает Михаил Азаренков:

«Я родился в Можайском районе, учился в восьмом классе. В 1937 году моего отца арестовывают. Семья большая. Я пошёл работать трактористом. 2 года проработал… Мне было тогда 23 года. Вдруг немцы наступают. Подходят к Вязьме. У нас

организовывают отряд для эвакуации тракторов на восток. Мы далеко не уехали. Нам приказ: расходиться кто куда. Мы разбежались. Только вышли из деревни. Отряд немцев. Забрали всех в плен. Нас отправили под Медынь, чтобы потом отправить на Запад. Немцы с собаками. Там был поворот крутой дороги. Мы в это время убежали. И мы втроём добрались до дома. Ещё раз попались немцам в лапы. Убежали, и вернулись домой. Потом несколько времени прошло. Однажды мы случайно пошли в лес на лыжах. Находим партизанский отряд. Потом мы с ними имели связь: помогали оружие доставать, патроны. Докладывали им: какие части, где стоят. В январе очередное задание было. Только мы в лес вышли, и вдруг встречаем какой-то отряд, в котором и женщины, и ребята. Пошли мы все вместе, расположились. Местность посмотрели. Решили: в ночь мы должны сопровождать отряд с Бирюковым к месту боя, к оврагу под Дунино. В первом часу ночи собрались, перешли озеро, поляну, лес. Подошли уже к самой дороге. Немцы ещё не выехали: они в Сосновцах стояли. Командир посмотрел: заняли рубеж, дорогу ещё не заминировали. Выбрали место. Командир приказал остановить небольшой обоз, набрать оружия. Немцы ехали бесконечным обозом. К вечеру был небольшой перерыв, и мы пошли: дорогу заминировали. И вот едет обоз. А командир Каган вышел прямо к дороге. Он первый выстрелил. Это было командой, и сразу бой начался. Все девушки лежали с правой стороны, мужчины — с левой стороны. Со мной лежал Костя Фёдоров. Минут 40 бой шёл. В обозе, который шёл напротив, всех немцев перебили. Вдруг команда отходить. Ну, мы собрались, кто, как мог, и стали собираться на опушке леса: посмотрели, кого нет. Пошли в посёлок.

Через два часа двух ребят посылают в разведку. Они никого не нашли. Второй раз уже под утро посылают. Тоже никого не нашли. Потом отряд собирается и уходит.

Уже через сутки, я вышел из дома. Смотрю, что это валяется в снегу. Я пошёл к товарищу, к Кольке Бирюкову, сказал об этом. Приходим, смотрим: женщина раненая с гранатами и винтовкой. Ну, мы решили, что она из этого отряда. Мы её привезли в посёлок. Моя двоюродная сестра была медсестрой. Она её обработала, перевязала. Потом мы её в партизанский отряд увезли.

Когда уже нас освободили, меня призвали в армию».

Рассказывает Лия Петровна Кутакова:

«Лиза была на 8 лет старше меня, поэтому она у меня в памяти не осталась. Она была для меня «большая»; хотя и говорили, что я какая-то сердитая, но я — всё-таки была «малыш». Уже много позже, когда я уже отлежала в госпитале, я узнала, что у нас такие потери, что погибли Надя Жеглова и Лиза. Надю Жеглову помнили по фамилии,

потому что Надя Жеглова и Катя Пожарская из одного института. А Лиза в моём представлении была — Чарская.

Наша группа девушек находилась в центре, а по бокам группы мужчин. Мы лежали долго. Это был уже отход немцев. Наша задача была: задержать их до подхода Армии, чтобы она ещё раз ударила. Лежали мы близко от дороги. Не могли ничего сказать друг другу. Немцы отступали. Чего только они не награбили. Когда раздался выстрел Кагана, мы все начали стрелять. Мы все были обвешаны гранатами. Для немцев это была большая неожиданность. Бой был длительным. Потом подошли тачанки. Бой стал серьёзней. Была дана команда отходить. Я была рядом с Катей Пожарской. Я не знаю, где была Лиза, мне кажется где-то справа. Я помню, что Лида Новикова была ранена. Она закричала, схватилась за живот. Меня тоже ранило в ноги, был сорокоградусный мороз и я решила ползти…

На другой день, к исходу светового дня, я подползаю, вижу деревню. Мне представляется, что это Сосновцы, что она на пригорке. Я припоминаю, что это именно это место, и баня по-чёрному. Я за неё спряталась и слушаю, кто там. Думаю, буду ждать, как собаки будут лаять: когда мы заходили в деревню, я прислушалась, и там, где неспокойно, там собаки очень плохо лают, воют; а где наши, спокойно, там нормально, как обычно. Ну, и дождалась. Залаяли они вроде нормально, поэтому я и двинулась туда, к верху. Потом приподнимаю голову: вижу, что это за две «единицы» стоят в чёрном? У меня в голове — «эсесовцы!» Думаю, что делать: назад я не уползу, поползу вперёд — там будет видно. Но всё-таки крикнула, хотя они потом говорили, что ничего не слышали, а мне казалось, что я кричу громко: «Ребята, это я, Лика». Ну, потом ребята подбежали. А они, как они мне сказали, боялись: немцы там заминировали и, если они будут кричать, я могу куда-нибудь в сторону отползти, а там на мину напороться. В общем, они меня забрали в избу, там накормили. Вот тогда я первый раз поела деревянной ложкой, и я до сих пор ем деревянной ложкой. Здесь меня не обработали, потому что я не дала снять с меня валенки, т. к. надо валенки резать, а я говорю: «Нельзя, это не мои, а государственные». Меня уже в землянке перевязали, заставили всё-таки резать валенок. Говорят: «Что ты, ноги потеряешь!» Там женщина была. Ну, а там меня укутали, маскхалатом накрыли.

— Ноги были завязаны?

— Да, ноги завязали, везли как мёртвячку какую-то. Привезли когда в партизанский отряд, в землянку, там наши говорят: «Кто?» — «Ваших привезли» — «Кого? Лику? Мёртвую?» А я говорю: «Да, нет — я живая». Ну, встречи были. Потом наши ушли, и вот мы с Катей Елиной (она уже была в землянке) лежали до прихода Красной Армии.

Там нас медицински обслуживала какая-то женщина, и она меня уговаривала валенки снять. Вот так я помню этих ребят.

Потом после войны, когда у нас наладилась связь с 15-ой школой, я стала искать ребят, но у меня в памяти была деревня Сосновка, и я писала по всем районам того округа, и все ответы приходили: «Нет, нет». И вот ответ пришёл, что это происходило около деревни Сосновцы.

Потом я долго лежала в Рязани в госпитале, но моя мама получила тоже известие, что я «без вести пропала». И когда в «Комсомольской правде» 6-го марта 1942 г. было интервью, Катя Пожарская рассказала о том бое, и там было сказано, что Лия Кутакова — ранена.

Ко мне прибежали служащие из этого госпиталя, чтобы я сообщила маме. А я не давала никаких известий, потому что у меня были перебиты сухожилия и предполагалась «конская стопа». Но в тот момент, вы понимаете, мне 17 лет, я думала, что я домой приеду инвалидом? Нет, я не поеду домой! А если буду здорова, то я напишу. Но тут надо было сообщать, потому что было ясно, что мама знает о моём ранении. Надо было давать весть о том, где я нахожусь. Там же я узнала о гибели Космодемьянской. Как раз тогда была напечатана статья «Таня», и её снимок с верёвками на шее. Я посмотрела, сразу говорю: «Это не Таня, это наша Зоя». Это сразу видно было».

Вопросы с места:

— Теперь вопрос: кто всё-таки видел Лизу убитой?

— Катя Елина и Катя Пожарская.

— А кто их хоронил?

— Местные жители организовывали бригады и их хоронили.

— У нас там погибли трое: Надя, Лиза и Новиков, их там и похоронили.

Азаренков: «Это уже было после войны. В 1958 г., когда я из армии вернулся. Я в

Можайске подрабатывал шофёром. У нас были слесаря и все немцы. Сколько-то прошло времени после войны и немцев стали отпускать партиями. Вот в одно время отпускают партию (летом или весной) человек 15-20, дают им сухой паёк, отправляют на станцию, и они своим ходом уезжают. И только одну партию отправили, один немец приходит к начальнику лагеря и говорит: что такой-то такой-то, которого уже отпустили, участвовал в зоне гибели Космодемьянской. И сразу телеграмму на Белорусский вокзал подают. И там его задерживают, но в Можайске его не показали. Вот такой случай был».

Рассказывает Василий Николаевич Глаголев:

«Мне тоже сказали, что фамилия Лизы Чарская. А я занимался два года полных… по деревням, всё лето целиком. А потом, когда встал вопрос, где же она всё-таки похоронена, мне нужны были документы. А как раздобыть документы, меня надоумил Медынский райком. А поскольку я всё-таки частным порядком занимался поиском, меня к этому никто не обязывал, у нас ещё бюрократия неплохо работала, и на все мои письма, которые я посылал, либо просто не отвечали, либо присылали отписку. А тут я пришёл к военкому, мы вместе с ним сочинили письмо, где было указано Чарская, Жеглова, Новиков, с просьбой сообщить, где они погибли, где они похоронены? Вот такое письмо мы отправили в Архив и довольно-таки быстро, через месяц, мы получили ответ. И в этом ответе Чарской не оказалось, а была Беневская. А до этого мне говорили, что процентов 10 была на Беневскую, а 90 — на Чарскую. И я взял версию как на Чарскую, а тут вдруг Беневская. Я сразу стал обзванивать всех и они сказали: «Конечно, конечно же, значит она Беневская». У меня тут в поиске она фигурировала как Чарская, в двух районах. Теперь дальше… Там, где они похоронены — это обычное деревенское кладбище. Мне сказали так, что они были привезены где-то под весну, они пролежали там месяц с лишним в таком состоянии. Тогда люди привыкали к трупам: и сгоревшим, и обнажённым. В общем, привезли, положили у церкви. Они лежали там дня два. Кто-то подходил из жителей, обращал внимание, а потом их похоронили на кладбище в окопе. Как мне сказали: не рыли могилу, а просто был окоп. Я спросил: «Как их один на одного положили? Там же нет места в окопе?» «Видимо, — говорят, — да». И показали мне этот холмик. За этим холмиком ухаживали довольно аккуратно много десятков лет. Потом люди стали умирать, а новые-то не привязаны к событиям. Но три женщины (их 2 сейчас), которые там живут, они говорят, что каждую весну приходят на какой-то престольный праздник, кладут на могилку какую-то еду. Тот холмик погибает. После них там конечно ничего делать не будут.

Мы все собирались 22 июня 1986 г. примерно в том месте, впервые за всю эту долгую и трудную историю. И неплохо у нас получилось, хотя были многие трудности. Впервые

люди пошли к месту этого боя. Лия Петровна ходит вокруг и говорит: «Где-то здесь должна быть ямка, в которой я лежала, потому что если бы не ямка, я бы, наверное, не была жива!» Ну, какая сейчас там ямка?! Лес настолько изменился. Я сказал, что я ямку сейчас найду. И действительно, метрах в 100 мы нашли ямку. Дальше…

Был снят фильм об этом нашем пребывании там. Фильм пока никуда не двинулся, но записано в решении Института Военной Истории сделать кинофильм по этому поводу…»

После рассказов участников встречи было общее чаепитие, во время которого Ольга Алексеевна сказала мне, что ей бы очень хотелось, чтобы обо всём том, что мы рассказали о семье Лизы Беневской, узнали и школьники, и однополчане Лизы. Она попросила снять копии с документов Лизы, фотографий, и написать о семье Беневских.

А так как я мало что могла бы написать о Лизе, о её родителях Анне Исидоровне и Иване Аркадьевича Беневских, моих бабушке и дедушке, умерших в 1922 г. в очень раннем возрасте (32-х и 42-х лет), когда даже их собственные дети в этот злополучный год были ещё очень малы (старшей Нине — 9 лет, Лизе — 7 лет, Вере — 5 лет, а самой младшей Соне — и вообще только 1,5 года) и они сами получали информацию о родителях от своих тётушек (сестёр матери — Евдокии и Елизаветы; и сестры отца Марии Аркадьевны), то я решила обратиться к своим родственникам с просьбой написать всё, что они вспомнят о семье Беневских, а кроме того более тщательно посмотреть документы из семейного архива, бережно хранимого моей мамой. Об истории архива я напишу ниже.

Воспоминания о Лизе её родных

На следующий день после этой первой памятной встречи в школе, я поехала к своему отцу Михаилу Ивановичу Горбунову-Посадову. Он провожал Лизу в её последнее задание, т. е. был единственным из нашей семьи, повидавшийся с нею перед самой её гибелью. Прочитав мои стенографические заметки, выразил желание написать о Ляле. Написали воспоминания о ней и моя двоюродная сестра по линии отца Наталья Ивановна Захава, и двоюродная сестра мамы и Лизы — Елена Яковлевна Лялина.

Привожу их воспоминания. И хотя они зачастую носят общий характер, но, тем не менее, в них очень хорошо описаны предвоенные годы: дом и быт в Дубровке (воспоминания Елены Яковлевны Лялиной), впечатления от поездки в Ленинград к тёте Лизы — Марии Аркадьевне Беневской (воспоминания Натальи Ивановны Захава),

а в воспоминаниях моего отца — Михаила Ивановича, его впечатления о Ляле, некоторое время проживавшей в нашей семье.

М.И. Горбунов-Посадов

Е.И. БЕНЕВСКАЯ

1915 — 1942 гг.

Елизавета Ивановна Беневская родилась в декабре 1915 г. в семье Ивана Аркадьевича Беневского. Она была второй дочерью в семье, кроме нее и старшей сестры Нины Ивановны в семье было еще две дочери и приемные дети. Иван Аркадьевич происходил из «хорошей» дворянской семьи. Его отец генерал-лейтенант Беневский А.С.*) был помощником Приамурского генерал-губернатора. У Ивана Аркадьевича была сестра Мария Аркадьевна**), известная политкатаржанка, террористка, потерявшая руку при изготовлении бомбы и приговоренная к повешению, с последующей заменой каторгой по хлопотам отца. Мать их, Марии и Ивана Аркадьевича, Нина Викторовна***), узнав о приговоре дочери, покончила с собой, застрелившись.

Иван Аркадьевич был близок к взглядам Л.Н.Толстого, был дружен с ним и состоял в переписке. Кроме того Иван Аркадьевич был близок к русскому сектантскому миру, к общинам сектантов. Женившись на Анне Исидоровне Федоровской, дочери баптиста, он устроил в своем имении в с. Дубровке Брянской области небольшую детскую колонию беспризорных. Ему помогали его жена и сестры жены — Евдокия и Елизавета Исидоровны. Однако в начале двадцатых годов он и его жена заразились сыпным тифом и умерли.

Сирот, а также оставшихся без призора, кажется, двух детей, из бывшей детской колонии воспитали тетки Елизаветы Ивановны (Ляли).

Примерно в 1931 г. старшие сестры Нина и Ляля приехали в Москву завершить свое образование. Они остановились вначале в семье Горбуновых-Посадовых, где родители Иван Иванович и Елена Евгеньевна****) были друзьями Ивана Аркадьевича. Кстати, Иван Иванович неоднократно небезуспешно хлопотал через Надежду Константиновну Крупскую о снятии налога с Дубровки после смерти руководителей детской колонии.

Было решено, что Нина, которая была старше Ляли на два года, поступит в медицинский техникум, а Ляля — в энергетический. Сестры были очень преданными друг другу друзьями. Они подружились и с Михаилом Ивановичем, сыном И.И. Горбунова-Посадова. Михаил Иванович в 1934 г. становится мужем Нины

Ивановны. До этого и Нина, и Ляля жили в общежитиях своих техникумов.

После окончания техникумов обе сестры поступают в соответствующие институты — Нина во 2-ой медицинский, Ляля — в энергетический.

Ляля очень часто бывала в семье Горбуновых. Незадолго до поступления в институт она вышла неудачно замуж за комсомольца, пролетарского происхождения, невысокой культуры. Ляля была весьма преданной комсомолкой и возможно пролетарское происхождение жениха сыграло здесь положительную роль. Однако, вскоре между супругами началось охлаждение и Ляля разошлась с мужем.

Если не ошибаюсь, Ляля поступила в МЭИ в 1940 г. Когда началась Великая Отечественная война, она сразу вступила в добровольческий отряд, в котором, в частности, была и Зоя Космодемьянская.

Ляля два раза возвращалась из спецзаданий невредимой. В третий раз она сказала мне, что чувствует, что теперь она уже не вернется. Так и случилось. На этот раз в январе 1942 г. задание было — остановить обоз отступающих немцев.

Почти 50 лет мы, все ее родственники не знали о ее судьбе, кроме того, что она больше не явилась. Лишь теперь, благодаря усилиям школьников-следопытов удалось найти товарищей по последнему бою Ляли. Группа «Поиск» учеников школы N 15 Пролетарского района поставили себе целью рассказать не только о подвиге Зои Космодемьянской, но и о других участниках военной части N 9903, об их героических военных г.х. Живы участники последнего боя, где погибла Ляля — Екатерина Пожарская, Лия Кутакова, Лиза Паничкина, Александра Королева, а Маргарита Михайловна Паншина, тогда она носила фамилию Каравай, очень много сделала для розыска родственников Ляли.

Лия Кутакова, которая участвовала в последнем бою с Лялей, была ранена в обе ноги, и она, как Мересьев, ползла на руках в зимней студеной ночи почти 24 часа до партизан. И когда за ней вернулись из отряда, она уже уползла. В донесении командира отряда Н.А.Семенова была ошибка, и мать Лии получила извещение, что она пропала без вести. Лия же потом долго лежала в госпитале и объявилась для своей матери как с того света.

Примечание: *М.И. Горбунов-Посадов (1908-1992 гг.) — профессор, член-корр. академии строительства и архитектуры, дважды лауреат государственной премии.*

Воспоминания Е.Я. Лялиной

(двоюродной сестры Беневской Е.И.)

Во время приезда в Москву в октябре 1994 г. к Осиповой Татьяне Михайловне Елены Яковлевны Лялиной, двоюродной сестры Нины и Лизы Беневских в Москву начался разговор о доме в Дубровке и его обитателях. Отец Е.Я. Лялиной, Яков Сергеевич, приехал в Дубровскую общину и активно в ней работал. Вскоре он женился на сестре Анны Исидоровны (матери сестёр Беневских) — Елизавете Исидоровне. Их дети — сын Юрий и дочь Елена. Елизавета Исидоровна до конца своей жизни периодически ездила в Дубровку и ухаживала за могилами Беневских, умерла она примерно в 1970 г. (надо уточнить). Договорились, что Елена Лялина напишет Осиповой Т.М. все, что ей помнится о Дубровке, в письмах-воспоминаниях.

Письмо №1 от 15.11.94 г.:

«Здравствуй, Таня!

Еще два, три дня была я под впечатлением воспоминаний, так растревожилась душа, каким-то рикошетом ярко вспомнилась личная жизнь, неиспользованные возможности, ошибки, разочарования.

Сейчас уже вошла в норму. Начала писать воспоминания о Дубровке. Делаю как ты советовала — пишу как вспоминается, но небольшой план набросала для себя. Не стала исправлять написанное, чтобы лучше были фразы расставлены, переписывать. Вообще-то я умею редактировать написанное. Но написала, как вспоминается, и решила послать…

К новому году, может быть, поеду в Брянскую область к подруге. Мне хочется получше узнать о Дубровке. Есть ли там гостиница. Там у меня есть знакомая, я вспомнила, она работала директором плодопитомника в Новозыбкове, рядом мы с ними жили. А потом её перевели в Дубровку. Возможно, у неё и можно будет остановиться. Желаю всем вам успехов.

Целую тебя. Лена».

Воспоминания:

«Мне вспоминаются постройки во дворе. Сарай, как мы его называли — «каретный», видимо во времена Аркадия Семёновича там стояли кареты. Он был двухэтажный,

вернее имел чердак, на который вела ветхая лестница. Там хранилось сено. Мы, дети, часто прятались там от грозы. Где было помещение для коня Громобоя, я не помню. Но помню, что была «конюшня» очень ветхая. Большое бревенчатое здание из бревен уже явно трухлявых. Кроме того, помню «ригу», где хранились какие-то зерновые. Осенью туда свозили зерновые и около риги обмолачивали, а мы ловили мышей маленьких, когда разворошат, бывало, кучу снопов. Этих маленьких мышат мы, дети, выкармливали зачем-то молоком. На риге мы часто играли, бегали по соломе, прятались. Помню, решили подшутить над Симкой, мой старший брат, большой озорник придумал: вырезал в редьке углубление, насыпал туда соли, закрыл это углубление кусочком редьки и угостил Симку, а потом мы притаились, ждали реакции Симки. Он с хрустом съел эту редьку и спрашивает: «А нет ли ещё редьки?» Он лежал и ел на соломе в риге. Крыша у риги была ветхая, в дыры проглядывало небо. Была еще яма в бурьяне, сохранившаяся от погреба. Какое-то время этими остатками от погреба пользовались, а наверху была наружная часть погреба, называлась «погребица». (Таня, вот эти подробности, наверное, может вспомнить Вера, несмотря на свое болезненное состояние).

А вот свой скот: корову, кур, поросенка мы держали в сарае, видимо современной постройки, а может быть, старую какую-то постройку перестроили и подремонтировали. Этого не помню. Помню, что обычно мы держали поросят и летом собирали крапиву, которая обильно росла во дворе, на корм поросятам, свиньям.

Во дворе между соснами была приделана очень толстая проволока для сушки белья, она была очень прочно закреплена к соснам, и мы, дети, подвешивали к этой проволоке веревку в виде качелей и качались. Один раз, когда я качалась, под моей тяжестью проволока треснула, качели оборвались, и я пала на лед спиной и очень сильно ударилась, я почему-то не могла дышать. Со мною была Соня, Вера и кто-то из братьев. Они внесли меня в комнату, и когда я пришла в себя, стали меня умолять, чтобы я не говорила о своем падении маме. Какие бы проказы мы не совершали: падали с деревьев, проваливались в сугробы, ушибались и т. д., самым главным законом для нас было — скрыть это от мамы. Она утром уходила на работу в Дубровку и давала нам задание: убрать, сварить и проч. И мы, вместо того, чтобы, сделав эти дела, потом спокойно играть, делали так: начинали играть, бегать, а когда приближалось время к возвращению мамы, кто-нибудь из нас забирался на крышу дома, откуда была видна дорога из Дубровки и, когда на этой дорожке показывалась фигура мамы, возвращающейся домой, мы опрометью кидались выполнять ее задание, и когда она приходила, был наведен порядок в комнатах и выполнены задания.

Вспоминаю дом, в котором жили мы до войны. Видимо, в основном был при Иване

Аркадьевиче такой же дом. (вставить рисунок).

Вот примерный план этого дома.

Вот так запомнился мне этот дом. У нас было две комнаты просторные, а 3-тья комнатка узенькая носила тоже старинное название, уж точно не помню какое, вроде бы «молочная», в ней одно время жила Зоя Михайловна Скворцова до замужества.

Комнаты были светлые, в окна столовой виднелась сирень, под окнами проходила дорожка в сад и огород. В комнатах было всегда светло. Окна спальни выходили в сад. Прямо в окна упирались ветки вишен, когда вишни созревали, прямо из окна можно было нарвать вишен. Перед этими окнами росла желтая слива, очень вкусные сливы были на ней.

В комнатах были печи «голландки», покрытые белыми изразцами. Потом уж пристроили плиту в коридоре и что-то вроде русской печи. Половины дома соединялись через коридор и маленькую комнатку, называлась она, если не ошибаюсь — «граммофонная». Потом дверь, соединяющая 2 половины дома, была забита, и мы общались с двоюродными сестрами и тетей Дуней, обходя дом.

Возле крыльца из коридора, выходящего во двор, росла яблоня. Ее привил на липу дедушка Сидор Прокофьевич. Плоды ее были вязкие, почти несъедобные, яблоня была очень большая, раскидистая. Коридор был длинный и довольно широкий, в сторону сада из него также выходило крыльцо.

На половине тети Дуни мне запомнилась гостиная, большая удлиненная комната (на рисунке она получилась квадратная), там стояли сундуки какие-то. На шкафу мне запомнился бюст женщины гипсовый. Соня, помню, говорила, что у нее греческие черты лица. Запомнилась также кухня, где любила находиться бабушка, там была русская печь, на которую мы иногда забирались и играли.

Где спали тетя Дуня, бабушка, Соня, Вера и приезжавшие Нина и Ляля я не помню. Была у них маленькая, тесная комнатка, в которой ютились обитатели этой половины дома зимою. Видимо, зимою отапливался не весь дом. Помню приезжавшие Нина и Ляля наводили порядок и чистоту. Мыли полы, белили стены и потолок. Какая была мебель на половине тети Дуни, я не помню. Только высокие старинные шкафы в гостиной помню. А также помню большой старинный обеденный стол.

На половине, где жили мы, мне запомнились 2 кровати широкие с высокими резными

спинками темного коричневатого цвета. Кто-то говорил, что эти кровати из красного дерева. Это кровати видимо принадлежали Ивану Аркадьевичу и его жене Нюше, как называла ее моя мама.

На своей половине я помню большие старинные книжные шкафы с книгами на русском языке и на иностранном языке.

Мне запомнилось, как после смерти моего отца приехавшая Нина отбирала, пересматривала эти книги. Видимо, эти книги принадлежали Ивану Аркадьевичу, а затем ими пользовался мой отец. А после его смерти книги забрали или на половину тети Дуни, или в Москву. Стены в наших комнатах, мне кажется, были бревенчатые.

Все комнаты в доме были просторные, пустоватые. Не помню, чтобы на стенах что-либо висело кроме зеркал. Помню, еще в гостиной был то ли комод, то ли шкаф, в котором хранились старинные альбомы. Только в комнате тети Дуни было тесно, много каких-то небольших предметов. Зеркало овальное висело на стене в гостиной.

Помню еще чердак над домом, на чердак вела очень ветхая лестница. Чердак был просторный, высокий, не сгибаясь, там ходили взрослые люди. Там не только трубы проходили, но были такие сооружения — борова, где походили ходы печные. На чердаке вполне можно было жить летом. Да и зимою не было холодно. Там хранились яблоки антоновские, в соломе лежали. Хорошо помню: до нового г. лежали хорошо, не мерзли. Запах был на чердаке от этих яблок чудесный. На чердаке мы часто играли, прятались. С чердака было интересно наблюдать в окошки за тем, что происходит во дворе и саду».

Относительно опекунства тёти Дуни над сиротами Беневскими. Ей было в 1922 г. примерно 30 лет, когда умерли супруги Беневские, оставив сиротами своих четырех дочерей и четверых приёмных, опекунство над которыми было оформлено на неё — Федоровскую Евдокию Исидоровну. После смерти Ивана Аркадьевича все жили вместе в доме Беневского: Федоровская с детьми и со своей матерью Марией Георгиевной, и семья Лялиных. Жена Ивана Аркадьевича (старшая сестра Федоровских — Анна Исидоровна) просила маму, чтобы она и её муж не оставляли детей Беневских. Она просила её об этом перед своей смертью. Жили вместе, вели хозяйство на земле. Потом между сёстрами Евдокией и Елизаветой возникли осложнения в отношениях, и они разделились. Дом разделили тоже. Отца своего – Лялина Якова Сергеевича помню, когда мы уже жили отдельно. Но помню отрывками, как мы все сидели, ужинали за общим столом: запомнилась Вера (по возрасту третья из дочерей Беневских), которая сидела против меня.

Работы было много: жали пшеницу, рожь; молотили. Тем, видимо, и кормились все. Мама всё время работала в Дубровке медсестрой. Мать отца, Мария Фёдоровна, не простила мою маму за то, что «мать перетащила отца», по словам бабушки, «в деревню на чёрную работу». Отец был ведь образованным человеком. Он окончил Брянскую гимназию с золотой медалью, прекрасно рисовал. Поехал поступать в Ленинград в институт в 1917 г., когда была полная разруха, на улицах валялись дохлые лошади. И он вернулся домой в Брянск. Одно время работал в Брянске корректором газеты «Бежецкий рабочий». Читал иностранные книги в подлинниках. Как и когда он познакомился с Иваном Аркадьевичем Беневским, я не знаю. Когда работал заведующим детской колонией, организованной Беневским, познакомился с мамой — Елизаветой Исидоровной Федоровской, и они поженились. Она работала воспитательницей. Все жили в доме Беневского. Там было очень хорошо: сад большой, кругом лес, прекрасный воздух. Сейчас остался нетронутым курган, где фамильное кладбище Беневских. Там похоронены также мой отец, два брата и маленькая сестра, а также приёмные дети Беневского: Муся и Лёня.

Тётя Дуня (Евдокия Исидоровна Федоровская) была дружна с Кушневым. Она дружила с семьёй Кушневых до войны. Часто гостила у них. По-моему предположению, он помог ей с получением дома и работой истопником во время немецкой оккупации Дубровки. Помню дочь Кушнева, которая дружила с Ниной и Лялей (старшие дочери Беневских). До революции Кушнев был в армии «белых», до войны преподавал в школе физкультуру. А во время ВОВ служил у немцев. Уехал со всей своей семьёй с немцами, при их отступлении в 1944 г. В Дубровке немцы были 3 г. (1941-1944 г.г.). Преподавательница немецкого языка Фаина *(Лидеман Фаина Михайловна, преподавала немецкий язык, выехала на родину после освобождения Дубровки* — из письма Родошкевич И.Г.) служила у немцев переводчицей. также при отступлении немцев уехала с ними в Германию.

Помню в начале войны, как было огромное пламя над Сещинским аэродромом. Сеща 9 километров от нас по прямой, как шли воздушные бои над нашими головами. Мать сначала не решалась уходить из дома и эвакуироваться, а когда начались эти страшные времена, решилась уйти. Мы: мама, брат и я с котомками за плечами ушли. (Примечание Осиповой Т.М.: в Дубровке остались только Евдокия Исидоровна и её больная мать Мария Георгиевна, и кто-то из приёмных детей, кажется Лёва). На реке Десне строились укрепления, в этом месте какой-то военный ехал на легковой машине, он жестом пригласил нас в машину и довольно долго мы ехали с ним, за всю дорогу он не произнёс ни слова. Когда мы ехали в поезде, ехало много молодых военных, они шутили с нами, отдавали нам, эвакуированным, свои пайки, говоря, что у них всё есть.

Было много молодёжи, настроение у них было хорошее, бодрое. Пели песни. «В бой за Ленина, в бой за Сталина, Боевая честь нам дороже, Кони сытые бьют копытами, Встретим мы по-Сталински врага. Не разбил нас враг в боях в былые годы, И дружны мы как прежде с клинком, Мчится кавалерия и в бой — (? теходы), Танк несётся вместе, С боевым конём». Военные не знали, куда их везут, они отступили на западном фронте. Помню, как перед нашим уходом наши военные отступали, бежали, запыхавшись, с винтовками в руках.

Когда вошли под тень деревьев, пошли потише. Мама подошла к ним, стала расспрашивать, они отвечали: «Немцы прут с огромной силой. Всё пропало». После этого мама решила уходить пешком, всё бросив. Она шла молча, а мы с братом шли весело, всё нам было интересно, вроде в путешествие отправились. Трудности, лишения нас ожидали впереди. Потеряли дом, имущество, всё, что имели.

Во время поездки в эвакуацию, с нами произошло вот что. Перед Ташкентом на станции Арысь поезд остановили и мать, и брат пошли за горячей пищей. Поезда на станциях стояли часами, а на этот раз поезд вдруг пошёл. Я, поняв, что они отстали от поезда, заплакала. Меня стали утешать. Один мужчина говорит: «Найдётся твоя мама». От этих слов я ещё сильнее заплакала. Приехали в Андижан. Я сидела на вокзале с вещами, ждала своих. Но им дали другое направление. Наш поезд шёл на Кополд, а им сказали, что на Коган, в Бухарскую область, где они и поселились.

Меня отправили в район вместе с подругами, с которыми познакомилась в очереди. Я написала письмо в Москву двоюродной сестре, которая там постоянно жила (*прим. Осиповой Т.М.:* — моей маме Горбуновой-Посадовой Н.И., старшей дочери Беневских, которая в это время работала хирургом в Москве в челюстно-лицевом госпитале). Мама тоже написала ей. Письма наши не затерялись, хотя в конце 1941 г. немцы подходили к Москве (как тут не вспомнить порядок, который царил в те времена). Но пришли гораздо позже. Соединились мы с семьёй через полтора г. Всё время я работала счетоводом. Узбеки относились к нам очень хорошо. Они были очень доверчивые: берёшь молоко в долг, они отдают, хотя по-русски не понимают, не знают, когда отдам деньги. Жили мы в глинобитных домиках. У узбеков было многожёнство, но все жёны жили в отдельных домиках, а когда размещали эвакуированных, то их потеснили. У этих жён русские спрашивали, как же они живут? Они отвечали: «Так же как и у вас семьи: в одних сёстры дружно живут, а в других со скандалами.» Фруктов было много, можно было рвать шелковицу, орехи. Очень дешёвые были грецкие орехи. Хлеб был очень вкусный, белый в виде лепёшек, но нормы сокращались. Помню нормы: рабочий получал 200-250 грамм в день, служащие — 110 грамм, иждивенцы — 100, а потом меньше и меньше. Соль покупали на рынке, её привозили узбеки с гор. Она была

цветная: розовая, голубая — и пластами. Стоила 200 рублей, а получала я зарплату 275 рублей. Вернувшись из эвакуации (из Узбекистана) в Дубровку, мы — я (Елена Яковлевна Лялина), мама (Елизавета Исидоровна Лялина — урожд. Федоровская) и Юра (Юрий Яковлевич Лялин, младший брат Е.Я. Лялиной) — около 2-х месяцев жили в доме Мавляновых, а в сентябре 1944 г. уехали в Кокино, где жили до окончания с/х техникума мною и братом. Потом уехали по распределению в Алтайский край, а затем вернулись в Брянскую область.

Н.И. Захава (урожд. Горбунова-Посадова)

Воспоминания

Ляля появилась у нас где-то в начале 30 годов. Она жила со мной в одной комнатушке, которая в свою очередь была половиной перегороженной пополам книжными шкафами до самого потолка большой комнаты. Она поступила учиться в энергетический техникум. Между нами была разница в 5-6 лет. Мне было, скажем, 12-13 лет, Ляле 16-17 — точно не помню. Но во всяком случае, в таком возрасте эта разница очень чувствуется.

Ляля была довольно высокая, миловидная, по виду сильная девушка, очень славная (её даже не очень портил шрам над глазом от ожога), скромная. В отличие от своей старшей очень любимой сестры она была довольно замкнута. Если Нина была очень эмоциональна, могла чем-нибудь восхищаться до слёз, смеяться до слёз, то Ляля, тоже тонко чувствуя юмор, была гораздо более сдержана в выражении своих чувств.

Мы втроём очень увлекались Маяковским. В семье его у нас не понимали, кроме, пожалуй, дедушки Ивана Ивановича, который хоть и не любил, но по своей широте считал его крупным мастером поэзии. Мы же, не совершенно в этом вопросе обособились от старших и от Миши, у которого богом был Блок, были увлечены Маяковским так, что, открыв в нём что-то для себя новое, только и ждали, когда можно будет поделиться своим восторгом друг с другом. И вечером, в нашей маленькой комнатушке, мы читали его друг другу затемно. Сейчас я думаю, что Маяковский оказал большое влияние на Лялино мировоззрение. Я с благодарностью вспоминаю наши вечера — без Нины и Ляли я наверняка прошла бы мимо его поэзии, или во

всяком случае не так глубоко бы им увлеклась.

Летом 1934 г. нас с Лялей отправили в Ленинград, меня — познакомиться с городом, а Лялю познакомиться и навестить её родную тетю — Марию Аркадьевну Беневскую, женщину поистине замечательную. Она в прошлом была эсеркой, соучастницей Бориса Савинкова в его террористической деятельности. При подготовке покушения на Дубасова у неё в руках разорвалась самодельная бомба и была оторвана кисть одной руки и несколько пальцев на другой. Но, Боже мой, как вся эта часть её биографии не соответствовала этой нежнейшей, религиознейшей, добрейшей женщине, её удивительному внешнему виду. Она в молодости, очевидно, была очень хороша собой и сохраняла свою непоколебимую женственность до конца своих дней. Каким-то особым очарованием мягкой женственностью светилось её лицо и особенно её серые лучистые глаза, казавшиеся огромными, с каким-то фиалковым отливом. Они запомнились мне на всю жизнь.

С мужем своим Иваном Кондратьевичем она познакомилась на каторге (каторгой, за заслуги её отца, была заменена ей смертная казнь, к которой она была приговорена). Он был среди тех русских моряков, которые после восстания на «Потемкине», приплыли в Румынию и были выданы российским властям. Иван Кондратьевич был огромного роста, косая сажень в плечах и добродушен до невозможности. У них было два тоже огромных сына Илья и Степан, которых мы не застали в городе. (Оба они имели впоследствии весьма печальную судьбу, разделив её со своими соотечественниками-современниками).

Нежность, с которой мы были встречены, забота о нас с Лялей, не знала границ. Ляля — вторая по старшинству дочь её рано умершего любимого брата — Ивана Аркадьевича Беневского, и они обе (и тетя, и племянница) были счастливы своим свиданием. Я же была счастлива вообще и всем. Так как тетя Маруся не могла по своему физическому состоянию (но никак не духовному), нас сопровождать в наших Ленинградских исследованиях, то это было ею поручено очень близкому, старинному другу, жизненно с нею связанному — Вере Глебовне Успенской, дочери замечательного писателя и первой жене (и матери кажется двух детей его) Бориса Савинкова. Это была высокая, очень худенькая пожилая дама самого интеллигентного русского образца, той породы, которая ныне, к великому сожалению, уже почти совсем исчезла. Ну, казалось бы, зачем ей было брать на себя такой труд, как возглавить знакомство с огромным городом и его пригородами двух чужих ей девочек? Не проще было бы сидеть дома и читать книжку? В Петропавловскую крепость напротив дома политкаторжан, где жила тетя Маруся со своей семьей, — мы ходили с Лялей сами и были достаточно начитаны для того, чтобы разобраться в увиденном. Конечно, мы

сами ездили, скажем, в Эрмитаж. Но Вера Глебовна была всегда безотказна, всегда на подхвате и возила нас всюду и на поезде, и на катерах, куда это было только возможно. И всё, всё нам рассказывала. Беневские-старшие были как-то ещё в детстве связаны с семьей Савинковых. Во всяком случае на стенах квартиры Веры Глебовны висели детские фотографии, где были Иван и Мария Аркадьевны и их кузен Борис, сыгравший роковую роль в судьбах многих людей, и в семье Беневских в частности.

Наверное, Ляля по возрасту больше меня знала о нём, но я сейчас помню, как мы с тетей Марусей разглядывали их детские карточки. Снимки сделаны были где-то в имении, на природе, дети сидели на фоне каких-то кустов, Борис в вышитой рубашечке. Славные ребятишки. Говорят, что будто бы тетя Маруся в молодости была влюблена в Савинкова, и это повлияло на судьбу её, человека христианнейшего толка, вдруг пошедшего в террор. «Вода и камень, лед и пламень, не столь различны между собой!»

Мне запомнилась какая-то особая теплота воспоминаний, с которой тетя Маруся разглядывала фотографии и показывала их главным образом Ляле, т.к. там был её мальчик-отец и она сама — прелестное маленькое существо.

Пишу об этом так много, потому что наша встреча с этими женщинами незабываема, их душевная красота, мудрость, постоянная помощь друг другу, дружба пронесённые через ураганные годы полные страшных событий, смявшие их жизни, только укрепив их дух и веру в человека. Они никогда не встречались с моей бабушкой Еленой Евгеньевной, но были ей глубоко сродни. Я в этом твердо уверена. Спасибо им. Спасибо судьбе, что они мне встретились.

Я была в диком восторге от города, стояла чудесная погода и наши покровительницы все делали для нашего удовольствия. Я к тому времени прочла уйму всяческой исторической литературы, не сомневаюсь, что среди неё было много макулатуры, но все восшествия на престол русских царей, дворцовые интриги и их герои были мне совершенно ясны к этому времени (значительно больше, чем теперь), и я упивалась всем увиденным.

В те времена были ещё открыты многие личные царские комнаты, Александровский дворец, ныне не существующий, где жила последняя царская семья, утопая в коллекциях копенгагенского фарфора.

А пушкинские места!

Мы даже были на какой-то даче, где он жил в Царском селе — не знаю, существует ли она теперь. Вера Глебовна возила нас в Петергоф, Павловск, Гатчину — и это воспоминание на всю жизнь. Сколько я не бывала потом в Ленинграде — я никогда большего наслаждения от знакомства с этим городом не получала. Это было волшебное путешествие. Помню такой эпизод. Мы с Лялей стояли на Троицком мосту. Немного поодаль от нас прощалась тетя Маруся с Верой Глебовной, вдруг с нами поравнялся какой-то коренастый человек в фуражке с околышком, поклонился нашим старушкам и сказал им с улыбкой несколько слов. За ним шёл какой-то человек. Когда мы с Лялей подошли, то из слов тёти Маруси поняли, что это был Киров. Их нисколько не взволновала эта встреча, видимо, они встречались где-то на своём богатом жизненном пути. Мне жалко, что тогда я об этом их не расспросила (мысли мои были в других веках). Сейчас я думаю, что среди русских революционеров самого разного толка были близкие связи. Очевидно, что Киров и в доме политкаторжан тоже бывал. Этой же зимой его убили, и я очень жалела, что тогда так легкомысленно отнеслась к этой встрече.

Ляля, конечно, тоже с большим интересом прожила этот Ленинградский волшебный месяц, но если я была вся в нескончаемых восторгах и душевных излияниях, то Ляля была очень сдержана и с улыбкой воспринимала мои вопли и трепыхания.

В Москве я попала под перекрестный огонь издевательств моих родственников, читателей моих восторженных писем из Ленинграда. Высмеивал они меня всячески, но пыл мой не был ими охлажден. Поездку вспоминаю, как нечто уникальное, свалившееся в мою судьбу и нежно вспоминаю всех её участников.

Буквально через несколько дней после возвращения из Ленинграда нас с Лялей отправили в Дубровку, где выросли все сёстры Беневские в бывшем имении своих предков.

Помню, что приехали мы ночью, что нас встречала их тётя Дуня, простая крестьянская женщина, воспитавшая их всех после ранней смерти их родителей. Кто-то ещё жил с ними из воспитанников детского дома, который устроили у себя старшие Беневские в годы гражданской войны и революции. После смерти родителей воспитанники эти оставались в их бывшем имении, жили наравне с девочками Беневскими. Помню уже взрослых парней и девушек, которые уходили на день днём на работу. Был среди них и дурачок, который где-то пас с пастухом стадо и возвращался на ночь.

Насколько помню, большой барский дом давно сгорел, и все жили в просторном флигеле, оставшимся после пожара. Кроме добрейшей тёти Дуни, посвятившей себя

целиком четверым детям покойной сестры, в доме с другой его стороны жила семья второй сестры матери Беневских — тетя Лиза.

В доме сохранились старинные названия комнат типа: угловая, диванная, гостиная, библиотека и пр. Но все это было весьма условно, потому что в доме царил страшный беспорядок и никакого почтенья к остаткам старинного барства никто там не испытывал. Кроме, пожалуй, библиотеки. Библиотека роскошная, переплеты кожаные, обрезы золотые, но книги можно было найти под яблоней, под дождем, в самых не подходящих местах. Но зато эти книги читали. Много читали. Все сёстры были очень начитаны и сами без чьей-либо помощи образовывались.

На огромной роскошной красного дерева кровати были навалены мешки с картошкой, с яблоками, год был яблочный, и это очень выручало семью, так как время было весьма голодным и все до оскомины грызли яблоки. Заваривали какую-то овсяную муку кипятком и ели. Бабушка (Елена Евгеньевна) прислала с нами какие-то бутылки с постным маслом, крупу, и даже какие-то деньги для торгсина, но народа было много и присланное бабушкой не очень то выручало большую и безалаберную семью.

В доме был старый граммофон (в «граммофонной»), какие-то сундуки, которые мне и Соне (младшей сестре Беневских) очень нравилось перерывать — одевать на себя корсеты, шляпы, оборачиваться в какие-то вуали, натягивать лайковые перчатки, обмахиваться веерами, но все это было в ужасном хаосе. Достаточно сказать, что не только собак и кошек кормили на серебряных блюдах (других, очевидно, не было, или эти просто были под рукой), но из какого-то серебряного большого столового сосуда кормили хрюшку.

Все это было и оттого, что не знали ценности этих предметов и от простой беспечности. Какие-то вещи из столового серебра (ложки, вилки) старинные китайские шахматы и что-то ещё, девочки привезли в Москву, но это такие мелочи по сравнению с утраченными «губернаторскими» ценностями (по указу Екатерины II губернаторам выдавались серебряные столовые сервизы, как бы для укрепления «могущества власти»). Но никто об этом не думал, все жили, как настоящие дети природы. Вот только читали книжки с очень большой охотой и интересом. Мы с Соней увлекались трилогией Сенкевича и все жители Дубровки имели свои клички из этих романов, кто был паном Заглобой, кто Волдыевским, кто Подбипентой (кажется Вера за свой высокий рост).

По возрасту, Соня была мне ближе остальных. Очень начитанная, улыбчивая девочка. Конечно, не получившая никакого воспитания, кроме, может быть, главного — все

были очень добрые, беспечные, люди. Даже мне не помнится, чтобы они, младшие сестры, были приучены к какому-то порядку, к какой-нибудь работе. Что-то кто-то делал, что-то делалось как бы само собой, но мне кажется, что определенных обязанностей ни у кого не было. Помню Соню в великолепном ожерелье из крупных граненых гранатов. Мы пошли купаться, нитка разорвалась и все бусины ушли на дно. Помню, как они падают в воду, ещё что-то можно было бы и спасти, но Соня благодушно и растерянно улыбается и не предпринимает никаких шагов к их спасению. И зачем в деревне девочке носить да ещё идти купаться в гранатах? Одному богу известно.

Нина и Ляля были другими конечно. Но думаю, что не благодаря воспитанию, а по своей человеческой сущности. Я недавно нашла письмо своей мамы в Дубровку, где она пишет, что рада, что я буду заниматься различной сельскохозяйственной деятельностью, но только «ради бога не бери в руки серп». Но я не помню у них никаких грядок, а как раз когда хлеб жали, и я попробовала жать, о без увечья; а более опытная Нина, очень сильно поранила себе руку.

И ещё помню, как гребли и навевали на телегу сено, как муж тёти Лизы взгромоздил меня на полный воз, с которого я и летела вниз головой и была, слава богу, поймана им уже почти у самой земли. Быть бы мне со сломанной шеей!

Я плохо помню Лялю в Дубровке. Наверно у неё были какие-то дела поважнее, чем общение со мной — тринадцатилетней. Она общалась со взрослыми девушками, с которыми дружила до отъезда в Москву.

В Москве она опять жила то у меня в комнате на кушетке, то в общежитии техникума или института (что-то энергетическо-электрическое). Мне её наука была вполне чужда.

Ляля хорошо, с удовольствием пела всякие молодёжные песни, которые были тогда в ходу. И на гитаре играла. Но наш горбуновский дом не располагал к этому.

Серьезную музыку у нас очень любили, я даже в каком-то раннем возрасте (лет 6-7) сама пошла и поступила в Глазуновскую музыкальную школу. Когда моя мама пришла меня записывать, ей сказали, что «ваша девочка уже у нас была, и мы её приняли». А в эти годы, когда у нас жила Ляля, я много играла и пела. Мы с моими подружками увлекались оперой и как могли, не считаясь со слушателями, пели наисложнейшие оперные арии (всю «Травиату», например) за всех действующих лиц, подыгрывая себе, как умели, на рояле.

Мы с бабушкой любили играть в четыре руки Чайковского, Гайдана и т. д. Ляля же была «в другом репертуаре». Она общалась со своими товарищами комсомольцами, хорошими молодыми ребятами, которые верили в светлое будущее нашего государства и стремились внести свою лепту в построение коммунизма в нашей злополучной стране. У нас в семье никогда никого не отговаривали от веры в это светлое будущее, но мы считали, что мы сами должны определиться в своих взглядах, но мы не очень то стремились к этому и жили другими интересами. Ляля, как чуткий человек, это понимала и среди своей молодежной компании чувствовала себя намного лучше. Конечно, она тянулась и к нашей семье, весьма незаурядной и особенно, её тянула к нам сильная, большая любовь и близость к старшей её сестре Нине и её мужу, моему дяде Мише. Они очень любили друг друга.

В конце 30-х гг., когда арестовали всех живших в нашем доме латышских стрелков, у одного из их жён — Эммы Балтынь — освободилась комната, и она её сдала Ляле. На 1-ом этаже нашего дома, только с другого входа. Я бывала у Ляли, главным образом с Ниной. Мы там и пели (я, конечно, могла соответствовать и Лялиному репертуару), и играли они обе на гитаре и на маленьком концертино, который Нина привезла из Дубровки. Но потом Ляля вышла замуж за какого-то, как я думаю и теперь, весьма ничтожного человека, которого как мне казалось, она сама несколько стеснялась. Она была видная девушка, умница, начитанная, а он… очень невразумительный тип, даже внешне никак ей не соответствовал. Я его как следует, так и не помню.

У Ляли было не совсем что-то благополучно, как я сейчас вспоминаю, с чисто женскими делами и, забеременев, она родила то ли мёртвого ребенка, то ли у неё был тяжелый поздний выкидыш, но тоже с мёртвым ребёнком. Ляля как-то замкнулась в себе и, видимо, всё вместе (и свою беременность и своего никчемного мужа) очень тяжело переживала. Нина, да и все Горбуновы, всячески старались ей помочь, но ведь Нина и работала, была у неё дочка и всяческие собственные трудности. После окончания института Нина по распределению попала на ТОС, куда-то в Калининскую область, и бывала в Москве только наездами, до самого начала войны. Она вернулась, уже совсем на сносях и родила в Лешкове, где жили Горбуновы на даче около Павлова-Посада, куда её ночью в темноте вели в родильный дом при ярко вспыхивающих разрядах. Помню как мы шли по мосту через Истру и было совершенно светло, очевидно от зажигалок и прожекторов. Словом, Танюшка родилась почти под бомбами.

Всё это время, да и перед самой войной, мы с Лялей встречались редко. Я почти её в это время не помню. Вспоминаю уже, как глубоко осенью, когда немцы подошли к Москве, Ляля пропала. Помню, как до ужаса волновалась Нина, потерявшая всякий покой и узнавшая, что Ляля со своими товарищами-комсомольцами ушла на фронт.

Фронт-то был очень близко, и все надеялись, что вот-вот что-нибудь будет о ней известно. Но пришло вскоре только трагическое известие. Как не пытались узнать подробности её гибели, сведения о них были весьма противоречивы и мы все надеялись, что они не оправдаются. Но, к сожалению, никакой ошибки не было — Ляля погибла 19 января 1942 г.».

Примечание: *Приведённые тексты напечатаны мною без всякого редактирования, так как, во-первых, я не специалист по редактированию, а, во-вторых, как мне кажется, такие тексты носят более живой, «разговорный» язык, да и передают они хорошо характер написавшего, что несомненно то же представляет интерес, т.е. дают возможность через эти тексты познакомиться с этим людьми, которые в своё время так или иначе общались с Лизой Беневской. Этого же принципа (по возможности, не редактировать полученные мною материалы о Лизе) я буду придерживаться и в дальнейшем моём написании рассказа о Лизе и её окружении.*

Поход к месту боя и могиле Лизы.

В тот же 1989 год, осенью Ольга Алексеевна организовала нашу третью совместную встречу-поход к месту последнего боя Лизы. Добраться до сёл Сосновцы и Дунино Калужской области очень не просто. Ехали в большом экскурсионном автобусе и ребята группы ПОИСК, и однополчане Лизы, и публицист-писатель Василий Николаевич Глаголев, и я со своей старшей дочерью Еленой.

Доехав до дороги, вымощенной бетонными плитами, все вышли из автобуса и километров пять шли пешком.

Я шла с Василием Николаевичем Глаголевым, с которым мы познакомились на второй нашей встрече в школьном музее. По дороге он мне рассказывал о том, как он начал свой поиск тех, кто участвовал в боях в местах, где проходило его детство, о партизанском отряде Гаева, о подпольном госпитале в селе Передел.

В процессе поиска им было обнаружено, что в том бою в конце января 1942 г., кроме партизан Гаевского отряда, участвовали и девушки-разведчицы, две из которых были тяжело ранены и доставлены в землянки партизанского отряда, а затем в госпиталь села Передел. Так он вышел на Лию Петровну Кутакову, тяжело раненую в том бою, а через неё и на других участников-бойцов в/ч 9903. А так как я, конечно, не смогла бы подробно восстановить его рассказ, то попросила написать для меня всё, что он считает необходимым. Ниже я приведу не только его рассказ, но и часть его более

ранней публикации, где Лиза Беневская ещё фигурирует как Чарская.

Но вот, что мне запомнилось на всю жизнь и что я не перестаю цитировать всем тем, кто меня просит рассказать о Лизе Беневской и о её однополчанах в/ч 9909. Василий Николаевич в конце своего рассказа меня спросил:

«Таня, знаете ли Вы, что такое СОВЕСТЬ? Посмотрите на дорогу, — говорит он мне, — вот ползёт через неё жук. Он как бы подаёт нам о себе ВЕСТЬ. Мы же в свою очередь можем себя повести как угодно согласно тому, как мы воспримем эту ВЕСТЬ. Наше поведение и определит наши действия согласно этой ВЕСТИ: можно этого жука полностью проигнорировать, можно как-то ему помочь преодолеть некие для него препятствия, или вообще раздавить его — считая, например, что он вреден и опасен. Так же определено наше поведение и по отношению ко всему, что так или иначе нам «подаёт о себе ВЕСТЬ» — оно-то и определяет нашу СО-ВЕСТЬ. Особенно СО-ВЕСТЬ человека, как лакмусовой бумажкой, определяется (и для себя, и для окружающих) в экстремальных ситуациях, когда должны действовать не только природные инстинкты самосохранения, но и начинает проявляться в его поступках и действиях та самая СОВЕСТЬ. И война, как никакой другой фактор, определяла Человеческую суть — каждый индивидуально поступал так, как СОВЕСТЬ ему повелевала».

Примерно через час мы пришли в деревню Дунино и постучались в одну из деревенских изб, как оказалось и Василий Николаевич, и Ольга Алексеевна со своими ребятами поисковиками были здесь уже не раз. В первый свой приезд в это село, они познакомились с хозяйкой этой избы, которая со своей односельчанкой в феврале 1942 г. хоронила троих молодых ребят, погибших в январе в бою близ их села. Она же и рассказала в первую же встречу с поисковиками о том, как они выглядели и в частности о том, что у одной из девушек был небольшой шрамик около глаза. По этой примете и опознанным ею по фотографиям погибших в этом бою: Лизу Беневскую, Надю Жеглову и Михаила Новикова. Похоронили их на краю деревенского кладбища в общей могиле. В наш же приезд оказалось, что обе женщины, хоронившие ребят из в/ч 9903, умерли. Нас встретила дочь бывшей хозяйки этого дома. Она же поделилась с нами своими детскими воспоминаниями о тех днях и тем, что запомнила из рассказов своей матери. Вот, что она рассказала. В январе 1942 г. местные ребята нашли в лесу трёх убитых и привезли их на санях в деревню, положили около церкви на площади. Там они пролежали больше месяца совершенно голые. Не известно, кто их раздел: это могли быть и односельчане Дунинцы, т.к. время было тяжёлое, а на убитых была тёплая одежда, маскхалаты, валенки, или же местные партизаны. Похоронить ребят сразу не давала мёрзлая земля и только в конце февраля, когда немного подтаяло, их удалось свезти на край деревни к местному кладбищу и в овраге около него их

похоронить. За этой безымянной могилкой и ухаживали эти две женщины (вот тут я и вспомнила рассказ Василия Николаевича о СОВЕСТИ).

Но, к сожалению, ко времени нашего с дочерью приезда к могиле Лизы Беневской и её товарищей, они уже умерли. Мы пошли к могиле: это был небольшой заросший холмик на деревенском кладбище на краю близ лежащего лесочка. Почему я написала слово «был»? Потому что в следующий наш приезд на это место на этой могиле силами ветеранов этой части и поисковиками во главе с Ольгой Алексеевной была поставлена плита с именами погибших и похороненных в ней: могила перестала быть безымянной. И в этот же второй наш приезд мы побывали на месте того последнего для Лизы Беневской боя, там тоже установлена памятная доска. Участницы этого боя: Маргарита Михайловна Паншина (урожд. Каравай), Лия Петровна Кутакова и Елизавета Васильевна Паничкина (урожд. Крылова) поделились своими воспоминаниями о последовательности тех боевых событий. Показали место между двух берёз, где они видели последний раз Лизу Беневскую, рассказали о том, как они ехали и шли к месту боя, как возвращались после него. По моей просьбе Маргарита Михайловна и Василий Николаевич мне написали небольшие очерки по своим воспоминаниям. Вернувшись в село, мы опять зашли в дом, в котором мы были в прошлый раз. Я ещё раз поблагодарила ту женщину, которая после смерти своей матери ухаживает за могилкой. К своему стыду: сунула ей какую-то мелкую денежку и после этой поездки ни раз не была там, находя всё время какие-то житейские неотложные дела: хотя нет мне в этом оправдания, как говорит мне моя СОВЕСТЬ.

Во время этой поездки я попросила Маргариту Михайловну и Василия Николаевича написать мне свои заметки-воспоминания. Привожу их записи полностью, ничего не сокращая.

Из воспоминаний

Маргариты Михайловны Каравай (Паншиной):

«На первые три наши боевые задания группы Кати Пожарской мы выходили без Лизы Беневской. Она в это время была в других боевых группах.

Вот как мне запомнилось наш второй выход в тыл противника. Перешли линию фронта и объединились с другой диверсионной группой.

Начали углубляться в лес. Неожиданно противник открыл огонь. Сначала трудно было

понять, откуда стреляют. Пули били по вещмешкам, по котелкам, привязанным к ним. Потом догадались: стреляют сверху, с деревьев. Это было неожиданно, т.к. было известно, что немцы боятся лесов, и по лесам разведчики ходили смело. Позднее мы узнали, что это были финские стрелки. Началось отступление. У Лии Кутаковой отказал затвор винтовки СВ. Со всех сторон стреляют, а она ответить не может. Тогда она вскочила во весь рост и со всей силы ударила по курку.

Группа Кати Пожарской в момент окружения шла замыкающей. Катя шла во главе группы. В суматохе отступления Пожарская осталась одна. Она поползла в сторону от места перестрелки. Дело было ночью и, к своему удивлению, Катя оказалась в расположении немцев. Она отчётливо видела землянку, возле которой ходил часовой. Пожарская начала отползать, наткнулась на отбившуюся от своей группы однополчанку, но из другой группы. Вдвоём они с трудом пробились к своим и встретились с собравшимися товарищами по группе. Среди бойцов были раненые. Юра Посохин из группы Лаврова при возвращении из задания наступил на мину, и ему оторвало стопу правой ноги. Ему оказали первую помощь и на самодельных носилках несли до линии фронта. С трудом, перебравшись к своим, передали его медикам.

(Примечание Осиповой Т.М.: об этом задании, в котором участвовала и группа Лаврова, написано ниже в воспоминаниях Клавдии Васильевны Сукачёвой).

Потерь в группе Пожарской не было, но в душе остался неприятный осадок: группа выполнить задание не смогла.

После возвращения в Москву получили направление в третье задание в район Звенигорода: необходимо было минировать дороги и собирать информацию о расположении противника. Очень много тогда ходили на лыжах.

Вернулись в Истру в середине декабря. Город был только-только освобождён нашими наступающими войсками. Дома были совершенно пустые, окна выбиты, всё разбросано, хозяев не было. Там переночевали. Вернувшись в Москву, получили на неделю увольнительную и жили по домам. Когда вернулись в часть, то приступили к тренировкам на лыжах, к ведению боёв в зимних условиях. На задание нашу группу провожал Фёдор Старовойтов.

Группа Кати Пожарской[3] ушла на следующее, уже четвёртое, задание в несколько изменённом составе. Мила Хотовицкая, обморозившая ноги на первом задании, так и не смогла поправиться, ей ампутировали пальцы ног. В группу была зачислена Лиза Чарская (Беневская), учительница. Перед заданием я Лизу плохо помню. А вот когда

мы ехали в машине, я запомнила. Во-первых, у неё низкий, очень хороший голос. Песни она знала все. Запомнила её рослой, статной, румяной девушкой, со шрамом на лице над глазом. Мы тогда думали, что это от ранения в предыдущих заданиях Лизы, т.к. знали, что она переходила неоднократно линию фронта в составе группы самого, уже тогда ставшего легендарным, Г.Я. Герчика, ведь она пришла в в/ч 9903 уже в октябре 1941 г. Это уже потом, много лет спустя, мы узнали, что её фамилия была не Чарская, а Беневская. И на прошлой встрече с сестрой Лизы, Верой Ивановной Беневской, мы узнали, что шрамик над глазом у Лизы ещё с детства, из-за вечернего чтения под керосиновой лампой, которая упала, и осколком поранило Лизу. Этот шрамик и стал основным опознавательным фактом — да это действительно была наша Лиза.

Мне тогда казалось, что она уже несколько раз побывавшая в бою и что она уже столько прошла, — столько в ней было уверенности, спокойствия: надёжный человек, с которым было очень приятно и легко. Поэтому у меня очень хорошее впечатление от неё осталось. Она была постарше всех, даже нашего командира Кати Пожарской. Мы смотрели на неё как на человека знающего. Чувствовался в ней и ум, и образование, и знание дела. Интересная была. Очень хорошо улыбалась.

В это задание группа Пожарской уходила уже с Красноказарменной, где в здании Московского энергетического института тогда находилась база в/ч № 9903, откуда боевые группы уходили на задание и куда возвращались с задания.

Наша девчоночья группа немного гордилась, что мы такие самостоятельные. Но в тот раз мы шли на задание вместе с группами Семёнова[4] и Ильина.

В начале января 1942 г. мы отправились в тыл врага. Лиза была почти ровесницей Кати Пожарской, и мы смотрели на неё как на взрослую серьёзную женщину. На её широком открытом лице был небольшой шрам. Я так и не решилась расспросить о нём. Она немного рассказывала о себе, была чуть замкнута, немногословна.

Хорошо помню, как мы ехали на задание в открытой машине. Много пели. Лизин глубокий низкий голос звучал особенно выразительно при словах: «Пусть ярость благородная вскипает как волна…»

Так всю жизнь: как слышу эту песню, так всплывает лицо Лизы.

Как она славно улыбалась припеву: «Лиза, Лиза, Лизавета, я люблю тебя за это…» В группе были две Лизы, и они, улыбаясь, поглядывали друг на друга. А мы старались

повторять этот припев почаще, даже в песне «Из-за острова на стрежень».

Когда нас отправляли на очередное задание, то особо подчёркивали: не вступать в открытый бой. Мы должны быть «невидимками», совершая как можно больше диверсий. В бой вступать только тогда, когда от него уже нельзя уйти.

И в это задание мы были направлены для минирования дорог, по которым отступали от Москвы вражеские обозы. Но, видя отступающего врага с награбленным добром, нагруженного на повозки сопровождаемых небольшой техникой, руководство наших групп принимает решение: организовать засаду и ым отступали от Москвы вражеские обозы. уничтожить отступающие части фашистов, их обозы.

Выбрали позицию у деревни Сосновцы (северо-западнее Боровска). Весь день готовились к засаде, проверяли оружие. Как стемнело, отряд в количестве 35 человек под командованием комиссара объединённого отряда С.Г. Кагана на лыжах выступил к месту боя. Деревня стояла на бугре. Залегли вдоль дороги: группы Семёнова и Ильина на флангах, группа Пожарской — в центре. Показался обоз. Комиссар Каган дал выстрел — сигнал к началу боя. Немцы не ожидали засады, и в первый момент растерялись. Затем подоспело подкрепление, и завязался бой.

Пули свистели над головой. Наша позиция была не очень удачной. Во время боя Лиза была рядом с Катей Пожарской и Надей Жегловой. Бой шёл минут 40. Затем последовал приказ отходить. При отступлении я Лизу не видела, мы шли с Лизой Крыловой по старой лыжне.

Когда собрались в деревне, оказалось, что из леса не вернулись Лиза Беневская, Надя Жеглова, Катя Елина и Лия Кутакова. Ребята, отправившиеся обратно в лес за ними, привезли только одну Катю Елину, а Лии, Лизы и Нади — нет. Это было такое потрясение от нашей первой потери. Лия уползла, поэтому её не нашли. Она в другую деревню попала.

А погибшие девочки всегда как-то со мной, в моей памяти. Спокойно жить как-то трудно, какой-то долг перед ними. Нужно было найти кого-либо из их родных, рассказать о том, что знаешь. Уже позже при наших встречах Катя Пожарская рассказала о гибели Лизы Беневской и Нади Жегловой. Разрывной пулей в бедро была тяжело ранена Катя Елина, несколько ранений в ноги. Лида Новикова — «кнопка», как её звали в отряде, была ранена в руку. Лия Кутакова получила тяжёлые ранения в ноги. Она привязала себе к рукам лыжи и 6 километров ползла к Красному посёлку более 10 часов.

Так погибла наша землячка Елизавета Ивановна Беневская, боец в/ч №9903. Это случилось во время выполнения своего четвёртого боевого задания 19 января 1942 г.»

Примечание: *Похоронена Лиза Беневская на кладбище в селе Дунино Медынского района Калужской вместе с погибшими в том бою однополчанами Надей Жегловой и Михаилом Новиковым. В 1990 г. на их могиле установлена плита с именами и фотографиями.*

А тогда в январе 1942 года родственники Лизы получили извещение «пропала без вести». И поскольку в первых опубликованных воспоминаниях Лиза Беневская фигурировала как учительница Лиза Чарская, то поиски родственников Лизы затянулись на многие годы. Только в 1989 голу группа «Поиск» школы N 15 (теперь она N 1272) Пролетарского района города Москвы нашла родственников Елизаветы Беневской: её сестру Веру, которая к тому времени жила уже в Москве.

Поиски родственников Е.И. Беневской

(рассказ М.М. Паншиной)

Много лет прошло с тех пор как погибли в бою 19 января 1942 г. наши товарищи Лиза, Надя и Михаил, прежде чем мы начали поиск их места гибели и могилы, хотя память о них всегда жила. Оставшиеся в живых девушки из группы Екатерины Яковлевны Пожарской не теряли из виду друг друга, встречались, вспоминали те годы, все до мельчайших подробностей, но не помнили о месте того боя ничего, кроме того, что это было в Калужской области. У Лии Кутаковой застряло в памяти название деревни — Сосновцы. Еще бы, он ползла от места ранения в сорокаградусный мороз (простреляны обе голени), приспособив лыжи, около 10 километров в сторону этой деревни. С этого пока и начался поиск. Лия Петровна посылает письма во все районы Калужской области с описанием событий тех дней. Это было в 1972 г.. Наконец, пришло письмо, что есть д. Сосновцы в Медынском районе, и что там помнят наш отряд, и живы те двое подростков, что помогли Лие Кутаковой после того, как она подползла к деревне Красный поселок. Тогда ее перенесли в избу, накормили, перевезли в партизанские землянки, где оказали ей медицинскую помощь. Там же уже лежала с тяжелым ранением ног и сильным обморожением Катя Елина. Ее привезли на санях из леса с

места боя бойцы группы Семёнова. Они обходили все места, где располагался отряд Семенова Н.А., но не обнаружили никого, кроме раненой Кати. Так осталось неизвестным, что стало с нашими погибшими товарищами: Надей Жегловой, Михаилом Новиковым и Лизой… Ломали голову, но никак не вспоминалась фамилия. Что-то звучало с окончанием «ская». Наконец, Катя Пожарская решила, что похоже на «Чарская».

Когда встречались со школьниками из группы «Поиск» и с Ольгой Алексеевной, в беседах называли ее так.

Получить данные для дальнейшего поиска надо было из архива. Но архив был закрытой организацией, так как в/ч 9903 была диверсионно-разведовательной. Первой удалось получить данные из архива нашему неутомимому секретарю Совета ветеранов в/ч 9903 Валентине Федоровне Коростелевой, по крупицам собиравшей все сведения о бойцах и командирах в/ч 9903, главном помощнике школьников «Поиска». Ответ был коротким: «Михаил Новиков, 1916 г. рождения и адрес довоенных лет; Жеглова Надежда 1922 г. рождения и адрес перед уходом на войну; Беневская Елизавета Ивановна, 1915 г. рождения и адрес: Большие Кочки, д.7. Данные эти о погибших 19 января взяты из донесения командира отряда Семенова Николая Александровича и штабных данных о г.е рождения и адресах.

Ребята «Поиска» подключились к работе сразу. Данных мало, но начинать уже можно. Поиски семьи Новикова Михаила, хоть и долгие и нелегкие, завершились успешно. Хотя и родителей уже не было в живых, мы встретились и стали друзьями с племянницей Михаила и ее внуком. К тому же Клавдия Алексеевна Соколовская еще была и крестной дочерью Михаила.

Родных Жегловой Нади найти не смогли, хотя прилагали все усилия. В институте МЭМИИТе, где она работала, перед эвакуацией в октябре 1941 г. были сожжены все документы, в том числе и домовые книги с данными о проживающих в общежитиях служащих и студентах. Надя проживала на 3-ем этаже общежития-дома по Новослободской улице. В домоуправлении были только домовые книги на жильцов 2-х этажей. Смоленская область, родина Нади, давала отрицательные ответы на многочисленные запросы.

Вскоре мы имели дополнительные сведения из архива в/ч 9903. Их сумел получить Глаголев Василий Николаевич. Он занимался деятельностью партизанского отряда Гаева, принимавшего участие в том же бою 19 января. Его партизаны помогли переправить наших раненных в госпиталь.

Теперь мы имели еще дополнительные данные о Лизе Беневской: студентка института им. Молотова, адрес общежития в Лефортово, кандидат в члены КПСС, награждена орденом «Красной Звезды». Побывали в МЭИ и в институте сельскохозяйственного машиностроения, который тоже назывался имени Молотова. Искали там данные в канцеляриях и в Совете ветеранов. Расспрашивали ветеранов на митинге у памятника: не знали ли нашей Лизы. Безуспешно. Корпус в Лефортово оказался общежитием для аспирантов и преподавателей. Просмотрены журналы довоенных лет, но там тоже нет фамилии Беневской. К тому же из рассказов Цалит Нины Ивановны, которая была с Лизой в первом задании, мы узнали, что Лиза была замужем и показывала ей фото двух малышек-девочек, которые носила всегда с собой. Может быть, ее девичья фамилия Беневская? А может и наоборот.

Обратились в архив партии, но там данные только о членах КПСС и нет о кандидатах в члены КПСС. В наградном отделе ответили письмом, что не зарегистрирована награда, хотя мы дали и дату награждения.

Оставалась последняя зацепка, хотя и мало обнадеживающая: Б. Кочки, д.7. Там мы уже были, ходили, спрашивали, искали ДЭЗы, чтобы найти старые домовые книги. Но как фамилия сестры Лизы? Мы знаем только, что она — Ивановна. Но нет дома №7 по Б.Кочкам в домовых книгах. Нет уже и Б. Кочек. Здесь пересекается Комсомольский проспект с Фрунзенскими улицами. Но, теперь нам помог архив Октябрьской революции и социалистического строительства. После нескольких недель ожидания получен ответ: дом №7 по Б.Кочкам — это средняя школа, построенная в 1940 г.. Там проживала семья директора по фамилии Розенбаум. Едем на Грузинскую улицу, встречаемся с женой директора школы. Она рассказывает, что недавно похоронила мужа. Беседуем о жизни, о жизни школы, но она ничем нам помочь не может.

Более 2-х месяцев ездили в архив народного образования. Отыскиваем адреса учителей школы 1940-1942 гг. Но нет, никто не смог вспомнить человека, которого мы ищем. Хотя ездили от одного к другому с небольшими перерывами.

Однажды, расспрашивая о школе на Б.Кочках пожилых прохожих, услышали, что во время войны там был госпиталь. Спешим в архив Мосздравотдела на улице Павла Андреева. Но здесь к нам отнеслись равнодушно. Взяли наши данные и через месяц ответили, что мало данных. Мы не очень надеялись, считая, что вряд ли сестра Лизы тоже Беневская. А потом уже оказалось, что напрасно отступились — именно сестра Лизы — Беневская Нина Ивановна — была врачом в этом госпитале и жила там с семьей. Ее-то адрес и оставила Лиза в в/ч 9903 на случай, чтобы о ней сообщить самым близким людям.

А мы приуныли, ребята загрустили. И вдруг, совершенно неожиданно после письма нашего ветерана из Казани Загировой Риты Галиевны, которая много занималась поисковой работой и часто давала нам советы, я отправилась, наверное, двадцатый раз в адресный стол. Загирова писала, что фамилия Беневская — редкая, требуй адреса всех Беневских в Москве. Написала заявление в адресный стол Москвы. Заведующая все поняла, и через пару часов я получила большой лист с 12 фамилиями, с годом рождения с 1915 по 1941 гг. и адресами.

Просмотрев, увидела 2 адреса на пути к моему дому. Не терпелось уже сегодня знать, кто эти люди. Выбираю с отчеством «Ивановна» и еду на метро «Профсоюзная». Коммунальная квартира, Веры Ивановны нет дома. Зато ответы соседки дают большие надежды: может быть сестра. Оставляю свой номер телефона. И вот звонок: «Это она, моя дорогая сестра Ляля, Лиза Беневская, не вернулась с задания в январе 1942 г.! Да, она была в части Спрогиса!» Поиск кончился!

Дальше были встречи, поездки, работа, встречи на месте гибели, дружба навсегда ветеранов с близкими и родными Лизы Беневской: с Верой Ивановной и больше всего с Татьяной Михайловной Осиповой и ее семьей. Это та девочка-племянница Лизы, фото которой она носила в кармане на груди. Старшая племянница — Машенька — погибла в юности.

————————————————————

Примечание:

С Маргаритой Михайловной Паншиной я познакомилась на первой нашей встрече в 1989 году: тогда она вместе с Ольгой Алексеевной Гурычёвой и поисковиками школы № 1272 приехали к моей тёте Вере Ивановне Беневской домой, чтобы убедиться в том, что Лиза Беневская это их боевая подруга в/ч 9903. Об этой встрече я уже писала ранее.

С той самой первой встречи у нас с ней завязались самые тёплые отношения и, благодаря её рассказам, я многое узнала о девочках-бойцах группы Кати Пожарской.

В 2005 году Маргарита Михайловна по моей просьбе дала мне свои записи о выходе группы Кати Пожарской в тыл врага, некоторые свои документы и своё письмо 1948 года к Лие Кутаковой.

Она мне рассказала, что, когда началась война, то в военную часть 9903 к Спрогису

Григорию Яковлевичу Спрогису её, Риту Каравай, привела подруга Лёля. И в ноябре 1941 года Риту определили в группу Кати Пожарской.

Привожу эти документы:

Выписка из ПИСЬМА № 24/255 от 18 ноября 2002 года Министерства обороны ВОЙСКОВАЯ ЧАСТЬ 61379 (архив):

«…Красноармеец Паншина (урожд. Каравай) Маргарита Михайловна , 1923 года рождения (других установочных данных нет), с 10 ноября 1941 года по 26 января 1942 года, четырежды выполняла задания Разведывательного отдела Западного фронта (войсковая часть 9903) в тылу немецко-фашистских войск в качестве бойца группы на временно оккупированной территории Московской области (районе Волоколамска, Шаховская, Демидово).

Командир войсковой части 61379, полковник А. Серебряков».

Вот описание этих боевых заданий:

1-ое задание:

С 10 по 19 ноября. Группа в составе: Пожарская Е., Новикова Л., Кутакова Л., Пошуканис С., Крылова Л., Каравай М., Хотовицкая Л., Жеглова Н., Лаптева А. направлены были в район Волоколамского шоссе (п. Шаховская). Об этом задании подробно написано мной ниже в воспоминаниях Лии Петровны Кутаковой, которая вместе с Соней Пошуканис провели разведку и были задержаны, но с помощью женщины (хозяйки дома) смогли убежать в лес к своей группе.

2-ое задание.

В район Ново-Волоколамск 25 ноября по 3 декабря 1941 года пошли уже без Хотовицкой Л. и Лаптевой Анны. Хотовицкая Людмила была в группе постарше всех. В первом же задании отморозила ноги, в госпитале пришлось ей ампутировать пальцы ног. Лаптева Аня сильно была простужена после первого своего задания, а после своего выздоровления, она была направлена в группу Герчика Г.Я. В группу пришли: Елина Катя, Королёва Саша, Бабухина Зина. В этом задании уже в тылу объединились с другой группой.

3-ье задание.

С 8-го по 15 декабря группа в том же составе, что и во втором задании, направлена в поход на лыжах в маскхалатах в район Звенигорода Московской области.

4-ое задание.

С 15-го января по 26 января 1942 года направлены в Калужскую область, Медынский район, деревни Сосновцы и Красный Посёлок. В это задание к группе была направлена Лиза Беневская.

И вот текст письма Риты к Лие Кутаковой.

Письмо Паншиной М.М. к Кутаковой Л.П. 1948 г.

«Дорогая Лийка, здравствуй!

Вот уже семь лет прошло с тех пор, как нам пришлось вместе встретиться 7 ноября. Семь лет, а для меня это вчера. Так ясно, так свежо воспоминания, так хорошо помню всех вас, родных, любимых, с которыми была вместе всего лишь четыре месяца.

Лия! Ни один праздник за всю свою жизнь не помню так, как 7 ноября 1941 г..

Знаю только, что все семь лет в этот день живу воспоминаниями этого времени.

Вот Лида Новикова поёт: «Вот и всё так коротко и просто: Катюша покуривает, а вы с Соней Пошуканис лежите на одной кровати и говорите, говорите и разговариваете, улыбаетесь. Как вы были рады этой встрече, милые, честные, искренние, непохожие друг на друга.

А Надя Жеглова? Она говорила редко, но крепко. И с такой это у неё улыбкой получалось, немножко загадочной и с хитринкой, а Мила Хотовицкая всем восхищалась, и так ей было хорошо в этой новой семье, что она хотела всё всех обнять и смеяться и мечтать, и щебетала, такая миленькая, нежная.

Катя Пожарская хоть и держалась как взрослая и старалась быть строгой, но ей было так приятно смотреть на девочек, ещё совсем наивных, так мало ещё понимающих, но желающих не задумываясь отдать жизнь за самое дорогое, самое родное…

Мало кто тогда собирался драться, а не умереть.

Что мы ещё тогда умели. А потом и Лиза Чарская[5] появилась.

Вечер самодеятельности, стрельбище, тол, ватные брюки, всё важное и незначительное — всё было необыкновенно хорошо.

А я восхищалась вами, любила вас, но страдала, тосковала о Лёльке моей (Елене Шатерник), ушедшей на задание.

А под праздник мы работали на кухне, чистили картошку и пели, пели, смеялись…

Каша с мясом, пироги после голодных месяцев в Москве…

Ты помнишь эти берёзки и дачи? А отъезжающие на задания машины? Все выходили провожать и желали успехов. В одной из них уехала Лёля, моя Лёля, и я была самым несчастным человеком на земле.

Странно, приехала воевать, а страдала от разлуки и любви к подруге.

Лия родная! Не смейся надо мной — это была для меня самая золотая осень!

Хорошие мои — Соня, Лида, Лийка — никогда, никогда эти образы не потускнеют — они во мне.

Где Лида, Соня, Надя, Лиза? Почему нет их — этих замечательных, красивых, отважных девчат?

Лия! Не подумай, не посчитай это письмо за болтовню. Знала бы ты, с какой болью в сердце я пишу эти строки! Я хотела только поздравить тебя, моё дорогое воспоминание. Ведь когда ещё увидимся?

Поздравляю с праздником, желаю счастья, здоровья, успехов в учёбе».

В январе 1989 года Маргарита Михайловна Паншина посылает письмо в Главное Управление Кадров Министерства Обороны СССР с просьбой дать сведения о награждении Беневской Е.И. орденом «Красная Звезда», ошибочно указав вместо 1915 года рождения Лизы – 1916 год. И в ответ получила письмо от 10 февраля 1989 года №

173/146495, в котором её извещали, что по учётным данным картотеки такая награждённая не значится. Маргарита Михайловна передала мне копию своего письма и ответа на него. Кроме этих документов она мне дала копию приказа № 191 от 17 февраля 1942 года о награждении Лизы Беневской Орденом «Красная Звезда», опубликованном в марте 1942 года в газете «Красногвардейская Правда», но фамилия её была там напечатана как Бе**шевская.**

По совету Маргариты Михайловны я в марте 1989 года написала письмо Командиру части 61379, которое подписали и моя тётя Вера Ивановна Беневская (сестра Лизы) и её сын – Беневский Александр Иванович. Приведу его полностью:

«КОМАНДИРУ ЧАСТИ 61379.

Я, Беневская Вера Ивановна, сестра Елизаветы Ивановны Беневской, Беневский Александр Иванович – мой сын, Осипова Татьяна Михайловна – моя и Е.И. племянница, ПРОСИМ ВАС ИНФОРМИРОВАТЬ НАС И ДАТЬ КОПИИ ДОКУМЕНТОВ О ГИБЕЛИ Елизаветы Ивановны Беневской (архивную справку о смерти).

Елизавета Ивановна Беневская, 1916 года рождения (Примечание Т.М. Осиповой: здесь опять-таки допущена ошибка – Лиза родилась 13 декабря 1915 года, о чём я узнала много позже, получив копию метрической выписки о рождении Лизы), находилась в рядах армии по январь 1942 года в воинской части № 9903. Участвовала в 3-х боевых заданиях (Примечание Осиповой Т.М.: Как потом вместе с ветеранами этой части мы выяснили, что Лиза участвовала в 4-х заданиях), из 4-ого она не вернулась. На все наши ранние запросы был ответ: «Пропала без вести, не вернулась из задания».

Благодаря огромной проделанной работе группы ПОИСК ШКОЛЫ № 15 Пролетарского района (руководитель О.А. Гурычёва) удалось нам встретиться с однополчанами Е.И. Беневской и установить подробности её гибели. Кроме того, от них же нам стало известно, что Беневская Е.И. была награждена ОРДЕНОМ КРАСНОГО ЗАНМЕНИ (Приказ № 191 от 17 февраля 1942 года), о чём была публикация в газете «Красногвардейская правда» от 31 марта 1942 года.

Полученные нами от Вас документы будут использованы для занесения имени Е.И. Беневской в «КНИГУ ПАМЯТИ», а также в списки погибших Московского энергетического института, из профессорско-преподавательского состава которого она уходила на фронт – последний её адрес Лефортовский вал, д. 7/6, корп. 9.

Просим переслать всю возможную информацию и справки по адресу Осиповой Татьяны Михайловны, дочери старшей сестры моей и Е.И. Беневской – Нины Ивановны Горбуновой-Посадовой (в девичестве Н.И. Беневской):

117571, Москва, ул. 26-ти Бакинских комиссаров, д. 3, корп. 1, кв. 431.

13.03.1989 г. Подписи: В.И. Беневская, А.И. Беневский, Т.М. Осипова».

На это письмо ответа я получила ответ, что материалы по Лизе Беневской направлены в наш районный военкомат. Привожу это письмо:

«Исп. вх. 77-п

Гр-ке Осиповой Т.М. (адрес)

ТАТЬЯНА Михайловна!

Ваше письмо от 13 марта 1989 г. Внимательно рассмотрено.

Имеющиеся у нас сведения о судьбе Беневской Е.И. направлены в военный комиссариат Гагаринского района г. Москвы, куда и рекомендуем Вам обратиться.

Заместитель командира войсковой части 61379 Е. Сальников. 13 апреля 1989 г. № 24/77-п».

Несколько раз в течение года я ездила туда, но там мне отвечали, что у них никаких сведений нет. И я вынуждена была писать снова с той же просьбой по тому же адресу уже в сентябре 1990 года. И вот на это письмо мне, наконец, из районного военкомата пришёл ответ:

«Исп. Вх. 413-п

Гр-ке ОСИПОВОЙ Т.М. (адрес)

Уважаемая Татьяна Михайловна!

Ваше письмо от 24 сентября с.г. внимательно рассмотрено.

Имеющиеся у нас сведения по интересующему Вас вопросу направлены в Гагаринский районный военный комиссариат г. Москвы 4 октября с.г. (наш исх. № 24/413-п).

Одновременно сообщаю, что аналогичные сведения были сообщены в вышеуказанный военкомат 13 апреля 1989 года (наш исх. № 24/77-п).

Командир войсковой части 61379: А. Жогло. 4 октября 1990 г. № 24/413-п».

Это письмо вложено в конверт районного военкомата вместе с долгожданным ИЗВЕЩЕНИЕМ:

«ГАГАРИНСКИЙ РАЙОННЫЙ ВОЕННЫЙ КОМИССАРИАТ г. Москвы

«П»

22.10.1990 г.

№ 4/1560 исп. Вх. 49-89

ИЗВЕЩЕНИЕ

Командира в/ч 61379 на Беневскую Е.И.

Сообщаю, что в имеющихся материалах Разведотдела штаба Западного фронта за 1942 год отчёт о работе отряда под командованием политрука Кагана за период с 16 по 21 января 1942 года.

В отчёте указано: («…В районе Сосновцы, Головино всей группой была устроена засада противника…. Были тяжело ранены три бойца Беневская Елизавета. … 21 января 1942 года личный состав группы был выведен из тыла противника в районе Свердлово. Тяжело раненные оставлены в землянках партизанского отряда, где комиссаром был Булычёв Василий Петрович»…

Других данных о судьбе Беневской Е.И. не имеется.

По имеющимся данным, приказом войскам Западного фронта от 17 февраля 1942 года Беневская Е.И. была награждена Орденом Красной звезды.

Печать. Гагаринский районный военный комиссариат г. Москвы

Подполковник: Смирнов».

После получения таких ответов всё равно оставалось документально не подтверждена

гибель Лизы Беневской. Моя переписка и хождение по архивам, по ветеранским организациям, в юридические консультации продолжались аж до 2005 года. И всё это время меня поддерживали и подсказывали дальнейшие шаги в поисках истины. И ветераны, и Ольга Алексеевна Гурычёва, и мои родные, и друзья, стоило мне только начать унывать, не давали мне возможности находиться долго в унынии. Раздавался телефонный звонок, и следовало очередное приглашение на какое-либо мероприятие, либо новая идея-предложение по поиску, а иногда, что особенно радостно, известие об очередной публикации о Беневских (из Дубровки от Татьяны Григорьевны Жуковой). А в архивах школьного музея отыскивались всё новые уже ставшие историческими публикации и фотографии о товарищах однополчанах Лизы. И приходилось снова браться за работу, изучать материалы, сопоставлять разноречивую информацию о том бое, в котором погибла Лиза Беневская и двое её товарищей. И постольку – поскольку, за давностью лет, события вспоминались и описывались каждым участником по-своему, то я и решила привести все публикации, все воспоминания так, как они были мною получены.

Ошибки в документах на многие годы затянули и получение сёстрами Лизы, которые в то время были ещё живы, её награды. И только в 2005 году Осиповой Т.М. получена истинная копия приказа о награждении (о чём будет написано ниже).

Рассказ Глаголева Василия Николаевича

Об авторе: Василий Николаевич Глаголев, журналист, уроженец Можайского района, жил на оккупированной территории в деревне Иваньково в возрасте 8 лет.

В 1984 г. начал поиск, утерянного в Истории битвы за Москву, партизанского отряда майора В.Н. Гаева. В начале поиска опирался на рассказы местных жителей о боевых операциях, проведенных «неизвестными партизанами» и «московскими лыжниками». Затем были обнаружены документы времен войны и могилы погибших наших бойцов, партизанские базы.

В.Н. Глаголеву оказывали поддержку и помощь в поиске местные жители, сотрудники Института военной истории МО, местные школьники.

Партийные органы Московской и Калужской областей и их учреждения препятствовали поиску, поскольку новые факты не укладывались в официальные версии.

«Мне сказали, что фамилия «Чарская», я её и разыскивал как Чарскую. На мои письма

не отвечали и отписывались. Жеглова, Чарская и Новиков — погибли. Послал запрос, на него ответ и в нём была Беневская. И тут я начал обзванивать участников и восстановили, что действительно Беневская. Там, где они похоронены, деревенское кладбище. Пролежали с зимы до весны в лесу, трупы были обнажены. В Дунине у церкви пролежали два дня. В окопе около кладбища похоронили. За этим холмом много лет ухаживали. Две женщины живы, которые на эту могилу ходят. Холмик этот погибает.

22 июня 1986 г. впервые собирались в том месте. Пошли к месту боя. Снят фильм. Есть задумки снять кинофильм.

В «Красной звезде» №191 за 12 февраля 1942 г. опубликован приказ о награждении Беневской Е.И. Орденом «Красной звезды»».

В.Н. Глаголев[6]

Противостояние

повесть

(газета «Новая жизнь», г. Можайск, X-XII 1985 г.)

Сосновая дорога

Иногда приходится слышать: под Москвой партизаны немного сделали. Взрывали ли они мосты, пускали под откос эшелоны, рвали ли штабы? Вот в Белоруссии взрывали. Там были партизаны!

Что ответить людям, рассуждающим так? Посоветовать ознакомится, из чего сложилось Московское сражение? Оккупация продолжалась три месяца. Задумайтесь: что успел сделать каждый из нас за три месяца своей жизни сегодня? Под Москвой партизаны вели борьбу в редкостно трудных условиях. Они оказались внутри миллионной армии врага, в её эпицентре. Эта армия растекалась по всем деревням, просёлкам, оставляя относительно безопасной для действий лишь ночь.

База Гаева в лесу под Иваньковым была всего в полукилометре от беспрерывно двигающихся вражеских войск. Займись враг направленно её ликвидацией, они просто остановили бы на полдня движение по окрестным дорогам, и партизаны оказались бы в ловушке. Лес был бы раздавлен танками или накрыт артиллерийским налётом с разных точек. Враг не делал так, потому что у него не было на это времени, да и мелкие укусы

казались ему несущественными. Разве знал он, что его боевой порядок изнутри просматривает из Москвы советское командование — партизанским глазом? В его тылу советская власть, в лице партизан, продолжала существовать, её враги так и не посмели поднять голову. Оккупированное население ни на каплю не восприняло фашистский дух, не подчинилось врагу. А сколько жизней сохранили, ликвидировав вовремя вражескую агентуру в деревнях?

…Уже месяц шло московское контрнаступление наших войск. Но в этот угол немецкой доносились лишь пока его отголоски. Впрочем, после 10 января пошли по дорогам обозы в обратную сторону, на запад. Боясь котла, гитлеровцы выводили технику и людей.

В народе нашем во всякую трудную минуту найдётся весёлый человек, спросит у заночевавших замороженных «покорителей мира»: «Куда это теперь путь держите?»

— На отдых, — отвечали согласно отданной директиве вояки. — Едем на отдых.

— Ага, понятно! Значит, на отдых. Это хорошо!..— Гут — то есть.

И разулыбается весёлый русский человек, радуясь «заботливости» фюрера. Ещё иной шутник и по плечу немца похлопает: «Гут! Москва капут, да?» Устал немец маленько. Оно, конечно, с Москвой побороться, так устанешь. Можно посочувствовать.

При подходе фронта Гаев установил по рации двухстороннюю связь. Получил задание: мешать выводу войск, принимать диверсионные группы, переходящие линию фронта, действовать по обстановке.

Чтобы перекрыть дорогу с Вереи, партизаны ещё раз взорвали перешеек через противотанковый ров. Немцы стали лихорадочно восстанавливать его, а пока шли работы, спешно стремились пробить дорогу через деревни в объезд, по полутораметровому снегу. Старосте деревни Иваньково Рябову было приказано немедленно расчистить дорогу. Но он лишь руками развёл: «Лошадей нет». К вечеру немцы пригнали десяток лошадей — тяжеловозов, которые таскали артиллерию.

Второй день ушёл на изготовление клина из толстых брёвен, обивку его носа железом. Назавтра намечалась чистка.

Щербинина жила на квартире у старенькой матери Рябова. У неё в это время скрывалась Мария Степановна Глотова с детьми. Рябов прямо пришёл к Татьяне Павловне: «Помоги связаться с партизанами. Пусть ночью угонят лошадей». Ночью

лошади исчезли, о чём Рябов «в расстройстве» лично доложил немецкому начальству. Он убедил немцев, что чистка дороги займёт не меньше недели, и они бросили эту затею. Ждали восстановления дамбы.

18 января Гаев получил приказ встретить две диверсионные группы — по 30-40 человек. Одна нацеливалась на дорогу с Можайского направления, другая — с Верейского. Утром у Красного посёлка он встретил объединённую группу из в/ч 9903 особого назначения Артура Карловича Спрогиса. Этой объединённой группой командовал в этой операции Николай Семёнов. Подгруппами командовали Семён Каган, Екатерина Пожарская[7] и сам Николай Семёнов. У Пожарской в подгруппе были одни девушки — 11 человек.

Вместе с партизанами Семёнов ночью снова взорвал восстановленную дамбу через противотанковый ров. Движение через Иваньково окончательно остановилось. немцы окружным путём влили этот поток в русло, идущее от Можайска через деревни Головино, Сосновцы, Дунино. Здесь-то и было решено провести совместную дерзкую операцию. Нашли очень удачное место атаки.

От Сосновцы дорога, пройдя с полкилометра по полю, входит в лес и через три километра выходит из него у Дунина. Посреди леса она спускается на дно довольно глубокого оврага с крутым склоном. На краю оврага удобная позиция. Дорога идёт внизу всего в 5-10 метрах от атакующих. Из оврага же партизана, лежащего среди деревьев и кустов, на высоте пулей не достанешь, особенно, если он отползёт на полметра за кромку оврага.

Перед рассветом 19 января группа лыжников в маскхалатах вместе с проводниками Гаева Азарёнковым и Бирюковым прибыла к оврагу и стала ждать обоз. План был такой. Выбрать небольшой обоз, быстро уничтожить его из пулемётов и автоматов, загородив дорогу и внеся замешательство в ряды идущих следом обозов. Если позволит обстановка, одновременно или последовательно «поковырять»остановившуюся колону в других местах, внеся панику. Семёнов заваривает «кашу» и быстро уходит. Партизаны Гаева добавляют с опушки. Им на помощь может придти группа Семёнова и ударить в третьем месте. У немцев сложится впечатление, что против них действуют крупные силы.

Но реальная обстановка нарушила этот план. Начавший с рассветом двигаться обоз всё шёл и шёл — уже несколько часов. Без малейшего промежутка. Семёнов хотел найти паузу, чтобы заминировать хотя бы дорогу впереди следующего обоза. Но паузы не было. В сорокаградусный мороз лыжники лежали в снегу, затаившись, всего в

нескольких метрах от проезжающих повозок. Нервы были предельно напряжены. Ещё час и начнёт темнеть.

И вдруг образовалась пауза. Семёнов приказал быстро заминировать дорогу, круто загибающуюся после оврага влево, в тыл лежащим в засаде лыжникам. Взрыв мины — атака.

Второй обоз уже втянулся в овраг, но ещё не достиг мин на загнутом левом фланге. Семёнов не мог видеть, что и у него хвост растянулся на несколько километров и имеет танкетки, артиллерию, миномёты. Неожиданно первым выстрелил Каган, чья группа занимала правый фланг. Не выдержали нервы, очень привлёк офицер высокого чина, сидящий на повозке.

Перед собой лыжники расстреляли обоз в упор, забросали гранатами. Фашисты ехали на повозках по 5-10 человек, скрючившись от мороза. Почти все они были убиты первыми же очередями. Но некоторые уцелели и из-за повозок, из-за убитых лошадей повели бой. Их поддержал левый фланг, который так и не дошёл до мин, и подходящие справа силы. Лес оглашался дикими воплями раненых, трескотнёй пулемётов, взрывами гранат.

Бой шёл уже минут сорок. Выйти из него было невозможно — если ослабить стрельбу, возникала опасность окружения слева, со стороны дороги, изгибающейся в тыл группы. Семёнов, находящийся со своей группой именно там, всеми силами огнём своих пулемётов старался не допустить этого. Усилилась пулемётная стрельбы и справа — это пробили гусеницами снег и обошли колонну несколько танкеток. Не в состоянии взобраться по глубокому снегу на склон оврага, они поливали лес густым пулемётным огнём. Но били вслепую, в сторону наибольшей стрельбы, по левому флангу лыжников. Не зная, что впереди дорога изгибается круто влево, они полагали, что там стреляют партизаны, их главные силы. На мощный огонь танкеток, ведущийся по представлению передних немцев — из леса партизанами, те в свою очередь отвечали огнём и не решались подняться в атаку на «партизанские» пулемёты.

Немцы теперь били друг друга. Справа накапливали силы. Лыжники оказались под перекрёстным огнём левых и правых немецких флангов. Пули не давали поднять головы. В группе Семёнова был убит Миша Новиков, ранен в руку Коля Коротков. В группе Кагана был ранен в руку сам Каган. У Пожарской наповал была убита Лиза Чарская[8]. Она стояла за деревом, и тело её обвисло между двумя стволами берёз. Наде Жегловой пуля попала в сердце. Пожарская поползла к ней, положила на губы пригоршню снега.

Надя открыла глаза, прошептала:

— Ой, Катенька, конец мне, дышать нечем…

Уже начало темнеть. И вдруг разгорелся новый бой — где-то справа, далеко — в километре. Это ударили партизаны Гаева, которые так и не дождались выхода из боя группы Семёнова. И это спасло положение лыжников. Немцы в лесу прекратили стрельбы, прислушиваясь, оценивали неожиданно возникшую новую обстановку.

Место для обелиска

Этой передышкой воспользовался Семёнов. В наступившей тишине раздался его приказ Пожарской:

— Катя, быстро отходи! Передай Кагану — отход к лыжне!

Семёнов выводил свою часть группы из зоны перекрёстного огня, который после небольшой паузы возобновился между немцами с новой силой. Отвлекая огонь на себя, он ещё некоторое время давал возможность группе Пожарской выйти из боя. Девушкам досталось труднее всего. Не имея опыта, они оказались под перекрёстным огнём и несли большие потери. Была ранена в руку и Лида Новикова, от смерти её спасла пряжка солдатского ремня.

Катя Пожарская и Лика Кутакова прикрывали отход, сменяя друг друга. Катя отползла в тыл, и тут пули попали Лике в щиколотки обеих ног. Вгорячах она продолжала стрелять, пока не кончились патроны. Катя, узнав о ранении Лики, крикнула ей:

— Держись, я сейчас пришлю за тобой ребят.

Лике удалось с трудом отцепить лыжи, она обхватила их руками и поползла. Неожиданно услышала стон и в темноте наткнулась на Катю Елину. Она была без сознания, у неё разрывной пулей было ранено бедро, из раны хлестала кровь. Лика перетянула ей рану, как учили, пыталась её тащит, но Катя то приходила в сознание, то теряла его. Измучившись Лика сказала ей:

— Ты лежи здесь, только сознание не теряй, а то замёрзнешь. Я поползу, найду наших и пришлю за тобой. Ты только держись.

Стемнело совсем, но бой между немцами всё ещё продолжался. И вдруг стали рваться снаряды. Лика легла животом на лыжи и, гребя снег руками, пыталась отползти

подальше от начавшегося огневого ада. Потом всё стихло, лишь позади на чужом языке раздавались крики раненых.

Гаев наблюдал обстановку с горы у деревни Красный посёлок, ожидая, когда Семёнов начнёт бой. Его группа тоже бездействовала на огневой позиции у опушки леса, метрах в пятидесяти от проезжающих немцев. наконец, вроде бы начал осуществляться намеченный план. Среди немцев поднялась паника. Они стреляли беспорядочно, некоторые бросали оружие и поднимали руки. Но брать пленных в такой ситуации было невозможно: от Головина и Ширина прибывали всё новые силы.

Было неясно, почему так долго вёл бой Семёнов. Там всё более усиливалась стрельба. Место боя показывали трассирующие пули, рикошетом отскакивающие от деревьев — всполохами вверх, в ночное небо. Вся немецкая техника, протянувшаяся многокилометровой змеёй от опушки у Сосновцы мимо озера к Головину и Ширину, остановилась. В такой мороз, если глох мотор, то через час уже размораживался двигатель. Машины — грузовики и легковые — стояли без движения, оставленные людьми, мчащимися по дороге. По всей колонне, где имелись орудия и миномёты, немцы разворачивали их и начали бить по опушке, откуда только что ушли бойцы Гаева, и по лесу, где рассыпался трассирующий фейерверк перестрелки.

От снарядов за огородами Сосновики загорелась шаха, потом школа у барского сада. На дороге горела легковая машина. Артиллерийский огонь, беспорядочно вспыхивая, длился около часа. Затем всюду наступила полная тишина. И темнота. Лишь краснели угли шахи, и догорала школа.

Колонна затаилась в темноте. Среди ночи немцы стали разворачивать подводы, бросать машины и орудия и уходить на параллельную дорогу — на Юрлово, Цезарево, Губино. На Сосновцы они идти побоялись.

Обстановка с группой Семёнова Гаеву была совершенно не ясна, пока не подъехала часть лыжников во главе с Каганом и партизаны Азаренков и Бирюков. Ещё шла артиллерийская стрельба. Семёнов опаздывал; он, видимо, сбился с дороги. Гаев приказал своим ребятам идти навстречу его группе и разжечь в лесу костёр, чтобы на него выходили лыжники.

Николай Семёнов так и не смог собрать всех людей и уходил последним. Скрываясь от арт-огня, он углубился в лес и сбился с направления. И вдруг увидел костёр и возле него двух знакомых партизан. Все собрались на базе в Якушенском лесу — в деревне оставаться было опасно. Не досчитались пятерых человек, в основном девушек, трое

были ранены. Пожарская особенно волновалась за Лику и Катю, первые поиски результатов не дали.

Во втором поиске нашли Катю Елину. Она была жива, но сорокаградусный мороз сделал своё дело — ног она не чувствовала. Морозова посмотрела и сказала Пожарской:

— Гангрены не избежать. Но если ноги отрезать, её можно спасти.

Лику Кутакову не нашли ни среди живых, ни среди мёртвых.

К концу подходила ночь. Гаев выслал свою группу: обойти все места боёв, собрать боеприпасы и автоматическое оружие, подсчитать убитых врагов. На лесной дороге, местами перепаханной снарядами до самого оврага, партизаны насчитали около 250 трупов.

По рации Гаев связался через линию фронта, получил приказ для группы Семёнова: двигаться дальше в тыл, продолжать выполнять задание. Пожарской и Кагану с легкоранеными вернуться через линию фронта. Гаев решил отправить сними комиссара Булычёва с донесением и материалами Васильева, с делами по 14 раскрытых и обезвреженных пособников оккупантов.

Партизаны, не спавшие подряд почти две ночи, кое-как разместились в землянках и только под утро забылись сном. Через два часа немцы начали жечь окрестные деревни, мстя за разгром на дороге.

…Лика Кутакова ползла уже несколько часов, если то передвижение, которое она совершала, можно было назвать словом «ползти». Она не замечала ни ночи, ни сорокаградусного мороза, казалось, не замечала ни лыж, на которых лежала и которые ускользали из-под неё, ни снега, ни винтовки, которая сковывала движения. Казалось, не замечала гудящих болью ног. Не помнит, отдыхала ли она или нет. Что с ногами, она старалась не думать и к боли вроде бы притерпелась. Валенки налились кровью, которая растопила зачёрпнутый снег и смешалась с ним, образовав ледяную корку — «шубу». Эта шуба, возможно, и сохранила ноги от обморожения.

Лика механически выполняла одну работу и думала только об этой работе. Эта работа заключалась в том, чтобы вытянуть вперёд полусогнутые руки, опустить их в снег и подтянуть тело к рукам. Снова вытянуть руки — раз, опустить в снег — два, подтянуться — три. Медленно, но всё повторить снова.

Люди в таких ситуациях чаще погибают от растерянности, из-за возникшей паники. Не зря в народе так определят страх: это когда тело лишается помощи рассудка. Воля Лики была правильно подчинена простой до предела, размеренной работе. Больше интуитивно она следила, чтобы не потерять из-под себя лыжи, держаться кем-то проложенного следа. Если и приходила в её сознание чёткая мысль, то одна: «Надо успеть спасти Катю… Спасти Катю…»

Сколько времени прошло, она не знала, только заметила, что лыжня стала чётче, наступил рассвет. Вокруг по-прежнему была абсолютная тишина. Вдруг ей показалось, что слева её рассматривают два всадника на лошадях. Она затаилась, не подумав, что всадники по лесу проехать не могут — так глубок снег. А может это был дым? Она продолжала свою механическую работу уже почти 24 часа.

Наступили сумерки второго дня, 20 января. Вдруг лес кончился. С опушки она увидела метрах в ста бревенчатый сарай, за ним, на горке несколько домов — деревня! Сто метров до сарая, оказавшимся баней, она ползла полчаса. Залаяли собаки, но не так как лают при немцах. Значит, немцев близко нет.

Вдруг увидела впереди две фигуры. «Живой не дамся», — подумала зло и достала последнюю оставшуюся лимонку. И вдруг её окликнули по-русски. Ей показалось, что это ребята из группы Семёнова.

— Ребята! Это я — Лика! — закричала она, что есть силы и удивилась: они не услышали голоса.

Это были уже знакомые нам Миша и Коля — партизаны. Ребята подхватили её, отнесли в крайний дом, где женщины целый час растирали девушку, отогревали можжевеловым чаем, кормили. Ребята соорудили санки на лыжах. Через полчаса она была в землянке. Лика не давала резать валенки, пружина её воли до конца ещё не расслабилась. Бабуров цыкнул на неё:

— Лежи! Доползла, теперь наше дело.

Медсестра Ираида Ивановна промыла её раны припасённой водкой из запасов лыжников, перевязала. Лику положили рядом с Катей, которая была в бреду…

Этапы поиска сведений о Е.И. Беневской

1. Лия Петровна Кутакова — в 1972 г. написала 10 писем с запросом о селе Сосновцы. Был описан эпизод боя января 1942 г. около этого села и деревень Рахманино, Красный посёлок.
2. 1977 г. Разыскался Михаил Романович — его двоюродная сестра спасла Л.П. Кутакову.
3. Произошла встреча Елизаветы Васильевны Паничкиной (в группе её звали «Чижик») и Екатерины Яковлевны Пожарской (командир группы), и Екатерины Степановны Елиной.
4. Удалось найти Цалит Нину Ивановну, участвующую в 1-ом и 2-ом заданиях с Беневской Е.И.
5. О четвёртом задании рассказала Паншина Маргарита Михайловна.
6. Глаголев Василий Николаевич (журналист), тогда ему было 8 лет, он житель тех мест. Уехал оттуда, когда была репрессирована семья. Он вёл поиск девушек группы Кати Пожарской. По воспоминаниям жителей Можайского района: в том бою участвовал партизанский отряд, к которому и присоединились бойцы в/ч 9903. Василий Николаевич записал рассказы и воспоминания местных жителей. Легенда (рассказ местных жителей): Колона немцев, встретили наши, не пустили, главная оборона — 2 девушки держали оборону и были обнаружены немцами и исколоты ими штыками.

Есть две его повести — «Поиск продолжается», 3 года он добивается правды об отряде партизан, была организована через Лигачёва встреча, работала комиссия обкома партии. Но в повести Е.И. Беневская фигурирует как Чарская.

Было установлено, что две девушки похоронены близ села Дунино (раньше думали, что в селе Передел). Живы дочери местных жителей, которые показали могилу (там же похоронен Новиков Михаил), нужна комиссия. Институт истории — Волкогонову поручено изучить.

Глаголев В.Н.

(более позднее описание событий января 1942 г.).

О крупных боях в окрестности сел, лежащих на пути отхода немецких войск, при

случае возникали разговоры в беседах с местными жителями. В них присутствовала какая-то недоговоренность. И, очевидно, причина этому заключалась в том, что оставалось неясным: кто же проводил в Можайском и Медынском районах дерзкие операции. В Медынском районе не было «партийного» партизанского отряда, в Можайском в этой части района находилась небоеспособная группа ответственных партийных работников — «на сохранении» от репрессий. Тем не менее, сельские жители, свидетели событий, не получая ответ на вопрос: кто бил немцев, создавали собственные версии, которые со временем обрастали той тканью, которую можно назвать легендой.

Старые люди утверждали, что немцы в окрестности сел Дунино и Сосновцы Медынского района наткнулись под вечер на партизан, которые преградили дорогу к отступлению колонне, растянувшейся километров на десять, двигающейся из Можайска. И не дали ей пройти, задержав на сутки. Говорили, что в лесу «держали оборону» две девушки-лыжницы. Немцы не могли их пройти или обойти. Вели огонь по ним из артиллерии часа два. Потом окружили и искололи в ярости штыками. Другие утверждали, что не искололи, а сами девушки, чтобы не быть захваченными, будучи ранеными, подорвали себя гранатами.

Легенды — легендами, но постепенно удалось выйти на нескольких человек из местных жителей, живших в разных теперь городах, которые стали вспоминать реальные события, факты и называть своих боевых товарищей. В числе других назвали Михаила Сафроновича Азаренкова, жителя деревни Рахманино. В 1985 г. Азаренков мне сказал, что лет 5 — 8 назад его разыскала жительница Москвы бывшая лыжница боевой группы отряда особого назначения А.К.Спрогиса Лия Петровна Кутакова, которую М.С. Азаренков и Н.И. Бирюков — партизаны отряда Гаева — спасли раненую в бою. Кутакова теперь благодарила своих спасителей и оставила московский адрес.

По адресу я разыскал Л.П. Кутакову и постепенно многих бойцов истребительской группы, принимавших участие в бою 19 января 1942 г.. Здесь и были названы имена погибших в бою двух девушек и парня. В их числе была названа Лиза Чарская.

Поиск стал набирать силу и тревожить местные партийные власти, которые в течение 45 лет замалчивали реальные события, поскольку они противоречили принятой в Можайске версии, что якобы успешные боевые операции в этом районе, по всей видимости, проводили «партизаны» Можайского «партийного» отряда. Получив в Можайске отказ в какой-либо помощи, я принялся тормошить Медынский райком партии, пока он не связался с Можайскими партаппаратчиками. Помощь была необходима, поскольку мне, как беспартийному, доступ к архивам был закрыт. Мною

были составлены от имени Медынского райкома и отправлены в разные адреса письма с просьбой, документально подтвердить факты событий, имена погибших и места их захоронения. Из военного архива были получены копии донесений руководителей диверсионных групп Семёнова и Кагана, в которых говорилось о пропавшей без вести Лизе Чарской.

Через местных жителей было выяснено (как оказалось потом — не верно), что погибшие в марте 1942 г. были захоронены в селе Дунино, в братской могиле в центре села. Затем, лет через 20 останки были перенесены в село Передел в общую братскую могилу. Родственников погибших найти пока не удавалось, поэтому на митинге, организованном мною в селе Передел 9 мая 1986 г., где приняли участие бывшие партизаны отряда Гаева и бойцы групп Семенова, Пожарской, говорилось, что их товарищи похоронены в братской могиле в центре этого села. Были отданы почести.

В поиск родственников погибших активно включились их боевые товарищи, особенно Маргарита Михайловна Паншина, которая постоянно перезванивалась со мной, вела переписку. Мы уточнили версии. Она взяла на себя основную работу по поиску родственников. Она же сообщила мне, что настоящая фамилия погибшей не Чарская, а Беневская. Но к тому времени мною уже была написана повесть, где фигурировало имя — Лиза Чарская.

На поиск родственников ушло несколько лет. В 1989 г. Паншина позвонила мне и сказала, что нашла родственников Беневской и пригласила на встречу с ними в московскую школу N 15. Незадолго до этого на меня вышел житель села Дунино и сообщил, что он лично помогал своему отцу вывозить тела погибших из леса. Погибшие были положены на снег у церкви в Дунино и дня через два похоронены местными жителями не в братской могиле, а на кладбище, в пустом окопе на краю кладбища. Так было сделано, потому, что девушки не были отнесены к бойцам, а к погибшим беженцам, то есть, к гражданским лицам, поэтому не хоронились вместе с погибшими красноармейцами.

Я разыскал в Дунине людей, которые принимали участие в захоронении, то есть факт был удостоверен и с этой стороны. Оказалось, что сердобольные простые люди и далее не оставили могилу без заботы и по христиански ухаживали за ней. Они показали мне эту могилу, и я сфотографировал ее. Это был довольно большой холм, не оформленный как могила, без креста.

Я стал добиваться в Медынском горкоме партии, чтобы была создана комиссия по вскрытию холма и официальному удостоверению факта захоронения погибших бойцов с

селе Дунино. Власть наотрез отказалась что-либо делать.

Я стал поддерживать связь с родственниками Лизы Беневской. Однажды показал им могилу года через два с помощью школьников и их руководительницы Ольги Алексеевны. В Дунино был установлен памятник. Медынские партийные власти полностью проигнорировали этот акт.

Оставалось неясным некоторое время: почему погибшие бойцы не были похоронены после боя? Это прояснилось при встрече с Галкиным, командиром истребительской группы партизанского отряда Гаева, жившим в г. Волгограде. Я встретился с ним. Галкин пояснил, что в силу кратковременности контакта с диверсионной московской группой в отряд Гаева не поступила информация о погибших, хотя бойцы Галкина вывезли с поля боя раненую Е. Елину. Ночью они других бойцов в лесу не нашли. Искать было опасно, так как немцы на другой день возобновили движение по этой дороге. Лыжникам был дан приказ возвращаться в Москву, а отряду Гаева на второй день после освобождения — в Можайск. В отряде рассудили, что если на поле боя и остались погибшие, что было не очевидно, то их похоронят местные жители. Но местные жители наткнулись на трупы лишь через два месяца после боя и похоронили в окопе около кладбища. За этим холмом много лет ухаживали. Две женщины живы, которые на эту могилу ходят. Холмик этот погибает.

22 июня 1986 г. впервые собирались в том месте. Пошли к месту боя. Снят фильм. Есть задумки снять кинофильм.

Лиза была награждена Орденом «Красная звезда» приказ N 191 от 12 февраля 1942 г.».

В марте 2005 года Василий Николаевич Глаголев передал мне стихи о подпольном госпитале в селе Передел, куда в январе 1942 года были привезены раненые Катя Елина и Лия Кутакова. По официальным ответам на мои запросы о судьбе Лизы (если бы я не знала о том, что она погибла), она была ранена и оставлена в землянках партизанского отряда, т.е. вполне могла бы оказаться в этом госпитале. Поэтому хочу привести эти стихи для того, чтобы показать обстановку оккупированного села и героизм в этих условиях наших советских людей.

Т.А. Дворецкая – учитель Передельской школы.

ГОСПИТАЛЬ В ТЫЛУ ВРАГА

(подвиг милосердия в селе Передел)

Земля, как живая, от взрывов дрожала.

Под самой столицей гремела война.

Нашествие немцев Москва отражала…

А рядом, в глубинке, была тишина.

В лесах, затаившись, ждала деревушка:

Быть может, минует лихая беда!

Мы, Нина и Настя, почти что девчушки,

Работали в сельской больничке тогда.

Лечили ушибы, простуды, мигрени…

Но линия фронта всё ближе. А тут

Солдаты. И рваные раны-раненья!

И раненых к нам всё везут и везут…

Берёзка под тяжестью снега поникла.

Без рёва и гула вошла к нам война.

Лишь возгласы: «Немцы!» — да треск мотоциклов,

Да говор чужой на подворьях села.

— Фашисты! – я к Насте влетела в испуге.

— Ну что ты кричишь? Попрошу без нытья!

Вот надпись: «Хир тифус!». Запомни, подруга,

Мы лечим от тифа обычных крестьян.

Фашисты здоровьем свои дорожили –

Седьмою дорогою нас обошли.

Сто суток бойцов мы спасали, лечили –

Кормили нас люди, что дома нашли.

Бывает ли хуже той страшной порухи…

В окно не посмотришь – смерть дышит в лицо.

Мы труп занесли убиенной старухи –

Как спас положили на наше крыльцо.

Гудела, стонала кровавая вьюга,

И трубы взвывали в домах по ночам.

Мольбою чертили мы линию круга.

И в сердце не гасла надежды свеча.

Больница для немцев… Бойцов всех в сторожку.

Мы, повар и нянечки – все до одной.

Скрип снега во тьме по опасной дорожке…

Мы – тени. Рискуем тут жизнью самой!

Неясные слухи к врагам просочились:

«К больнице ведут партизана следы».

И нас расстреляли… Мы в снег повалились

У смертного края последней беды.

Четыре шага… Пули в нас не попали!..

В стволы будто кинулась снежная пыль…

Мы с Настей слова о спасенье шептали

У храма Ильи. Да… — военная быль…

Не ведаю, чем объяснить это чудо:

Быть может, поддержкой родимой земли.

А может, и немцы – не звери, а люди;

Те двое, что нас под прицелом вели…

И к раненым снова… О, как же нас ждали!

Как вспомню, душа встрепенётся до слёз.

В деревне про госпиталь многие знали –

Никто ведь не выдал, никто не донёс!

За нас в каждом доме крестьяне молились…

И хлеб отдавали – последний. И соль…

Казалось, все люди в беде породнились.

Селом врачевали опасность и боль.

Раскаты орудий всё ближе и ближе.

И все уж решили: беду пронесло.

Упало сердечко: неужто ли живы!.. –

Вдруг в страшный костёр обратилось село.

И сердце зашлось от пожарного ада:

Взывают в огне Передела дома!

Горят на снегу углекрасные раны –

На двести костров. Не сойти бы с ума…

Под утро бежим на свои пепелища.

Рассвет и виденье… — идёт белый конь…

Спасенье! Мы падаем… Наша силища!!!

Объятья как слёзы. И чья та ладонь…

Но где-то беда будто пряталась, ждала:

Свои как враги обратилися вдруг.

Вовек не забыть её чёрное жало…

За нами замкнулся спец-лагерный круг.

Село Передел снова туча накрыла:

Сомнения, страхи, «свои» — как враги.

Пытаюсь забыть… Но ведь это же было!

Лет сорок я помнила их сапоги.

Всегда на Руси есть кому потешаться.

Для них нет святого – лишь деньги, да чин.

Они с самим дьяволом могут якшаться.

От Храма давно потеряли ключи.

Как медленно к нам возвращалась погода…

Так жизнь закаляла: то холод, то жар.

Мне снится октябрь сорок первого года.

Лет столько прошло… Ставлю я самовар.

Чтоб больше беда к нам в страну не являлась.

Змеёй подколодною всех не ждала.

На стенах Рейхстага и я расписалась:

«Москва! Передел!» И потом имена.

… Тут шёл Передел! – *от смертей к избавленью*

В последнем пределе немыслимых сил.

Хочу, чтобы каждый в младом поколенье

Себя за раздумьем однажды спросил.

Свой задал вопрос и себя бы послушал.

Как вышло? – что люди чужие сейчас…

И в ранах-рубцах не тела. Уже — души.

Где госпиталь тот, чтобы вылечил нас?

… А что если Кто-то, Всевышний, Незримый,

С нас спросит за всё, что творится вокруг?

И так ли уж рок просвистит снова мимо?

… Иль пули судьбы передумают вдруг?

И если б тебя, переделец, спросили –

На том ли, на этом на Страшном Суде:

— А всё ли ты отдал для блага России?

Что сделал для счастья в селе Передел?

***

Здесь люди саму смерть-войну победили,

Войну **п е р е д е л а в** на мир – на века!

Чтоб внуки и правнуки счастливо жили.

И руку б всегда ощущала рука.

Чтоб в мир не вернулась погибели вьюга,

И трубы не выли опять по ночам,

Пусть станет Россия спасительным кругом

И наш Передел – как святая свеча!

ПИСЬМО ЗАГИРОВОЙ РИТЫ ГАЛИЕВНЫ

9-14 января 2006 г.

Город Казань.

В 2005 году получила письмо из Казани от Риты Загировны Галлиевой. Привожу его полностью.

Здравствуйте, уважаемая Татьяна Михайловна!

Ваше письмо с просьбой написать воспоминания о Лизе Беневской я получила перед самым новым годом. Два дня тому назад получила поздравительную открытку с новым годом. Большое спасибо за добрые пожелания, написанные Вами в мой адрес. Вам то же желаю всего самого доброго и хорошего в жизни, в работе и в Ваших святых поисках, связанных с увековечиванием памяти Вашей тёти – незабвенной Лизы Беневской.

Извините за то, что не смогла сразу ответить на Ваше письмо. Дело в том, что я очень больна, страдаю многими болезнями. И очень трудно выбрать окошко между этими болезнями.

Но всё же с трудом выбралась написать Вам то немногое, что осталось в моей памяти о Лизе Беневской.

С Лизой Беневской я познакомилась в середине декабря 1941 года, когда мы после выполнения двух заданий в немецком тылу возвратились в Москву и из Кунцево переехали в центр Москвы в, так называемые, Красные казармы. И здесь я и Лиза

Беневская оказались в одной комнате. Комната была узкая, примерно 12 кроватей поставлены в один ряд. Как открываешь дверь в комнату, моя кровать стояла справа около стены. Через три или четыре кровати, где-то в середине комнаты, стояла кровать Лизы Беневской.

Лиза Беневская была яркой личностью, да и хорошим человеком. Среди более 10 девушек, проживавших в этой комнате, именно Лиза запомнилась лучше всех.

Когда я слышу имя Лизы Беневской, передо мной встаёт миловидная девушка среднего роста, с коротко стрижеными волосами, улыбчивым лицом и ласковым взглядом ясных глаз.

Она среди всех девушек отличалась своей аккуратностью. Гимнастёрка и брюки всегда были поглажены, под гимнастёркой была белоснежная чистая рубашка. Сапоги были начищены до блеска.

Её облик – одно из ярких воспоминаний о моих подругах-однополчанах.

Лиза была очень общительной и дружелюбной. Мы всегда прислушивались к её словам, её замечания по нашему быту воспринимались без возражений. Возможно, она была старостой нашей комнаты.

Вечерами девушки часто собирались около её кровать и вели общие разговоры: о войне, о литературе и, вообще, о жизни. Центром этих разговоров всегда была Лиза. Её суждения были самыми интересными.

Лиза была очень внимательной к своим товарищам. По этому случаю вспоминается мне один эпизод. Как-то вечером я зашла в свою комнату, комната была почти пустая. Лишь на Лизиной кровати спиной к двери сидели двое: Лиза и ещё одна девушка. Девушка горько плакала(может из дома получила горькое известие), а Лиза, обняв её за плечи, успокаивала, приговаривая какие-то ласковые слова.

По воскресеньям нам давали так называемее отгулы, то есть разрешение на выход в город. Лиза в воскресенье утром говорила: «Девочки, я сейчас поеду к своим», и уходила. По-видимому, она ездила к Вам: к сестре и своим племянницам. Если бы наши кровати стояли рядом, то мы бы чаще общались, и я больше знала бы о её личной жизни. А так я написала о Лизе то немногое, что осталось в моей памяти.

В середине января 1942 года Лизу отправили на очередное боевое задание. А чуть позже и меня с группой товарищей отправили в школу по подготовке партизанских

кадров, которая находилась на Пушкинской площади Москвы. Потом формировались группы для отправки в немецкий тыл. И я с группой бойцов была направлена в Белоруссию, где я в составе партизанского отряда провоевала вплоть до освобождения Белоруссии – до 1944 года.

О гибели Лизы Беневской я слышала ещё будучи в части в конце января или начале февраля 1942 года. И ещё одно подтверждение я получила от своей однополчанки Нины Цалит, с которой я встретилась в городе во время очередного отгула в горд. Я об этом написала в своём крошечном дневнике, который у меня чудом сохранился. Вообще, нам не разрешали вести какие-либо записи. Но всё же после второго задания, когда меня перевели в школу по подготовке партизанских кадров, я начала изредка писать записи в своём крошечном дневнике. И вот там, где то в начале марта 1942 года написано следующее:

«Встретила Нину Цалит и одну девушку из нашей части. Нина подтверждает, что Лиза Беневская убита. Жаль, хорошая была девушка». И эта короткая запись подтверждает, что Лизу Беневскую многие знали и уважали. К сожалению, Нина Цалит не знала обстоятельства её гибели, так как они были в разных группах.

Уважаемая Татьяна Михайловна! Только через 63 года от Вас я узнала обстоятельства героической гибели нашей незабвенной Лизы. Низкий поклон Вам за то, что Вы вели эти трудные и долгие поиски по выяснению военной судьбы Вашей тёти – моей однополчанки Лизы.

Трудности поисков я на себе испытала. Дело в том, что я в течение долгих 30 лет занималась поиском могилы своего отца, пропавшего без вести на фронте ВОВ. Лишь в 1975 году нашла его могилу. Потом занималась установлением имён воинов, погибших вместе с ним и поиском их родных и близких. И я на себе испытала все трудности поисков. Поэтому я горжусь Вами и благодарю за Ваши труды по увековечиванию памяти Вашей тёти – нашей незабвенной Лизы Беневской.

Наверное, Маргарита Михайловна Паншина рассказала Вам о том, что и я в какой-то мере помогала разыскать родных Лизы Беневской, то есть Вас. Когда Рита Паншина обратилась ко мне за советом, как разыскать родных Лизы Беневской, я, исходя из своего опыта поисков, посоветовала ей следующее. Написать письма в адресное бюро всех областных городов Советского Союза (их было около 140) с просьбой прислать адреса всех лиц, носящих фамилию Беневских и проживающих в их области. Ввиду того, что фамилия Беневских редко встречающаяся, этот поисковый шаг мог принести успех. Так и случилось, Рита Паншина уже в адресном бюро города Москвы получила

около десятка адресов Беневских и среди них Ваш адрес. И я рада была этому.

Уважаемая Татьяна Михайловна!

1. Если Вы будете мои воспоминания использовать в своей книге или брошюре, то отредактируйте их, там могут быть ошибки и описки. Работоспособность у меня очень снизилась, да и зрение очень ухудшилось. Это уже после операции.
2. Очень прошу Вас, пришлите мне, пожалуйста, хорошую фотографию Лизы Беневской, желательно в военной форме. Я пишу повесть о войне, об отце. Примерно наполовину она написана, если хватит сил, я думаю её закончить. Думаю немного написать и о Лизе Беневской. Повесть задержалась из-за того, что я выпустила книгу на татарском языке. Значительную часть книги занимает «РЕКВИЕМ», посвящённый памяти погибших на фронтах ВОВ и их родным и близким. В газете напечатанный вариант я посылала Рите Паншиной. Если захотите, то можете посмотреть общий вид реквиема.

Вообще, Реквием я могу Вам послать, напечатанный в газете. А с книгой сложнее, тираж небольшой, всего 150 штук. Я его выпускала за свой счёт и уже раздала библиотекам, музеям и школам.

Сейчас я Вам посылаю два очерка на русском языке. Один очерк называется «Боль памяти», а второй – «Без вести пропавший? Нет, погибший геройски!» И второй очерк был написан мною. Однако, журналист А. Федотов переделал его в интервью и под очерком поставил псевдоним. Я не стала возражать, так и напечатали.

Есть ещё очерки на татарском языке. Среди них есть очерк о погибших подругах, одна из них Галина Ребрик была из нашей части. Она была моей институтской подругой.

Уважаемая Татьяна Михайловна! Если мои воспоминания не будут напечатаны в Вашей книге, всё равно, пришлите мне Вашу книгу. Я буду Вам бесконечно благодарна. На этом кончаю своё послание.

С глубоким уважением Загирова Рита Галиевна. Мой домашний телефон 236-20-66. Мой адрес: 420043, Казань. Ул. Вишневского, д. 51, кв. 53. Загировой Р.Г.

Подготовка материалов для музейного стенда

«Род Беневских»

(Осипова Т.М.)

Каждый год, начиная с шестидесятых годов теперь уже прошлого века, в первую субботу декабря в школе проводятся, ставшие уже семейными, вечера встреч школьников и ветеранов в/ч №9903. И каждый год, начиная с того памятного дня в 1989 г., меня приглашают на эти встречи как родственницу Елизаветы Ивановны Беневской.

На одной из таких встреч Ольга Алексеевна Гурычёва попросила меня подобрать материал для музейного стенда о семье Беневских. Я тогда довольно легко согласилась, даже не предполагая, что подготовка стенда это лишь «небольшой шажочек» в работе с архивными материалами, сколь трудоёмкой окажется эта работа, и как потом на долгие годы будет занимать всё моё «свободное время». Но, давши обещание, надо его выполнять. И вот я со своими дочерьми начала подготовку стенда для музея в/ч 9903. Долго все вместе думали, как его озаглавить? И решили так — «Род Беневских».

Прежде всего, пришлось обратиться к архиву Беневских, который хранился моей мамой все эти годы. Для этого мне и моим дочерям необходимо было заняться разбором семейного архива: коробки с письмами и документами неоднократно перевозились со старого места жительства на новое. Были выбраны и отксерокопированы самые важные, на наш взгляд, документы, отражающие основные вехи жизни семьи Беневских, а также были сняты копии с фотографий и документов дедушки и бабушки Лизы, и её родителей.

Мною был подготовлен комментарий к этим документам.

Старшая моя дочь Елена, художник, оформляла стенд, я и младшая дочь Ксения ей ассистировали.

Стенд «Род Беневских» получился большим — на четыре ватманских листа, и долгое время находился в музее школы, пока не была сменена полностью экспозиция музея. Позже материалы стенда были переданы в музей школы №1 посёлка Дубровка, которую в своё время заканчивали все сёстры Беневские — об истории этой передачи стенда я расскажу ниже.

Работа с архивом

Когда стенд был подготовлен и вывешен среди других стендов школьного музея

военной части №9903, Ольга Алексеевна Гурычёва, внимательно прочитав весь материал, очень эмоционально, с большой убеждённостью, я бы даже сказала, — настоятельно, заговорила о том, что просто необходимо об этих людях опубликовать всё, что только возможно, а так как весь архив в моих руках, то я и должна этим заняться. Это предложение показалось мне очень заманчивым.

Но когда я с дочерьми только начинала разбор архива, то обнаружилось, что уложенные в большую картонную коробку бумаги, никаким образом не систематизированы: тут были и личные документы, и копии писем, отданных к тому времени мамой в Толстовский музей, и письма родственников вперемешку с письмами друзей — и всё это конечно не в хронологическом порядке. Мне казалось, что совершенно невозможно изучить и логично структурировать весь материал архива, в котором хранилось более тысячи документов. На помощь мне пришла моя тогдашняя коллега по университету Александра Ивановна Чудинова, которая по моей просьбе создала специальную компьютерную программу, позволяющую не только вносить в базу данных тексты документов, но и с её помощью систематизировать материал по задаваемым параметрам: годам, местонахождением, корреспондентам, темам и т.д. Работа была трудоёмкой из-за рукописного характера документов, на расшифровку текстов которых уходило много времени. Но прерваться на полпути было нельзя: для написания истории Беневских требовался весь материал архива вместе с дополнительными сведениями из внешних источников.

Лично я не знала ни деда, ни бабушку со стороны мамы, т.к. в 1922 г. они оба скоропостижно скончались, заразившись сыпным тифом и оставив сиротами своих четверых детей и четверых приёмных. Деду Ивану Аркадьевичу Беневскому было тогда всего 42 г. и, конечно, у него в то время и не возникало желания упорядочить свои бумаги, но им ничего не уничтожалось и тщательно хранилось, а позднее и его дети бережно хранили архив Беневских. Незадолго перед смертью мама, уже уйдя на пенсию, пыталась заняться архивом. Вместе с Зинаидой Николаевной Ивановой, сотрудницей Государственного музея Толстого Л.Н., которая также занималась архивом моего отца Михаила Ивановича, мама отобрала некоторые письма и документы и передала их, предварительно сняв с них копии, в музей, о чём были составлены соответствующие акты. Копии с этих писем мною также внесены в компьютерную базу архива.

Архив Беневских, как потом я обнаружила, включал в себя более тысячи единиц. На его изучения ушли бы многие годы. Кроме того, без обработки всех документов архива

я не могла бы получить полную информацию о своём деде Иване Аркадьевиче Беневском, о его семье, о его друзьях, интересах и т. д., так как о нём знала только по некоторым рассказам мамы и моих тётушек, а они и сами-то о своём отце знали не так много, так как их родители умерли, когда они были очень малы: старшей Нине — 9 лет, младшей Соне — 1,5 года.

По некоторым письмам из архива удалось восстановить судьбу и самого архива. Вот некоторые из таких писем:

«Архив об архиве»

1. **Письмо от 12.06.1930, адресованное сестре отца Лизы Беневской — Марии Аркадьевне Степанок (урожд. Беневской):**

Москва, 34. Ул. Кропоткина, 11. Государственный музей Льва Толстого.

Копия.

«12 июня 1930 г.

Многоуважаемая Мария Аркадьевна.

Вам пишет редактор 72 тома писем за 1904-1905 гг. «Полного юбилейного собрания сочинений Л.Н. Толстого», издаваемого Государственным издательством в Москве. Толстой писал Вашему брату, Ивану Аркадьевичу Беневскому, и теперь мне нужно составить комментарий к этому письму. Не можете ли Вы, заполнив по возможности точно и подробно прилагаемую анкету, прислать её мне. Я Вам буду очень благодарен. Наше издание является академическим, юбилейным, мы в наших примечаниях стремимся к исчерпывающей полноте.

Поэтому, чем подробнее Вы ответите на эту анкету, тем будет лучше. Я Вам буду очень и очень благодарен.

Особенно меня интересует вопрос о подлинниках Толстого. Где они, не знаете ли Вы? Если они сохранились, то не можете ли Вы прислать их нам, в архив Толстовского музея.

Если Вы затрудняетесь ответить на все вопросы прилагаемой анкеты, то не откажите в любезности прислать мне, если знаете, адрес других, более осведомлённых родственников Вашего брата.

Всего хорошего. Надеясь на скорый ответ, остаюсь искренне готовый к услугам: Гавриил Волков».

2. **Справка: Характеристика Беневского И.А. Автор: Горбунов-Посадов И.И.**

Дата: 01.08.1933 г.

Копия. (На бланке).

КООПЕРАТИВНОЕ

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО

«ПОСРЕДНИК»

(основано в 1885 г.)

Москва, 2. Арбат, д. № 36.

Телефон 4-48-75

1 августа 1933 г.

СПРАВКА

Об Иване Аркадьевиче Беневском.

Прекрасно известный мне Иван Аркадьевич Беневский много работал на пользу трудового народа и его детей ещё в дореволюционное время. В то время, когда в России почти не было сельскохозяйственных крестьянских трудовых коллективов, Иван Аркадьевич деятельно организовывал из крестьян и городских рабочих ряд таких сельскохозяйственных коллективов — коммун, при чём сам участвовал в работе этих коммун трудами рук своих, как рядовой работник. Наряду с этим Иван Аркадьевич много работал над помощью детям беднейших слоёв городского пролетариата, над организацией детских трудовых колоний для воспитания детей городских трущоб, особенно сирот.

После Октябрьской революции Иван Аркадьевич стал деятельнейшим советским работником по организации советских детских трудовых колоний, преимущественно для сирот. Такая колония была устроена им и на своём трудовом земельном участке.

Особенно много работал он для детских трудовых колоний в Брянском округе, где он сделался деятельнейшим инструктором тамошних детских колоний. В разъездах по делу колоний он заразился сыпным тифом, от которого и умер в 1922 г..

Личность и деятельность Ивана Аркадьевича были хорошо известны и достойно оценены Надеждой Константиновной Крупской-Ульяновой. Ответственный редактор Кооперативного издательства «Посредник» И. Горбунов-Посадов.

Печать.

3. **Письмо: Об архивах деятелей толстовского движения. Автор: Бонч-Бруевич В.Д. 30.04.1954**

Содержание:

Копия.

(На бланке)

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

МУЗЕЙ ИСТОРИИ РЕЛИГИИ И АТЕИЗМА

Директор Музея: Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич

Москва, К-9 ул. Семашко, д. № 5, кв. 2.тел. Б.6-75-11.

30 апреля — 3-го мая 1954 г.

Е.Е. Горбуновой.

«С величайшей грустью узнал я, дорогая Елена Евгеньевна[9], о гибели нескольких архивов деятелей толстовского движения.

Как это странно и как это, — простите меня, — некультурно!

Неужели родственники тех, кто отдал свои силы и жизнь на борьбу с общественным злом по силам своего разумения, непонятно, что всё оставшееся из их эпистолярного и литературного наследства, принадлежит истории нашей родины, истории того движения, зачинателем которого был никто иной, как Лев Николаевич Толстой.

Совершенно несомненно, что придёт время, когда и это общественное движение будет подробно изучено, фактически изложено, описано и охарактеризовано. Само собой понятно, что для этого будут нужны материалы первоисточников. А они-то и есть эти частные архивы, которые должны все быть соединены в одном месте и тщательно сохранены, что я и стараюсь делать в рукописном отделе Музея истории религии и атеизма в Ленинграде. Уже много собрано материалов по всевозможным религиозно-общественным движениям, начиная с XY века и по наши дни. Издаются книги, написанные на основании этих материалов и пр. и пр. Как жаль, что столько уже погибло интересного материала. Постарайтесь остановить это злое дело — уничтожение архивов. Пусть всё несут мне, а я переправлю в наше рукописное отделение или отвезу сам: ближайшая моя поездка будет в июне сего года. Вы прекрасно сделали, что написали всем письма. Нельзя ли узнать, не осталось ли чего у наследников Е.И. Попова, Буланже и других? Очень необходимо сейчас же этим заняться.

Может быть, ещё найдётся что и у других деятелей толстовского движения. Сообщите мне, пожалуйста, что узнаете, что найдёте, что сообщить. Жаль, что Вашу библиотеку разрознили. Если пожелаете, мы охотно примем всё то, что у Вас осталось. У нас формируется большая библиотека по нашему профилю: это большое подспорье для научных работ и исследователей. Приветствую Вас в радостный день кануна первого мая, праздника всех трудящихся во всём мире, всех борцов за мир. Всего Вам наилучшего. Пожалуйста, берегите себя. Ваш Влад. Бонч-Бруевич».

4. **Письмо Шахнович М.И. от 21.01.1956**

Копия.

(На бланке).

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

МУЗЕЙ ИСТОРИИ РЕЛИГИИ И АТЕИЗМА

Ленинград, Казанская площадь 2 (быв. Казанский собор). тел. А-1-27-05

21 января 1956 г. № 312/51

Е.Е. Коротковой. г. Москва, Г-21. Хользунов пер., д. № 8, кв. 2.

«Многоуважаемая Екатерина Евгеньевна![10]

В ответ на Ваше письмо от 7/01-56 г. сообщаю, что книги по вопросам философии и педагогики, заинтересовавшие Владимира Дмитриевича, Музей принять не может.

Относительно архива Беневского И.А. и Попова Е.И., то я должен получить хотя бы краткое сообщение, что содержится в этом архиве, ибо из писем Владимира Дмитриевича выяснить содержание материала — невозможно. Сейчас, после смерти В.Д. Бонч-Бруевича, приём материалов в наш архив затруднён, ибо, необходимо сообщить начальству, какие предлагают материалы, какое они имеют значение и т.д.

Только после получения от Вас этих сведений, можно будет решить вопрос об этих архивах.

Возвращаю Вам два присланных письма В.Д. Бонч-Бруевича.

И.О. директора Музея истории религии и атеизма

Академии Наук СССР М.И. Шахнович».

5. **Выписка из письма И.А. Строгого (друг детства О.А. Лекает) от 05.03.1980 г. Горбуновой-Посадовой Н.И.**

Привожу его письмо с отзывом о деятельности Ивана Аркадьевича:

«… напишу свои впечатления от письма Вашего отца (Беневского И.А.) крестьянам. Удивляет и вызывает уважение серьёзнейшая и глубокая продуманность «эксперимента» Чертковых. Вовсе здесь не пахнет «толстовщиной» в том её сентиментально-интеллигентном варианте, который так привлекал восторженных поклонников Толстого и был так смешон и жалок в практических попытках. Всё точно и ясно, начиная от условий договора и кончая глубоко продуманным приглашением пришлых крестьян (не местных). Да ведь это же колхоз в самом его чистом и не замутнённом виде. И какие прекрасные обоснования опыта, как хорошо сказано, что это не забава богатых людей и т. д. И в то же время (О, благородный и так необходимый всем людям идеализм) какая простая и чистая уверенность, что «уничтожить право частной собственности внешними способами, не только захватами, но и законодательством, невозможно…» А вот и возможно! И уничтожили! И дело идёт! Да, конечно, дело-то идёт, т. е. зерно сеют и урожай снимают, и привыкли быть такими же рабочими на земле, как рабочие на заводах в городах, но нет «замены эгоизма любовью», что-то не произошло и совсем не созрело «сознание и готовность делиться с другими людьми всеми благами жизни»…»

Уже по этим письмам видно то уважительное и тёплое отношение к Ивану Аркадьевичу его современников: к тому делу, которому он посвятил свою жизнь. Его дети, ставши сиротами, были опекаемы не только родственниками, но и друзьями их семьи — Гобуновыми-Посадовыми, Крупской, Чертковыми и даже детьми Толстого, а с внуками Льва Николаевича моя мама была дружна. Всё это в свою очередь формировало и их СОВЕСТЬ: они не посрамили чести своих родителей. Старшие девочки, Нина и Лиза, и в школе, и в институте всегда учились на «отлично»; стали прекрасными специалистами. И тут ВОЙНА…

Продолжая дома свою работу над архивными документами Беневских, я изредка приезжала в школу для совместной работы с однополчанами Лизы Беневской по восстановлению картины тех военных событий осени 1941 г. и начала зимы 1942 г.. Из библиотеки школьного музея собрала несколько статей о самой военной части № 9903, об однополчанах Лизы, ниже я приведу эти публикации.

Особенно мне помогала в поиске соответствующих документов Маргарита Михайловна Паншина, которая более всех ориентировалась в архивах в/ч №9903. Мы с ней очень подружились и не только на почве совместной работы по написанию этой книги, но и по своим взглядам, убеждениям, оценке современных событий мы очень близки: она много рассказала о себе, об истории своей семьи, о своих боевых подругах и т.д. Вместе с ней мы ездили на Поклонную гору в их компьютерный центр со списками тех бойцов их части, которые считались «пропавшими без вести», а на самом деле погибли в определённых боях, что было и внесено в «КНИГУ ПАМЯТИ». С ней же мы позже ездили с такой же миссией в город Калугу, для того чтобы также внесли в «КНИГУ ПАМЯТИ» погибших под г. Сухиничи и на их братской могиле установили плиту с именами погибших.

Позже Маргарита Михайловна мне рассказала о том, что погибшие и пропавшие без вести бойцы в/ч 9903 (а это более тысячи человек) не могли быть занесены в «КНИГУ ПАМЯТИ» по двум причинам:

1. Все добровольцы-комсомольцы Москвы, Московской области, Ярославской и др. проходили через ЦК комсомола, а значит, зачислялись, минуя, военкомат, А только военкоматы передают имена погибших в редакции «КНИГ ПАМЯТИ».
2. В списках Архива ГРУ (закрытого) о погибших имелись только место рождения (не полностью), но не было места призыва (небольшая часть).

И вот стараниями группы ветеранов в/ч 9903 (председатель Совета ветеранов Клавдия Васильевна Сукачёва), одним из активных членов которой является Маргарита

Михайловна, все погибшие бойцы военной части №9903 занесены в «КНИГУ ПАМЯТИ».

Поездка в Дубровку

В газете «Комсомольская правда» от 5 декабря 1996 г. была опубликована статья Людмилы Овчинниковой «ДАВНО», в которой было написано о Лизе Беневской.

Вот выписка из этой статьи:

ВЫПИСКА

из статьи в газете «Комсомольской правды», 5 декабря 1996 г.

«Я УШЛА ИЗ ШКОЛЫ В БЛИНДАЖИ СЫРЫЕ»

На одной из картин Верещагина у солдат перед боем — вытянувшиеся, одинаковые лица. Трагический символ, предчувствие судьбы. Мне вспомнилась картина, когда я читала документы воинской части особого назначения N 9903. Все боевые действия её в дни войны были окружены тайной. Уходя на задание, бойцы должны были отрешиться от своей биографии, оставить в штабе документы. В дни обороны Москвы небольшими группами их переправляли за линию фронта.

— Никто не знает, сколько они спасли жизней наших солдат, — говорит мне Ольга Алексеевна Гурычёва, преподаватель московской школы N 1272.

Вот уже двадцать семь лет в этой школе разыскивают материалы о бойцах военной части 9903, которой командовал Артур Спрогис.

Из сотен папок с историческими документами я выбираю несколько — девчат группы Кати Пожарской.

ЧИСТЫЕ ПРУДЫ.

Это история о том, кого мы потеряли. О цене Победы.

Утром 15 октября 1941 г. к кинотеатру «Колизей» (ныне театр «Современник») на Чистых прудах подходили девушки и юноши с рюкзаками за спиной. Ждали машины. В эти самые дни тысячи москвичей осаждали вокзалы, пешком в панике уходили из Москвы.

— Наш поиск всегда начинается с этих дней, — говорила Ольга Алексеевна. — С того, как пришедшие к «Колизею» выбирали свою судьбу. Все они были очень молоды. Среди них — и семнадцатилетние. На отборочной комиссии их предупреждают — дело трудное и опасное…

Штрихи их общего портрета. Строки из писем:

«Как мы были рады, что судьба нас свела вместе — милые мои подруги, хорошие, честные, искренние. Вечер самодеятельности, стрельбище, ватные брюки…»

«Помните, пошли чистить картошку на кухню. И кто-то сказал: давайте не будем расставаться. Организуем девичью группу. Командиром выбрали Катю Пожарскую».

«У нас были тетрадки, в которые переписывали стихи и песни. Окна трясутся от канонады, а мы вечерами поём».

Никто ещё не знает, что многие из них будут искалечены и убиты…

ДЕВУШКА ИЗ ДВОРЯНСКОЙ СЕМЬИ.

В этом отряде история закрутила ещё один замысловатый сюжет. Снимок на ступеньках барской усадьбы, послужной список генерала, присягавшего царю, грамота ударника пятилетки, пропуск на комсомольскую конференцию… Все документы сходятся в одной папке, в которой судьба Лизы Беневской.

«Лиза была студенткой МЭИ. Нам она сказала: «В эвакуацию не поеду» Дважды она возвращалась из-за линии фронта — усталая, в оборванной одежде. А потом пропала без вести».

Война груба, ненасытна. Цепочка бойцов, среди которых Лиза Беневская, пробирается по глубокому снегу, обходя деревни. Крепкие морозы под 40 градусов. Им нельзя разжигать костёр, чтобы согреться. Скребут по рюкзакам, собирая крошки сухарей, пропахших толом.

Из воспоминаний: «Мы заняли позицию на изгибе дороги. Ждали обоз, лёжа в снегу. Всех охватила тревога. Показались немецкие подводы. На подводах — узлы, самовары. Мы открыли огонь».

«Была прямой дорога — от стиха до пули». Лиза Беневская, мечтательная, поэтическая натура, была убита в этом бою.

— Случилось так, что в отряде забыли её фамилию, — рассказывала Ольга Алексеевна. Только имя осталось — Лиза. И всё-таки мы разыскали её родных. История семьи оказалась необычайно интересной.

Строки из документов:

«У отца Лизы — Ивана Аркадьевича — было небольшое имение в селе Дубровка Брянской области. Он увлекался идеями Толстого, подружился с ним, состоял в переписке. В годы гражданской войны Иван Аркадьевич открывает в имении приют для беспризорных. Лизе родители оставили в наследство свой пример бескорыстия. Оба они рано умерли».

История рода Беневских, чем больше «копали» следопыты, тем дальше уходила в глубь прошлого. Выплывали лица известных писателей и художников, знавших Лизу ещё ребёнком.

Ветвь дворянского древа была обрублена автоматной очередью на заснеженном пригорке…»

Людмила Овчинникова

Эту статью прочла учительница Дубровской школы №1 — Татьяна Григорьевна Жукова. Через редакцию газеты она узнала адрес Ольги Алексеевны Гурычёвой и написала ей, та в свою очередь дала мне адрес Татьяны Григорьевны. Я написала в Дубровку Татьяне Григорьевне и переслала ей часть документов о Лизе Беневской. И той же осенью я с моим двоюродным братом Александром Ивановичем Беневским поехали в Дубровку, где я никогда не была, а Саша был лет пяти со своей мамой Верой. Наш приезд к Татьяне Григорьевне был для неё неожидан (я не предупредила о своём приезде), но встречены мы были столь приветливо и радушно ею и её мамой Александрой Терентьевной, что навсегда я полюбила этих замечательных женщин. На следующий день Татьяна Григорьевна организовала нам экскурсию в свой школьный

музей, в который я передала для него подлинники документов Лизы Беневской, а затем мы поехали к предполагаемому месту захоронения Беневских. А так как ни я, ни Саша и Татьяна Григорьевна тогда ещё не знали точного места захоронения, то наши поиски долго продолжались. Встретили местного жителя, который рассказал, что примерно знает это место, что там постоянно местные жители копают с целью найти что-нибудь ценное. Но даже он не смог нам указать точного места. Мне же казалось, что вот-вот сейчас мы что-нибудь обнаружим: и действительно — Саша вдруг узнал кусты сирени, которые, как говорила его мамы, были посажены около дома Беневских. Но нам уже необходимо было возвращаться домой. Договорились с Татьяной Григорьевной, что это не последняя наша встреча и что всё, что нам удастся ещё узнать о семье Беневских, мы будем друг друга информировать. В Москву возвращались с двойным чувством: восторга оттого, что побывали в Дубровке и разочарования, что точно так и не узнали ни места усадьбы Беневских, ни места их захоронения. После этой поездки ко мне приезжал директор Дубровского этнографического музея, просил дать ему какие-либо документы Беневских; пришлось мне ему тогда отказать, т.к. эти документы ещё не были мной обработаны, и я бы не смогла иметь полного представления о деятельности моего деда — Ивана Аркадьевича Беневского.

Следующая наша поездка 15 сентября 1998 г. в Дубровку была уже «официальная». Меня и моего мужа, Юрия Михайловича Осипова, пригласили на празднование 90-летия Дубровской школы (эту школу заканчивали все сёстры Беневские) и 130-летия посёлка Дубровка. Мы поехали в Дубровку на своей машине, которая нам очень хорошо послужила и в самой Дубровке, и в поездке к месту «хутора Беневских», и по близ лежащих окрестностям. К этому времени Татьяна Григорьевна не только точно определила место бывшего имения и место захоронения Беневских, но и вместе со своими учениками, расчистив это место от зарослей кустов и бурьяна, поставили большой деревянный крест.

Сначала нас пригласили на торжественную линейку около школы. Татьяна Григорьевна познакомила нас с Ираидой Георгиевной Родошкевич (урожд. Петрусевич), которая училась вместе с Лизой и моей мамой в этой школе, а также с женщинами, которые учились с младшими сёстрами Беневских: Верой и Соней. Дубровская школа № 1 находится примерно в 2-х километрах от места, где были расположены сначала усадьба Беневских, а затем сельскохозяйственная артель, организованная Иваном Аркадьевичем Беневским. После 1917 г. на базе этой артели была организована коммуна «Устронь» и детская трудовая колония для детей сирот. В Дубровке оказались ещё живы воспоминания о Беневских среди дубровчан: очень

тепло и много рассказали они о сёстрах Беневских, с одной стороны очень разных по характеру, но удивительно трудолюбивых, отлично учившихся и безгранично добрых. Вместе с Ираидой Георгиевной я сфотографировалась у школьной ДОСКИ ПАМЯТИ, на которую поместили имя Елизаветы Ивановны Беневской.

И на могилу Беневских мы поехали вместе с Ираидой Георгиевной. Там нас уже ждала Елена Сергеевна Тарасова, которая нам рассказала всё, что хорошо помнила ещё с детства, историю самого дома Беневских, её отец работал в коммуне Беневского, в которой и проходило её детство. Как она сказала, что её даже назвали Леной в честь двоюродной сестры Лизы Беневской, Елены Яковлевны Лялиной.

На месте захоронения мы по русскому обычаю «помянули» моих родных: Елена Сергеевна и Ираида Георгиевна много рассказали о своих детских впечатлениях. А вечером того же дня в Дубровском Доме культуры, в актовом зале было торжественное собрание, посвящённое юбилею. Мы на него немного запоздали и не увидели его начала. На этот юбилей приехало много бывших учеников этой школы. Концертные номера учителей и учеников перемежались выступлениям и бывших выпускников. И вдруг предоставили мне слово, нужно было выйти на сцену и что-то сказать о Беневских: я, волнуясь, сумбурно выступила. Выручил меня Юрий Михайлович, его выступление было лаконично и профессионально, в конце которого он прекрасно сказал о Дубровчанах. А потом выступала Татьяна Петровна Рылько: её отец тоже оканчивал эту школу. С семьёй Рылько Беневские были связаны очень тесными дружескими узами, эта дружба поддерживалась и моей мамой и передана была ею мне и Саше Беневскому. Как мы подсчитали, этой дружбе уже 100 лет. (Позже в архиве я обнаружила письма Рылько, копии с которых переслала Татьяне Петровне). Вот она-то, как историк-профессионал, очень подробно и тепло рассказала о Беневских.

Особенно запомнились мне выступления учителей школы, которые в своё время заканчивали педвузы разных городов России и возвращались в свою родную Дубровскую школу. И была прекрасная самодеятельность учеников вместе со своими учителями. А после торжественного заседания был небольшой банкет, на котором собрались все те выпускники этой школы, которые смогли приехать в Дубровку. И на банкете очень много говорили тёплых слов о своей школе.

Во время поездки мы сделали много фотоснимков, была снята и видеокассета, которую нам переслала в Москву Татьяна Григорьевна. После этой поездки началась наша регулярная переписка с Дубровчанами: Татьяной Григорьевной и Ираидой Георгиевной. В одном из своих писем Ираида Георгиевна мне написала комментарий к школьной фотографии класса, где училась она вместе с Ниной и Лизой Беневскими.

Привожу его полностью:

Письмо

Родошкевич Ираиды Георгиевны, одноклассницы Лизы Беневской

25 апреля 1998 г. Глубокоуважаемая Татьяна Михайловна, здравствуйте!

Я уезжала в Бежицу к своей невестке с внуками. Приехав, обнаружила Ваше письмо в почтовом ящике. Внимательно посмотрев на фотографии, я узнала, но не всех. Вижу знакомые лица, а фамилию и имена не могу вспомнить. Лялю с Ниночкой[11] я сразу узнала, даже если бы Вы и не сделали отметку. Я Лялечку сразу узнала в нашей районной газете, я её берегу. У Лялечки, по-моему, под правым глазиком был шрамик: тётя Дуня[12], кажется, говорила от ожога.

У меня в Бежице живёт единственная подруга тех далёких дней. Она в начальных классах училась с нами.

В старших классах нас разъединили в параллельные классы, и она живёт одна. Замужем она никогда не была, и у неё никого нет в Бежице и Брянске, все близкие умерли. Она была на фронте. Несколько лет тому назад ехала на могилу своего погибшего брата-офицера и в дороге сломала ногу. Ей очень плохо прооперировали. Был открытый перелом. Срослась неправильно. Она ходит с палочкой, но вне дома без посторонней помощи не может. Её обслуживают от райсобеса, но всего 2 дня в неделю. Так моя невестка и внуки, когда что-либо нужно, помогают ей. Вот я и вернулась в Бежицу. Вместе с ней вспоминали мною неопознанных. Только одну учительницу не смогли вспомнить. Она тоже помнит, что она преподавала географию. Фамилию и отчество не помнит.

Дорогой мой человек, как хорошо, что Вы решили увековечить память таких людей, достойных этого, но забытых теми, кто давно должен был всё сохранить и восстановить на усадьбе. Да Бог с ними. Я ещё не видела Татьяну Григорьевну[13]. Мы с ней собирались, как подсохнет сходить, вернее, посетить те места. Возможно, на месте, кое-что и вспомню.

Вы спрашиваете меня, не буду ли я возражать, если Вы опубликуете мои письма. Делайте, как Вам нужно. Неизвестно сколько мне отмерено Богом прожить. Если что надо помочь с моей стороны, ради Бога, не стесняйтесь, чем могу, помогу.

Я вот забыла, упомянула ли я о ещё приёмном сыне Симе[14]. Отец мне говорил: что он

неизвестно куда исчез во время оккупации. Даже тётя Дуня не знала, куда он делся. Ведь он был спокойный и никого не трогал. Предполагают, что его убили немцы.

Я очень рада, что Рылько Танечка[15] тоже собирается писать книгу об отце. Я ей писала, что приветствую её идею. Умницы Вы мои.

Татьяна Михайловна, а в Ясной Поляне возможно Вы что-либо найдёте для Вашей работы. Попробуйте и туда обратиться. Ведь Ваш дедушка посещал Льва Николаевича и в Ясной Поляне. Возможно, нужно что-либо и от моей подруги. Я могу Вам сообщить её адрес, она не будет возражать. Мы с ней долго вспоминал, самые лучшие годы нашей жизни, это школьные годы.

Пишу её адрес: Брянская область, 241010, г. Брянск-10. Проезд Федюнинского, д. 10, к. 79. Мамлиной Софье Абрамовне.

Высылаю Вам результаты проделанной мною работы. Хорошо, если она Вам поможет. Если надо, пишите, по возможности буду помогать. Спасибо за фотографии. Мои все остались, где я жила до эвакуации, это пос. Сещинская Дубровского района.

Простите за небрежность моего письма.

Желаю и Вам здоровья, терпенья и успеха в начатой Вами работе.

25.IV.98 г. Родошкевич Ираида Георгиевна.

Теперь по первой фотографии класса.

I ряд:

Модиков Владимир, из Дубровки выехал, умер в Олсуфьево;

Кузнецов Василий, умер в Дубровке, его дочь Савченкова Вера Васильевна преподаёт в Дубровской школе N 2 историю;

Каляйников Никита Иванович — сторож школы, наш всех любимец.

II ряд:

первую в ряду фамилию, имя и отчество не помню, преподавала географию, из Дубровки выехала;

Калошин Гавриил Кузьмич, физик, из Дубровки выехал, жил в Москве;

Стесин Ефим Михайлович, преподавал литературу, русский язык, выехал в Жуковку, где и умер;

Наумов Николай Иванович, директор школы, выехал в Брянск;

Тюлягин Василий Михайлович, преподавал биологию, химию. Самый мой любимый учитель, всё время поддерживала с ним связь, умер в Дубровке; когда бываю на кладбище, всегда посещаю его могилу.

Лидеман Фаина Михайловна, преподавала немецкий язык, выехала на родину после освобождения Дубровки.

III ряд:

Бородулина Женя, жила в Мичуринске, умерла 2 г. назад;

Я — Родошкевич Ираида Георгиевна, вечный житель Дубровки и района.

Петрова Маруся, жила в Москве;

Фёдоров Женя, жил в Москве;

Дробцунова Валентина Константиновна, преподавала обществоведение, уехала из Дубровки;

Зубарев Алексей, преподавал физкультуру, выехал из Дубровки в Калугу, умер;

Гончарова Зоя, после войны была у меня пару часов проездом, жила не помню где;

Рыжков Олег, выехал в Брянск;

Артюхов Григорий, жил в Ленинграде;

Шишкарёв Вася, жил в Брянске, умер.

IV ряд:

Катышева Римма, жила в Ленинграде;

Ляля и Нина Беневские;

Кац Хая, жила в Клетне Брянской области;

Попова Лида, жила в Москве, умерла;

Матвеева Шура, жила в Крыму, приезжала в Дубровку после войны, была у меня;

Матвеенков Александр, жил в Молдавии, был военным, умер. Встречались, когда приезжал к родственникам. Жена живёт в Молдавии и дети;

Стариков Гриша, выехал из Дубровки, куда не знаю, жил у родственников, они все умерли;

Шемякин Володя, жил в Сормово Нижегородской;

Ефимочкин Серёжа, жил в Москве, погиб на фронте;

Казин Николай, жил в Смоленске, до войны встречались, во время войны приезжал к нам на сутки, когда Дубровку освободили, он был на фронте — жив или нет не знаю; наши семьи были в близкой дружбе.

Во втором снимке:

II ряд.

Матвеева Шура — жила в Крыму;

Гуревич Мулик — выехал из Дубровки;

Нина Беневская, сестра Лизы Беневской, в 1930 г. выехала из Дубровки, жила в Москве.

Четвёртую не знаю.

I ряд.

Наумов Николай Иванович — директор школы;

Женщину не знаю;

Стесин Ефим Михайлович, преподаватель литературы, умер в Жуковке».

Примечание*: фотография класса помещена в конце книги.*

Татьяна Григорьевна Жукова за то время, пока я всё еще работала с архивом, сумела опубликовать несколько статей о членах семьи Беневских, за что я ей безмерно благодарна, так как ещё не известно, когда я сама сумею что-либо написать. Привожу и её публикации:

Т.Г. Жукова

К 850-летию Москвы. К 130-летию Дубровки.

(Газета «Знамя ТРУДА» Дубровского района Брянской области.

8 сентября 1997 г.)

В декабре прошлого года, когда отмечалось 55-летие битвы за Москву, в газете «Комсомольская правда» прочла статью Людмилы Овчинниковой о девушках — бойцах части особого назначения N 9903, погибших при защите столицы от врага. Среди названных имён встретилось и имя Елизаветы Беневской. Это привлекло моё внимание, т.к. от старожилов посёлка я уже слышала фамилию Беневских. Люди вспоминали о дворянской семье, жившей в Дубровке до революции, о приюте для детей, открытом в имении в страшные годы гражданской войны.

Неужели Елизавета Беневская наша землячка?

Внимательно вчитываюсь в статью. Похоже, что это так. «У отца Лизы — Ивана Аркадьевича — было небольшое имение в селе Дубровка Брянской области. Он увлекался идеями Толстого, подружился с ним, состоял в переписке». Читаю и становится стыдно за себя, за всех нас. Ничего не знаем о своей истории, о своих корнях, об истоках. Это бесчестно и безнравственно по отношению к памяти наших предков, которые жили, работали, сражались, чтобы оставить нам землю светлой и чистой.

Решила, во что бы то ни стало, восстановить для дубровчан историю старинного дворянского рода Беневских. Написала письмо Л. Овчинниковой в редакцию. Вскоре пришёл ответ. Журналистка дала адрес Московской школы N 1272, учащиеся которой

под руководством Ольги Алексеевны Гурычёвой вот уже 27 лет разыскивают материалы о бойцах в/ч №9903, которой командовал Артур Спрогис. В результате переписки с Ольгой Алексеевной удалось связаться с Татьяной Михайловной Осиповой, племянницей Елизаветы Беневской. Она живёт в Москве, раньше работала в Московском университете, а сейчас вышла на пенсию и занимается систематизацией архивов рода Беневских. Татьяна Михайловна прислала для нашего музея бесценные материалы об истории семьи Беневских. Мы обязательно постепенно опубликуем их в районной газете, чтобы все жители посёлка знали о том, с чего начиналась история Дубровки, кто оставил след в её развитии, кто прославил своими делами. Сегодня мы предлагаем материал о Елизавете Беневской.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Михаила Ивановича Горбунова-Посадова, профессора, член-корр. академии строительства и архитектуры, дважды Лауреата Государственной премии:

«Елизавета Ивановна Беневская родилась 13 декабря 1915 г. в семье потомственного дворянина Ивана Аркадьевича Беневского и его жены Анны Исидоровны, урождённой Федоровской. Она была второй дочерью в семье, кроме неё и старшей сестры Нины в семье было ещё две дочери — Соня и Вера — и приёмные дети.

Примерно в 1931 г. старшие сёстры Нина и Лиза (в семье её звали Ляля) приехали в Москву завершать своё образование. Вначале они остановились в семье друзей отца Горбуновых-Посадовых. Было решено, что Нина поступит в медицинский техникум, а Ляля — в энергетический. Вскоре сын Горбуновых-Посадовых Михаил становится мужем Нины. После окончания техникумов обе сестры поступили в соответствующие институты: Нина — во 2-ой медицинский, Ляля — в энергетический (это было в 1940 г.*). Незадолго до поступления в институт она неудачно вышла замуж за комсомольца пролетарского происхождения, невысокой культуры. Ляля была весьма преданной комсомолкой и, возможно, пролетарское происхождение жениха сыграло здесь положительную роль. Однако вскоре между супругами началось охлаждение, и Ляля разошлась с мужем.

Со второго курса МЭИ в сентябре 1941 г. Лиза Беневская добровольно ушла на фронт в составе в/ч 9903 (командир А.К. Спрогис). В этой же части служила и Зоя Космодемьянская. Ляля два раза возвращалась из спецзаданий невредимой. В третий раз она сказала мне, что чувствует — она уже не вернётся. Так и случилось».

Из книги (из книги «Военные партизаны» — летопись войсковой части 9903; Москва 2001, стр. 63-64).

«В далёкие ноябрьские дни наша часть резко активизировала свою работу, используя большое пополнение. В ноябре в тыл врага было направлено 42 боевых группы — в два с лишним раза больше, чем в октябре. Только в районе Рузы почти одновременно действовали группы Я.З. Добина, А.М. Репьева, Г.Я. Герчика, Е.Ф., Колесовой Б.В., Б.В. Удалова и др. Конечно, гитлеровцы почувствовали активизацию мелких диверсионных групп в своём тылу и принимали контрмеры. Подразделения фашистских войск прочёсывали лесные участки, изучали и проверяли лесные тропы и подозрительные следы небольших групп людей, прошедших вне дорог. В этих условиях и проходил боевой эпизод с группами Г.Я. Герчика и Я.З. Добина.

После недельного отдыха группа Г.Я. Герчика в ночь с 5 на 6 ноября 1941 г. вновь перешла линию фронта в районе гор. Руза. На этот раз задание было краткосрочным (на несколько суток) В 25 местах были минированы дороги, в ряде мест были повреждены линии связи, собраны сведения о гарнизонах и оборонительных объектах противника. В эти дни зима уже вступила в свои права: морозы, довольно глубокий снег. А следствие этому — обморожения и главная беда — след от прошедших людей. Пробираясь ельником, группа вышла на маленькую поляну к дому лесника недалеко от деревни Шараповка. Фашистов в доме не был, поэтому было решено обогреться и обсушиться, а заодно, поесть горячего (согреть кипятку, подогреть консервы). Выставили часовых, зашли в дом, сняли верхнюю одежду, кое-кто снял сапоги и вдруг — тревога: «Фашисты!» Видимо по случайным причинам, в порядке профилактики немецкие солдаты в этот раз шли цепью и прочёсывали лес не по следу группы, а с другой стороны дома лесника. Не видя следов, оккупанты шли спокойно, переговариваясь.

По команде командира наши бойцы, находясь в доме, разобрались по окнам, у двери и изготовились к бою. Первых показавшихся на пороге фашистов срезал из автомата Борис Тульчинский. Одновременно был открыт ураганный огонь из окон. Полетели гранаты. Гитлеровцы опешили. Некоторые отступили к лесу, другие залегли, где стояли на виду у засевших в доме. Воспользовавшись замешательством противника, Герчик дал приказ отходить в лес, а отход прикрывать А.И. Винницкому и Б.Х. Тульчинскому. Они, не прекращая огня, отходили последними. Огонь гитлеровцев нарастал. Последние тридцать метров оба воина отходили под прикрытием вышедшего из-за деревьев другого бойца группы — Курта Ремлинга[16]. Огонь фашистов несколько ослаб и был перенесён на Курта, который вдруг выронил автомат и рухнул в снег. Борис подхватил упавшего и бросился вглубь леса по тропе. Выйдя из зоны огня, бойцы заминировали след и продолжили отход. Вскоре сзади прогремел взрыв. Похоже, он остановил преследователей. Группа продолжала отход по болотистой почве. Снег таял,

сапоги чавкали в мутной жиже. Нести дальше погибшего не было сил. У небольшого бугорка Курта Ремлинга положили в снежную ложбину и забросали снежными комьями. В том же бою, ещё в начале, прямо в доме у окна был убит Александр Курляндский. В Москву вернулись 12 ноября через Звенигород.

Бой у дома лесника описан по воспоминаниям бойца группы Аркадия Винницкого («В лесах Подмосковья» ред. МВД РФ М с. 65-67)».

Из книги «Военные партизаны» — летопись войсковой части 9903;

(Москва 2001, стр. 54)

«Как вспоминал бывший командир части полковник А.К. Спрогис, в составе разедывательно-диверсионных групп первоначально включалось по 2-3 девушки с целью ведения разведки, т.к. они менее заметны среди жителей в населённых пунктах. Молодые парни вызывают больше подозрения. Но вскоре начали поступать жалобы. некоторые девушки обижались, что их ограничивают только разведывательными задачами, не доверяя боевой работы (минирование, подрывы и т.п.) «Мы не хуже ребят умеем уничтожать противника». Командование решило пойти навстречу наиболее настойчивым, предоставив им возможность самим подобрать кандидатов в состав группы.

Так появилась первая девичья разведывательно-диверсионная группа во главе с Катей Пожарской. Е.К. Пожарская прибыла в часть на базу в Кунцево с путёвкой комсомола 1 ноября 1941 г.

В ходе первых дней боевой учёбы Катя настолько приобрела авторитет у группы девушек, что они обратились к командиру части майору А.К. Спрогису с просьбой утвердить их боевую группу только девушек во главе с Пожарской. Катя была старше почти всех избравших её подруг. Ей было почти 23 года. Командование части удовлетворило просьбу новой сформировавшейся группы…

…Екатерина Яковлевна Пожарская родилась 21 ноября 1918 г. в гор. Лебедянь Рязанской области, там же окончила среднюю школу. Член ВЛКСМ с 1936 г. К началу войны работала лаборанткой на кафедре марксизма-ленинизма Московского института инженеров транспорта (МИИТа). С начала войны была на оборонительных работах, а осенью в противопожарных командах МПВО Москвы. Прибыла в в/ч 9903 по направлению Московского Горкома ВЛКСМ 1 ноября 1941 г. Была на 4-х заданиях до

марта 1943 г.. Награждена орденом «Красного знамени» (Пр. Ком. Зап. Фронта N 50 от 20.01.42 г.)».

Из книги «Военные партизаны» — летопись войсковой части 9903;

(Москва 2001, стр. 78-81)

«16 января 1942 г. сводный отряд в составе 57 человек под командованием младшего воентехника В.Г. Ильина[17] и политрука С.Г. Кагана[18] перешёл линию фронта в тыл противника между деревнями Брюхово и Свердлово в 12 километрах северо-западнее Кременское (Калужская область). В состав отряда входили группы Н.А. Семёнова и Е.Я. Пожарской. Для девушек это было четвёртое задание.

Углубившись в немецкий тыл, отряд разделился на две части. Первая, в составе 22 человек, под командованием В.Г. Ильина, пошла выполнять задачи в район Уварово. Другая группа, в составе 35 человек под общим командованием С.Г. Кагана, направилась в район Сосновцы, Манино, Рохманино, Головина.

18 января утром у Красного посёлка отряд Кагана встретился с местными партизанами и совместно с ними провёл несколько минирований дорог, а также взорвал дамбу (переход) через противотанковый ров в районе деревни Иваньково. Это осложнило отход немецким войскам на запад от Вереи в ходе наступления советских войск. Кружным путём этот поток отступающих влился в русло, идущее из Можайска через деревни Головино, Сосновцы, Дунино. На этом участке было решено организовать совместную с партизанами засаду.

По замыслу отряд Кагана должен был обстрелять и уничтожить небольшой обоз, который создал бы пробку на дороге и внёс замешательство в ряды идущих следом колонн. После этого отряд Кагана должен был отойти, а подошедшие «запертые» колонны немцев должны были уничтожаться партизанами. Для засады был избран участок посреди леса, где дорога спускается на дно дугообразной лощины с крутыми склонами. Для атакующих изгиб был выпуклым. На краю лощины была достаточно удобная позиция среди отдельных деревьев и кустов близко от дороги. Со дна лощины обстреливать нападавших было трудно, а того, кто отползёт от кромки оврага, поразить было невозможно. На вооружении групп Кагана и Семёнова в основном были автоматы, пулемёты, а также самозарядные винтовки (СВТ), у девушек — только СВТ (девушки не имели автоматического оружия, т.к. в их задании не ставилось задач

открытого боя с живой силой противника).

Перед рассветом отряд Кагана в маскхалатах начал выдвигаться к месту засады, чтобы занять позицию у лощины. Предполагалось использовать разрыв между колоннами врага и заминировать дорогу перед следующим обозом. Однако, ещё до рассвета обозы начали идти сплошным потоком, без интервалов, пауз не было.

В засаде на правом, ближнем к Красному посёлку фланге, расположилась группа Кагана, на левом — группа Семёнова. Позиция девушек была в центре. В случае окружения девушки оказывались под прикрытием фланговых групп ребят. Руководивший засадой политрук Каган занял позицию примерно в центре засады, в 50 метрах от дороги, за толстой осиной.

В сильную стужу (мороз был около тридцати градусов) лыжники лежали, затаившись в снегу в непосредственной близости от дороги и проезжающих повозок. Ждали долго. Поэтому периодически подменяли сидящих ближе к дороге, позволяя им отойти вглубь леса и немного согреться. На какой-то момент несколько девушек собрались под раскидистой елью.

Был третий час дня, когда наступила долгожданная пауза. М.Х. Гоникман с несколькими товарищами быстро заминировали дорогу на левом фланге засады. Там дорога после лощины круто поворачивала влево в тыл лежащим в засаде лыжникам. Оказалось, что приближавшаяся очередная колонна растянулась на несколько километров. Помимо повозок в ней двигались танкетки, артиллерия, миномётные подразделения. Но этого за деревьями и поворотом дороги не было видно. Сидевшие на повозках по 5-10 человек немецкие солдаты и офицеры скрючились от мороза, не глядя по сторонам и не ожидая нападения. У большинства оружия в руках не было: оно было сложено в повозки.

Голова колонны ещё не дошла до заминированного места, когда Каган дал сигнал для обстрела (выстрелил из ракетницы в офицера, сидевшего на одной из повозок). Часть немецкого обоза, находившаяся перед засадой, была в упор расстреляна и заброшена гранатами. Не обошлось и без оплошности одного лыжника в пылу боя: он из-под мохнатой ели бросил гранату, которая застряла в сучьях над лежащей цепью атакующих. По счастливой случайности никто не был задет осколками. Лишь вырвало клок ватных брюк у М.С. Азаренкова.

На дороге поднялась паника. Часть гитлеровцев пыталась бежать, бились и ржали раненые лошади, слышались крики раненых и какие-то команды. Некоторые немцы

уцелели и открыли ответный огонь из-за повозок и убитых лошадей, посылая наугад очереди вверх по склону. Постепенно ответный огонь оккупантов усилился за счёт пришедших в себя после замешательства солдат, а также за счёт частей колонны, оказавшихся справа и слева от засады. Выступ, в центре которого находилась группа девушек, попал под перекрёстный огонь.

Одной из первых была убита Лиза Беневская. Она стреляла из-за двух близко стоявших берёз и, падая, повисла между стволами. На руках у Кати Пожарской от ранения в грудь умерла Надя Жеглова, прошептав, что ей нечем дышать. От тяжёлого ранения, а может быть, от гибели, Лиду Новикову спасла пряжка офицерского ремня. Пуля попала в пряжку и, отрекошетив, ранила руку. Однако удар пули был таким сильным, что создал в первые минуты впечатление о ранении живота. В группе Семёнова был убит Михаил Новиков, ранен в руку Николай Коротков. Был ранен в руку командир-политрук Семён Каган.

Бой затягивался. Справа несколько танкеток пытались засаду обойти. Но в глубоком снегу они завязли. Начало темнеть, и вдруг справа разгорелся новый бой. Это ударили партизаны отряда Гаева. Немцы развернули артиллерию и стали обстреливать лес. Бой партизан привёл к ослаблению огня со стороны гитлеровцев по засаде и позволил её начать отход. Катя Пожарская и Лия Кутакова отходили одними из последних. В это время пули попали Лие в щиколотки обеих ног, но вскоре стрельба прекратилась. Узнав о ранении подруги, Пожарская пыталась ей помочь и тут же наткнулась на Катю Елину. Она была без сознания. Из раны от разрывной пули на бедре текла кровь. Двух раненых одной Пожарской было не вынести, и было решено, что Пожарская пойдёт за помощью ребят (одна, чтобы быстрее дойти).

Шло время, а никто не приходил. В этих условиях Лия решает оставить раненую подругу и самой отправиться за помощью. Легла на лыжи, продела руки под ремни креплений и поползла. По найденной лыжне она ползла 7 километров более 12 часов. Она ползла на четвереньках, не замечая ночи, трескучего мороза, волоча винтовку, не помня, отдыхала или нет. Валенки налились кровью, застыли коркой. Прошла ночь и часть дня. Уже к вечеру её подобрали на окраине Красного посёлка партизанские связные (подростки из местных жителей). Раненую перенесли в дом, положили на печку и женщины в течение часа растирали гусиным жиром обмороженные руки, т.к. при движении рукавицы протёрлись до дыр. Отогрев и накормив, Лию отвезли в партизанский лагерь на санках, сделанных из лыж.

А что же было с Катей Елиной?

Чтобы отыскать в ночном заснеженном лесу оставшихся раненых Каган направил к месту засады 12 человек. Не доходя до места боя на 500-600 метров, ребята рассыпались редкой цепью и стали прочёсывать лес и кустарник. Лишь со второго прочёсывания была найдена Катя Елина. девушка потеряла много крови и находилась в тяжёлом состоянии. На связанных лыжах она была вывезена из леса, а затем привезена в партизанский лагерь отряда Гаева. Она осталась живой, но мороз сделал своё дело: раненые ноги были отморожены, и их невозможно было сохранить.

Каковы же потери фашистов, попавших в засаду? В донесениях командиров групп общие немецкие потери в живой силе были определены от 80 до 100 человек и 12 повозок.

21-22 января деревни, в районе которых действовали диверсионные группы, были освобождены от оккупантов войсками Красной Армии.

За действия в Подмосковье Е.Я. Пожарская была награждена орденом Красного Знамени, а Л.В. Новикова и С.Е. Пашуканис — медалями «За отвагу».

В начале 1942 г. группа Е.Я. Пожарской, включённая как отделение в отряд В.Г. Ильина, перешла линию фронта в районе города Киров Калужской области и начала действия в Брянских лесах».

Семья Беневских

Татьяна ЖУКОВА

внештатный корреспондент газеты «Знамя Труда»

(Книга «Через годы, через расстояния…», автор-составитель Митяев А.Е., Брянск, 2002 г., стр. 70-76).

Дворянин, поляк-католик Семён Беневскиё был военным хирургом, коллежским советником. Человеком порядочным, уважаемым и известным в Белоруссии, где он жил. Потомки Беневских вспоминают, что в кабинете их Дубровского дома висел написанный маслом великолепный портрет их предка. Через всю грудь шла широкая алая лента от плеча до пояса, усыпанная золотыми и серебряными орденами. Рядом висел портрет его жены Юлии Ивановны в глубоком трауре.

У Семёна и Юлии Беневских было двое детей. Дочь, Вильгельмина Семёновна, своей семьи не имела. Она дожила до глубокой старости (80 лет), в последние годы была уже совсем слепая. Сын, Аркадий Семёнович, генерал-лейтенант. Он и его жена Нина Викторовна (урождённая Иващенко) и приобрели имение в Дубровке примерно в 1890 г.

Судьба генерала А.С. Беневского — это судьба верного сына своего Отечества, патриота и гражданина. Вся его жизнь есть служение России, царю, народу. Для того, чтобы читатель мог представить, какой человек стал владельцем имения в Дубровке и долгое время был нашим земляком, много и плодотворно занимавшийся благотворительной деятельностью, мы приводим некоторые страницы его биографии.

29 марта 1840 г. в семье дворян Могилёвской губернии. Православный.

16 июня 1859 г. — закончил Константиновское училище, получил звание — унтер-офицер, направлен поручиком в 8-й стрелковый батальон.

1 июня 1859 г. — вступил в службу из унтер-офицеров Константиновского военного училища Поручиком в 8-ой стрелковый батальон.

16 августа 1859 г. — отправлен в Николаевскую Академию Генерального Штаба для образования в высших военных науках, зачислен в оную 5 января 1863 г.

6 ноября 1864 г. — за отличные успехи в Академии произведён в Штаб-с Капитаны.

9 ноября 1864 г. — по окончании курса наук отчислен от Академии и отправлен в Главное Управление Генерального Штаба.

13 ноября 1864 г. — назначен на службу в Киевский военный округ. По распоряжению начальства участвовал в полевых поездках офицеров

Генерального Штаба в районе Киевского военного округа с сентября по октябрь в 1871 г., 1872 г., 1873 г., в 1876 г. с мая по июль.

24 сентября 1872 г. — назначен на должность Старшего Адъютанта Штаба Киевского военного округа.

8 апреля 1873 г. — произведён в Подполковники, с утверждением в занимаемой должности.

8 ноября 1873 г. — прикомандирован у 131 пехотному полку на один г. для командования батальоном.

27 сентября 1874 г. — назначен для поручений при Штабе Киевского военного округа.

6 ноября 1875 г. — назначен заведовать особым отделением Окружного Штаба по мобилизации войск.

27 декабря 1875 г. — произведён в Полковники и исполнял обязанности помощника Начальника штаба по 10 июня 1878 г..

4 августа 1878 г. — назначен Командиром 19-го пехотного Костромского полка, принял полк и вступил в командование оным 27 августа.

Бытность в походах и делах против неприятеля — в составе войск 9-го армейского корпуса находился в Турции во весь период оккупации после Сан-Стефанского мира, причём с 20 октября 1878 г. по 1 мая 1879 г. находился на передовой линии в Родопских горах с Дермендерским отрядом, командуя оным. По окончании оккупации, выступил с полком из м. Филипополя в Бургас; отбыл с Бургаского порта 10 июля, высадился в Севастополе 11 июля и 2-го августа прибыл на постоянные квартиры в г. Глухов.

3 сентября 1879 г. — назначен командовать 2-ою бригадою 5-ой пехотной дивизии, отчислен от этой должности по случаю приезда бригадного командира 26 октября.

15 мая 1880 г. — назначен Помощником Начальника Штаба Восточно-Сибирского военного округа с переводом в Генеральный штаб.

С 30 апреля по 10 октября 1883 г. — командирован в Приамурский край для участия в комиссиях по укреплению г.г. Владивостока и Николаевска и для осмотра дорог, проектированных в Южно-Уссурийском крае.

14 июля 1884 г. — назначен Помощником Начальника Штаба Приамурского военного округа и 12 октября прибыл в город Хабаровку.

20 ноября 1884 г. — назначен Командующим 2-ой Восточно-Сибирскою стрелковою бригадою, с зачислением по армейской пехоте и с оставлением в списках Генерального Штаба.

30 августа 1885 г. — произведён в Генерал-майоры.

27 февраля 1886 г. — назначен Военным Губернатором Амурской области, Командующим в оной войсками и Наказным Атаманом Амурского казачьего войска.

14 августа 1891 г. — вступил в исправление обязанностей Приамурского Генерал-губернатора и отправился к месту службы в г. Хабаровку.

14 марта 1892 г. — назначен Начальником Штаба Киевского военного округа и вступил в должность 6 авг.

30 августа 1893 г. — произведён в Генерал-лейтенанты.

20 ноября 1893 г. — командирован в С. Петербург.

12 марта 1894 г. — назначен Помощником Начальника Главного Штаба с

10 июля 1896 г. — присвоение звания почётного гражданина г. Благовещенска.

12 октября 1897 г. — пожалован командирский крест французского ордена Почётного Легиона и прусский орден Красного Орла 1-го класса.

20 января 1898 г. — назначен состоять в распоряжении Военного Министра, с оставлением по генеральному Штабу.

28 апреля 1898 г. — назначен Помощником Приамурского Генерал Губернатора, Командующего войсками Приамурского военного округа и Войскового Атамана Приамурских Казачьих войск, с оставлением по Генеральному штабу.

В гражданской службе и по выборам не служил.

Недвижимого имущества не имеет.

Н А Г Р А Д Ы

Св. Владимира 2,3 и 4 степеней (1873 г., 1895 г.);

Св. Анны 1,2 и 3 ст. (1869 г., 1882 г., 1891 г.);

Св. Станислава 1,2 и 3 ст. (1866 г., 1871 г.);

Командорский крест французского ордена Почетного Легиона и

Прусского ордена Красного Орла 1-го класса (1897 г.)

Серебряные медали.

1896 г. — Почетный гражданин г. Благовещенска, попечитель кадетского корпуса в Петербурге.

1897 г. — медаль за участие в первой переписи населения.

1903 г. — Почётный гражданин г. Хабаровска.

После выхода в отставку переехал в имение Дубровка, приобретённое женой.

3 апреля 1913 г. — умер в своём имении Дубровка, где и похоронен. Аркадий Семёнович жил по христианским заповедям и учил этому своих детей.

В 1898 г., в день совершеннолетия сына Ивана, который впоследствии унаследовал имение отца, генерал подарил ему Библию (1897 г. издания) со следующей надписью:

«Приношу дорогому Ивану, в день исполнившегося 18-ти летия и окончания среднего образования, сердечное поздравление и сию Святую книгу. В ней найдёшь совет и разум; читай ради Бога и в память любящего тебя отца. Читай молитвенно, в духе и в истине.

Любящий отец Аркадий Беневский. 29 мая 1898 г.

Особенно перечитывай:

1) все Евангелия (обрати внимание гл.23 от Матфея и гл.12 от Луки);

2) Псалтырь;

3) Мудрость Соломона (стр.778);

4) Из пророка Исаии — главу 58 (стр.894);

5) Моисея 3 кн. глав 19 (стр.137).»

Перелистаем и мы эти страницы Библии.

…Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего, но люби ближнего твоего, как самого себя.

…Раздели с голодным хлеб твой, и скитающихся бедных введи в дом; когда увидишь нагого — одень его, и от единокровного твоего не укрывайся.

…И так хранитесь от бесполезного ропота и берегитесь от злоречия языка, ибо и тайное слово не пройдет даром, а клевещущие уста убивают душу.

… Не ускоряйте смерти заблуждениями вашей жизни и не привлекайте к себе погибели делами рук ваших.

…Праведность бессмертна, а неправда причиняет смерть.

…При этом сказал им: смотрите, берегитесь ЛЮБОСТЯЖАНИЯ, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имения.»

Это заповеди, по которым жили все Беневские. (Сын с честью выполнил наказы отца, прожил чистую и светлую жизнь).

Но мог ли знать генерал Аркадий Беневский, посвятивший свою жизнь Отечеству и людям, как отплатит ему Родина и народ после его смерти?! Дом разрушен, сад вырублен, но самое страшное — осквернены и уничтожены могилы генерала и членов его семьи. Если бы это было только делом рук фашистов во время оккупации! Но нет. Руку приложили свои. Дикая страна, дикий народ, вечно голодный и алчущий. Не может быть счастья и светлого будущего у народа, способного на такое варварство и святотатство. Кощунственно бороться со своими предками, с могилами дедов и отцов, которые жизнь положили во славу Отечества, и ответить на наше преступление не могут. Нет прощения тем, кто это сделал, тем, на чьих глазах и с чьего молчаливого соглашения всё происходило.

Думается, пришло время покаяться и исправить страшную несправедливость в отношении семьи Беневских. Необходимо восстановить захоронения и поставить на этом месте святой православный крест. Обращаюсь к нашей церкви, лично к отцу Василию, обращаюсь к районной и поселковой администрации, к предпринимателям, к простым жителям района с просьбой сделать всё возможное по восстановлению доброй памяти и доброго имени старинного дворянского рода Беневских.

…В 1877 г. Аркадий Семёнович женился на Нине Викторовне Иващенко (прим.: к этому времени Нина Викторовна — вдова лекаря Савицкого). Отец Нины Викторовны генерал-майор Виктор Алексеевич и мать Елена Петровна были из очень состоятельного дворянского рода. Нина Викторовна получила хорошее воспитание.

Через год в Киеве у Беневских родился первенец — сын Михаил. В 1880 г. там же появился на свет второй сын Иван. Младшая дочь Мария родилась двумя годами позже уже в Иркутске. Все дети получили хорошее образование, сначала в России, а потом в Германии. Михаил — юридическое, Иван — агрономическое, Мария — медицинское.

Выйдя в отставку, генерал-лейтенант А.С. Беневский с семьёй поселяется на хуторе близ Дубровки Орловской губернии в имении, приобретённом его женой Ниной Викторовной.

Старший сын Михаил умер очень молодым, в возрасте 19 лет. Это случилось в 1897 г.

Трагично сложилась и судьба младшей дочери Марии. Как и все дети Беневских, Мария воспитывалась на строгих христианских заповедях. Была она человеком глубоко и искренне верующим, добрым и отзывчивым. Никто в семье не мог даже предположить, что очень скоро судьба сведёт их дочь с террористами. Роковую роль в этом сыграл её кузен Борис Савинков.

С ним Мария была знакома и дружна с детства. В юности дружба переросла во влюблённость. У Савинкова был особый дар оказывать влияние на людей, организовывать, руководить. Главным в жизни этого человека была борьба. Он боролся с властью, на этом пути для него не было границ и преград. Он верил в светлое будущее и последовательно шёл к великой цели, достижение которой казалось возможным только через насилие, борьбу, террор. Это стало средством существования.

Член боевой организации эсеров, знаменитый террорист, один из комиссаров Временного правительства, глава контрреволюционного «Союза защитников Родины и свободы», литератор, печатавшийся под псевдонимом Ропшин… Фигура в отечественной истории очень и очень неоднозначная.

Именно он, Борис Савинков, привёл весной 1906 г. любимую кузину Марию Беневскую в свою боевую организацию эсеров.

В это время Центральный Комитет боевой организации принял решение о подготовке двух крупных покушений: на министра внутренних дел Дурново и московского генерал-

губернатора Дубасова. Оба покушения, по замыслу террористов, должны были быть совершены до 1-й Государственной Думы.

Сложность задачи потребовала расширения численного состава боевиков. В организацию привлекались новые люди. Одновременно с Марией Беневской террористами стали Владимир Азеф, Владимир Вноровский, Борис Горинсон, Абрам Гоц, Александра Севастьянова, Валентина Колосова и другие. Всего в боевой организации тогда было около 30 человек.

Решение обратиться к террору как средству борьбы с несправедливостью, борьбы за счастье людей далось Марии Беневской очень непросто. Об этом пишет Б. Савинков в своих «Записках террориста»: «Мария Беневская, знакомая мне с детства, происходила из дворянской военной семьи. Румяная, высокая, со светлыми волосами и смеющимися голубыми глазами, она поражала своей жизнерадостностью и весельем. Но за этой беззаботной внешностью скрывалась сосредоточенная и глубоко совестливая натура. Именно её более, чем кого-либо из нас, тревожил вопрос о моральном оправдании террора. Верующая христианка, не расстававшаяся с Евангелием, она каким-то неведомым и сложным путём пришла к утверждению насилия и к необходимости личного участия в терроре. Её взгляды были ярко окрашены её религиозным сознанием , и её личная жизнь, отношение к товарищам по организации носили тот же характер христианской незлобивости и деятельной любви. В узком смысле террористической практики она сделала очень мало, но в нашу жизнь она внесла струю светлой радости, а для немногих — мучительных моральных запросов».

Савинков вспоминает, что однажды в Гельсингфорсе (Финляндия была базой для террористической организации) он спросил кузину, почему та идёт в террор. Она ответила не сразу, после глубокого и горького раздумья:

— Почему иду в террор? Вам неясно?

Она молча подошла к окну, открыла Евангелие и процитировала: «Иже бо аще хочет душу свою спасти, погубит ю, а иже погубит душу свою мене ради, сей спасёт ю».

— Вы понимаете, не жизнь погубит, а душу…

В боевой организации эсеров появились провокаторы. Внутреннее расследование выявило одного из них — Татарова. В феврале 1906 г. Моисеенко и Беневская были привлечены Савинковым к его устранению. Только получив абсолютно точные доказательства измены Татарова общему делу, Генриетта (Беневская) согласилась

участвовать в операции. Однако не в самом убийстве провокатора, а в его организации. Всегда радостная, оживлённая и светлая, Беневская теперь молчалива и задумчива.

Вместе с мужем Моисеенко она сняла уединённую квартиру на улице Шопена в Варшаве на имя супругов Крамер. К ним вечером должны были прийти вооружённые товарищи: Калашников, Двойников и Назаров. Савинков должен был явиться на дом к Татарову и пригласить его на конспиративное свидание на эту квартиру. Сразу после прихода товарищей по партии Беневская и Моисеенко должны были покинуть квартиру и с первым поездом выехать из Варшавы в Москву. Однако планам не суждено было сбыться: Татаров понял, в чём дело. Поговорив с дворником, он наверх в квартиру не поднялся, вышел на улицу и скрылся. С глубоким облегчением Беневская вернулась в Гельсинфорс.

В первой половине апреля 1906 г. Мария Аркадьевна с группой товарищей прибыла в Москву для организации покушения на Дубасова. Зильберберг обучил её изготовлению бомб. Одну, уже готовую, он, по предложению Азефа, вручил Борису Вноровскому. Тот должен был ехать в Москву из Петербурга, где в то время находился и московский генерал-губернатор Дубасов. Вноровский мог его встретить в курьерском поезде и взорвать бомбу. Если же встреча не состоится, то бомбу должна была разрядить в Москве Мария Беневская.

10 апреля террорист Шиллеров под именем мещанина Евграфа Лубковского снял квартиру из трёх комнат в доме при церкви св. Николая на Пыжах в Пятницкой части. Здесь жила Беневская. 15 апреля в этой квартире случилось несчастье. Когда Шиллерова не было дома, Беневская разряжала принесённую ей Вноровским бомбу и случайно сломала запальную трубку. запал взорвался у неё в руках. Она потеряла кисть левой руки и несколько пальцев правой. Окровавленная, она нашла в себе силы выйти из дома и, не теряя сознания, доехать до частной лечебницы Шульмана на Пятницкой улице. Здесь ей оказали первую помощь и отправили в первую городскую больницу, где она назвалась мещанкой города Полтава Шестаковой и предъявила подложный паспорт. Происхождение повреждений было объявлено взрывам керосинки.

Марию Аркадьевну прооперировали и несколько дней лечили. 21 апреля Моисеенко и Гавронская, узнав о случившемся, перевезли Беневскую в Бахрушинскую больницу, где служил личный знакомый Марии доктор Огарков. Здесь она назвалась мещанкой Яковлевой и объяснила, что неделю назад пострадала от взрыва керосинки. Казалось всё шло удачно. Но 28 апреля Мария Беневская была арестована полицией прямо в больничной палате.

Дело в том, что Шиллеров, вернувшись на квартиру и увидев везде кровь, частицы мышц, сухожилий, костей, следы разрушения, всё оставил как есть, бросил квартиру и немедленно уехал в Финляндию. Вроде бы он строго следовал инструкции. Однако, прояви он большее мужество и смекалку, провала и ареста Беневской можно было избежать.

До 21 апреля квартира стояла пустая и незапертая, пока туда не зашёл узнать, почему не появляются жильцы, дворник Имохин. Он заметил в передней окровавленные полотенца и тотчас вызвал полицию.

После осмотра квартиры полиция обнаружила разрушения, кровь, оторванные пальцы рук, а также фотографию вице-адмирала Дубасова, гремучую ртуть, свинец, серную кислоту, бертолетову соль, снаряжённый детонаторный патрон, аптекарские весы, записную книжку с условными записями и вычислениями…

Эксперты, полковник Колонтаев и титулярный советник Тисленко пришли к выводу, что здесь произошёл взрыв детонаторного патрона во время его снаряжения, вызванный неосторожным движением лица, занимающегося этой работой. Все найденные материалы и взрывчатые вещества предназначались для изготовления ударно-взрывных снарядов. Одним из них 23 апреля 1906 г. был ранен московский генерал-губернатор, генерал-адъютант, вице-адмирал Дубасов, а сопровождающий его корнет Коновницын был убит. Погиб бомбист Вноровский.

Полиция начала искать человека, получившего ранение на квартире Лубковского. В Бахрушинской больнице внимание полиции привлекла больная Яковлева с множественными ранениями. При проверке паспорт оказался фальшивым. Мария Беневская была арестована. Борис Савинков и другие члены организации боевиков очень переживали случившееся.

Доказать причастность Беневской к боевой организации эсеров и покушению на Дубасова полиции труда не составило. Марию Аркадьевну судили осенью 1906 г. в Москве в судебной палате с участием сословных представителей по обвинению в участии в тайном сообществе и приготовлениях к покушению на Дубасова. Защищали её присяжные поверенные Жданов и Малянтовая. решением суда она была приговорена к смертной казни.

Её мать Нина Викторовна Беневская, не пережив столь большого горя, застрелилась в своём Дубровском имении, где и была похоронена.

Благодаря двум прошениям к царю (в первый раз было отказано в просьбе) отца террористки, генерал-лейтенанта Аркадия Семёновича Беневского, Марии Аркадьевны смертную казнь заменили на 10 лет каторжных работ с лишением всех прав состояния.

На каторге Мария Беневская выходит замуж за матроса с мятежного броненосца «Потёмкин» Ивана Кондратьевича Степанок. Он был огромного роста, косая сажень в плечах, и добродушен, как ребёнок. Там же, на каторге родился первенец — сын Илья.

После февральской революции 1917 г. Мария Беневская с семьёй вернулась с каторги и поселилась на родине мужа в городе Голта Одесской губернии. Жили бедно и трудно. Перебрались в Петербург, где в июльские дни 1917 г. в семье появился второй сын — Степан. Потом супруги вновь вернулись на Украину, откуда их выгнал страшный голод начала 30-х гг. Мария Аркадьевна очень любила северную столицу России, поэтому опять поселилась в Ленинграде.

Беневскую уважали и любили все, кто её знал. Она была знакома со многими известными людьми, в том числе и с первым секретарём Ленинградского обкома партии Сергеем Мироновичем Кировым. Рассказывают, что даже при случайных встречах на улице Киров не мог пройти мимо Марии Аркадьевны, не поприветствовав её самым сердечным образом.

До конца жизни Беневская была религиозной женщиной, очень милой, нежной, доброй. Все поражались, как эта мягкая женщина с очаровательным лицом и лучистыми серыми с фиолетовым отливом глазами могла быть в юности террористкой.

Старший сын Марии Беневской Илья перед войной закончил морское училище. Его постигла участь многих соотечественников: вместе со всем своим курсом он был репрессирован. Из сталинских лагерей Илья вернулся только после смерти тирана в 1953 г. Он жил в Туле, где и умер в 1993 г..

Младший сын Степан пытался поступить в политехнический институт на отделение «радио». Но так как он учился в украинской школе, где все предметы преподавали на этом языке, то сдать экзамен по русскому языку не сумел. Он начал работать и учился на вечернем отделении института.

Война… Блокадный Ленинград… Страшный голод и лютый мороз только за одну зиму 1941-42 гг. унесли жизни 800 тысяч ленинградцев. Среди них была и Мария Аркадьевна Беневская со своей семьёй».

Примечание (Т.М.Осипова):

Имение было приобретено в 1902 году. Ниной Викторовной Беневской (урожд. Иващенко). В этот год средний сын Беневских Иван Аркадьевич получает диплом об окончании агрономического факультета Галльского Университета (Германия) и намерен заняться сельским хозяйством, внедряя в него новейшие, по тому времени, технологии. Позже, уйдя в отставку и переехав на постоянное жительство в Дубровку, Аркадий Семёнович и Нина Викторовна продолжили начатое дело Иваном, который в 1904 г. уезжает в Харьков для получения медицинского и ветеринарного образования в Харьковском университете.

В отличие от текста Т.Г. Жуковой в данном тексте более подробно приведены даты биографии и награды из «Полного послужного списка…» А.С. Беневского.

Бабушка Лизы Беневской Нина Викторовна Беневская, была преподавателем естественных наук в женской гимназии, состояла Почётным членом Лондонского королевского общества физико-математических наук.

По инициативе Татьяны Григорьевны Жуковой на месте захоронения членов семьи Беневских (бывший хутор Беневских посёлка Дубровка Брянской области) дважды ставился деревянный двухметровый крест и дважды он уничтожался местными жителями. В настоящее время по её же инициативе поставлен на этом месте бетонный крест. На месте же усадьбы Беневских начаты работы по рытью котлована для добычи песка, хотя это место отмечено в истории как место поселения XII века; и такие работы, как мне кажется, должны были бы вестись совместно с археологами. Все попытки Татьяны Григорьевны приостановить рытьё котлована не увенчались успехом.

Более подробно, чем написано у Татьяны Григорьевны, даже мне не удалось бы к тому времени написать о Беневских: ею собраны и опубликованы материалы не только присланные мной, но из архивов, из библиотек и т.д. В школе же Татьяна Григорьевна организовала тематическую экскурсию «Род Беневских» на материалах переданного стенда, подготовленного мной и моими дочерьми для московской школы.

В очередной мой приезд в Дубровку Татьяна Григорьевна попросила меня выступить на уроках по краеведению для старшеклассников. И я уже рассказывала об истории поиска однополчан Лизы Беневской её родственников, о самой Лизе и её родных, о деятельности Ивана Аркадьевича Беневского. Чувствовала себя более уверенно, чем

в прошлое моё выступление, тем более, что мне ассистировала САМА Татьяна Григорьевна.

Публикации о военной части № 9903

В декабре 1989 года я получила приглашение на встречу ветеранов в/ч 9903, такие встречи проходят ежегодно в первую субботу декабря в школе № 1272. Готовятся к этой встречи и школьники, и учителя, и ветераны: каждая встреча посвящена определённой теме, к которой из архива музея подбирается материал, стихи и музыка для сопровождения. После торжественной части — большое чаепитие, за которым ведутся разговоры: воспоминания военных дней, о сегодняшних днях, о здоровье, о детях и внуках… С тех пор я не пропустила ни одной такой встречи.

Очень подружилась с участницами той самой группы, в которой была в последнем своём задании Лиза Беневская, стала для них как бы «дочерью полка». Подключили меня к работе по приведению в порядок архивных документов, для передачи всего архива музея в «Центр хранения документов молодёжных организаций» (бывший архив ЦК ВЛКСМ). Так как большинство из бойцов этой, ставшей легендарной военной части, приходили в неё по рекомендации комсомола, пройдя большую отборочную комиссию, то и было решено передать архив в указанный Центр. Одновременно с обработкой документов бойцов в/ч 9903, я и стала брать из библиотеки музея литературу, со статьями об этой военной части.

Привожу в приложении отчёты А.К. Мегеры и К.В. Сукачёвой.

Здесь же мне хочется привести воспоминания Клавдии Васильевны, так как, на мой взгляд, никто более интересно, живо и подробно не описал подготовку и выходы групп в тыл врага.

Сукачёва Клавдия Васильевна:

«Сороковые, роковые,

Свинцовые, пороховые…

Война гуляет по России,

А мы такие молодые!»

(Давид Самойлов).

Я памятью своей вернулась снова

В тот день, когда, застыв на миг, страна

Услышала чудовищное слово,

Жестокое до дикости – ВОЙНА!

ВОЙНА! Июнь. Первый месяц лета, когда школьников отправили в пионерские лагеря и на летние дачи уехали детские сады. Самое время отпусков, и многие выехали из Москвы на отдых. Война прервала их отдых, все стали возвращаться домой. Сотни тысяч москвичей атаковали военкоматы, райкомы ВКП(б) и ВЛКСМ настоятельной просьбой – отправить их на фронт.

Я, естественно, тоже сразу побежала в райком комсомола с просьбой направить меня в действующую Армию. Райком отказал мне в этом, сказав, что я нужна в Москве, что районной военно-санитарной дружине работы в Москве будет достаточно. Я обратилась в Горком, ЦК ВЛКСМ, но всюду получила отказ.

В начале 1941 года я окончила курсы санитарных дружинниц и была назначена командиром военно-санитарной дружины Железнодорожного района. Так что пришлось остаться в Москве: комсомольская дисциплина прежде всего, особенно в суровые годы войны.

Я быстро собрала дружину и она начала действовать. В дружине был строгий порядок и чёткое исполнение заданий.

В Москве началась эвакуация промышленных предприятий, научно-исследовательских и учебных институтов, театров и других организаций. Эвакуировались семьями, но в Москве оставались старые и больные люди, оставались дети. А фашистские лётчики старались прорваться к Москве и сбросить бомбы, в городе часто объявлялись воздушные тревоги. Оберегая покой детей, старых и больных людей, Моссовет принял

решение: прекращать работу метро в 22 часа, обесточить линии и разложить на них деревянные щиты. В метро шли женщины с детьми, неся с собой одеяла и подушки. Приезжала детская кухня и каждому ребёнку выдавали по бутылочке молока.

Чтобы следить за порядком, а при необходимости оказать первую медицинскую помощь, каждую ночь в метро дежурили 8-10 наших дружинниц. Участок нашей дружины станции метро: Сокольники, Красносельская, Комсомольская; и дружинницы всю ночь ходили по шпалам, оберегая покой спящих.

С первых же дней войны в Москве была введена строгая светомаскировка. Было так темно, как говорят: «ни зги не видно», поэтому было много несчастных случаев. Врачи и медицинские сёстры приёмного отделения института имени Склифасовского работали до изнеможения. Я получила задание направлять каждую ночь (днём все дружинницы были на своих рабочих местах) в приёмное отделение института несколько дружинниц. Каждую ночь 5-6 дружинниц дежурили в приёмном отделении института, помогая медицинским сёстрам обрабатывать, поступивших с различными ранениями людей.

Три – четыре дружинницы каждую ночь дежурили в помещении районного комитета Красного креста – там было место сбора нашей дружины. Дружинницы, кому выделялась ночь для отдыха дома, по сигналу «воздушная тревога», сразу же бежали на место сбора дружины. Нам были выданы пропуска на право хождения по городу во время воздушной тревоги и во время комендантского часа.

Несколько раз дружине приходилось выезжать на очаги поражения (на места разорвавшихся бомб, пожаров и т.п.) и оказывать пострадавшим медицинскую помощь.

Я понимала, что мы занимаемся нужным, полезным делом, но мысль о фронте меня не покидала, особенно после первого антифашистского митинга молодёжи, который проходил в Колонном зале в августе (или первых числах сентября) 1941 года. Митинг проходил эмоционально, души молодёжи кипели гневом к фашистским извергам, вероломно напавших на нашу Родину, – Советский Союз. На трибуну выходили комсомольцы, уже побывавшие в боях с фашистами. Среди них: Виктор Талалыхин, Тимур Фрунзе, Рубен Ибаррури – сын Долорес Ибаррури. «Слово предоставляется товарищу Владимиру. Фамилию его я не называю – он только что вышел из тыла врага, где выполнял специальное задание», — объявил ведущий митинг секретарь Московского горкома комсомола Александр Шелепин. (В октябре 1941 года я встретилась с Владимиром на базе военной части 9903, он был бойцом этой части, а затем – командиром одной из разведывательно-диверсионных групп этой части). С

митинга я шла домой пешком, находясь под впечатлением увиденного и услышанного на митинге. На душе было очень тревожно. Фашистские изверги всё ближе и ближе подходили к Москве. Москва была в опасности, и москвичи стали готовиться к уличным боям. Все здания, примерно на два метра от земли, обкладывались мешками с песком. Стекло дверей и оконных рам проклеивались полосками бумаги или ткани. На улицах строились баррикады. Подвалы домов превращались в огневые точки. Сотни тысяч москвичей строили на окраинах города глубокую противотанковую оборону. На улицах Москвы появился плакат: «Способный оружие несть – на фронт, не медля минуты одной. Способным работать – к станку, на место ушедших в бой!» Московская партийная организация за первые шесть месяцев войны направила на фронт 114000 коммунистов, комсомольская организация – 300000. К станкам встали женщины и дети.

10 октября 1941 года меня вызвали в ЦК ВЛКСМ. Там работала комиссия по отбору комсомольцев-добровольцев на фронт. Возглавлял комиссию секретарь ЦК – Николай Михайлов, Был там и секретарь Горкома комсомола – Александр Шелепин и два командира Красной Армии. В кабинет, где заседала комиссия, вызывали по одному человеку.

Вошла я, страшно волнуясь, — а вдруг опять откажут?! «Вот наступило время, когда мы можем направить тебя на фронт», — обращаясь ко мне, сказал товарищ Михайлов и предложил мне Авиационную военную часть и воинскую часть особого назначения, действующую в тылу врага. Я выбрала последнюю. Тогда вступил в разговор командир в форме пограничника. Он стал говорить о том, как трудно и опасно действовать в тылу врага и, смотря мне в глаза, спросил: «Не струсите?» «Нет!» — твёрдо ответила я. «А какую военную подготовку вы имеете?» — был его следующий вопрос. «Я сдала все нормы на значок «Готов к труду и обороне», окончила курсы инструкторов ПВХО, я «Ворошиловский стрелок», командир районной военно-санитарной дружины». « Беру!» — сказал командир председателю комиссии и предложил мне прибыть к зданию кинотеатра «Колизей» 15-го октября 1941 года к десяти часам. Уже после войны мне стало известно, что 10 октября 1941 года через комиссию по отбору комсомольцев на фронт прошло около 500 человек, в воинскую часть, действующую в тылу врага, было отобрано – 40.

Итак, 15 октября 1941 года на базу военной части особого назначения 9903 Разведотдела штаба Западного фронта прибыла большая группа московских комсомольцев-добровольцев (в этой части действовали только добровольцы).

Четыре дня учёбы: стрельба из винтовки и пистолета, метание гранат и бутылок с

горючей смесью, минирование дорог, подрыв и поджёг дорог, разрыв телефонной и телеграфной связи, бесшумное снятие часового и многое другое, что нужно знать и уметь разведчику-диверсанту.

Фашистские войска были на подступах к Москве – не до учёбы. Командование части стало комплектовать разедывательно-диверсионные группы и направлять их в тыл врага. Задача боевых групп – совершать как можно больше диверсий в тылу врага, что будет сдерживать наступление фашистских войск и даст возможность Красной Армии сосредоточить значительные силы под Москвой и перейти в контрнаступление.

20-го октября 1941 года, в составе группы Ивана Ананьева, я ушла на первое задание. Группа состояла из девяти человек – пять парней и четыре девушки. Вместе с нами уходила группа Бориса Крайнова, в составе которой было восемь человек – четыре парня и четыре девушки. В сопровождении полковой разведки мы относительно спокойно перешли линию фронта. Полковые разведчики, пройдя с нами метров пятьсот, возвратились на передовую для обеспечения нашего прикрытия, если мы будем обнаружены при дальнейшем продвижении. Преодолев полтор-два километра по открытому полю под сильным миномётным обстрелом, мы вошли в лес и наши группы разошлись – каждая направилась к месту своего действия. Мы – в район населённых пунктов Беспалово – Причистое, группа Крайнова – Борисово – Верея.

С октября 1941 года по февраль 1942 года, в составе боевых групп, я совершила четыре рейда в тыл врага, следовательно, линию фронта переходила восемь раз. Иногда переход проходил относительно благополучно, чаще с потерей боевых друзей. Переходить линию фронта приходилось под сильным пулемётным и миномётным обстрелом, бежать, а чаще ползти по-пластунски по заминированным полям и дорогам. Наша группа действовала в районах: Истры, Волоколамска, Наро-Фоминска, Вереи, Дорохово, Звенигорода. Одновременно с нами в этих же районах действовало ещё несколько групп.

Зима 1941 года была ранняя и морозная. Реки Подмосковья уже в первой половине ноября покрылись тонким слоем льда, а в декабре 1941 года – январе 1942 года наступили сильные морозы, доходящие до 40 градусов. Рейд в тыл врага продолжался две-три недели, потом небольшой отдых (3-5 дней) на базе воинской части и снова рейд в тыл врага. Нашим «домом» в тылу врага был глухой лес. В деревни заходили только разведчики, чтобы уточнить обстановку, Диверсии, как правило, мы совершали ночью, а днём – разведка с целью установления места и объекта очередной диверсии. Не более трёх – четырёх часов мы отводили себе на отдых – «обед», сон, просушку одежды и обуви. Иногда нам приходилось в брод переходить реки, после чего наша одежда и

обувь покрывались коркой льда. Готовя ложе для сна, мы срывали несколько еловых веток, укладывали их на снег, накрывали плащ-палаткой, ложились и сразу же засыпали – усталость валила нас с ног. Часовые, назначенные командиром группы, наблюдали за местностью и за спящими, вглядываясь в лицо каждого – не замёрзли ли? Через полтора-два часа часовые будили спящих – иначе сон мог бы оказаться вечным, часто мы спали на ходу, положив руку на плечо впереди идущего.

Уходя в рейд, каждый тащил на спине рюкзак весом 40-50 килограмм. Что же было в наших рюкзаках?

— 30-40 брикетов тола, каждый брикет весил 200 грамм,

— 15-20 мин и детонаторы к ним,

— 10-15 бутылок с горючей смесью,

— 15-20 «ежей» — это металлические шипы, которые мы разбрасывали на шоссейных дорогах,

— 15-20 гранат – «лимонки» и противотанковые.

— патроны для винтовок и пистолетов (у парней были винтовки, у девушек – пистолеты),

— металлический котелок, эмалированная кружка, столовая ложка, финский нож,

— металлическ4ая фляга с водкой (водка спасала нас, когда мы обмораживались),

— аптечка с бинтами и некоторыми медикаментами,

— махорка, спички,

— продукты – несколько брикетов пшённой каши и мясного горохового супа, сухая колбаса, несколько плиток шоколада, сахар, соль, сухари.

В продуктах не ограничивали, но мы брали минимальное количество – хотелось взять как можно больше тола, гранат и прочее боевое оружие.

В воинской части 9903 была традиция: разведывательно-диверсионные группы, отправляющиеся в тыл врага, провожать песней, которую мы называли «Гимн военной

части 9903» Все, кто в это время был на базе части, выходили во двор и, окружив машины отъезжающими, запевали:

Слушают отряды песню фронтовую,

Сдвинутые брови, твёрдые сердца.

Родина послала в бурю боевую

К бою снарядила верного бойца.

На прощанье сына мать поцеловала,

На прощанье мужа обняла жена,

Долго не сходила с мостика вокзала,

Взглядом провожала милого она.

Вот они дороги — в зареве, тревоге,

У бойца на сердце спрятано письмо.

Лучше смерть на поле, чем позор в неволе,

Лучше злая пуля, чем раба клеймо.

Бомба разорвётся, около взовьётся,

Но трястись от бомбы смелым не к лицу.

Бомба разорвётся, облачко взовьётся,

Перейдёт винтовка к новому бойцу.

Но, пока что пуля мимо пролетела,

Но, пока что смерти подступ отдалён.

И опять в атаку капитан Батурин

На геройский подвиг поднял батальон.

Шёл боец в атаку, показал отвагу,

На гранатной ручке не дрожит рука.

Приходилось туго гитлеровским слугам

От его стального крепкого штыка.

Почтальон приходит, письмецо приносит,

И знакомый почерк узнаёт семья.

Расскажите людям, если кто Вас спросит,

Что не зря послала Родина меня.

Ой, какая встреча будет у вокзала

В день, когда Победой кончится война —

И письмо родное мать поцеловала,

И на самом сердце спрятала жена.

Я прошу простить меня великодушно за сумбурность изложения моих воспоминаний, и, может быть, излишнюю подробность. Но мне хочется, чтобы читающий, особенно молодые люди, проникли в обстановку того времени, в эти «сороковые – пороховые» годы. Чтобы они убедились в высочайшем патриотизме советских людей, не щадящих себя в борьбе с фашистскими поганцами, вступивших на землю нашей Советской Родины.

Обычно задают вопросы: «Что Вам больше всего запомнилось из событий военных лет? Из Ваших рейдов в тыл врага?»

Я ничего не забыла, помню всё с первого дня войны и до последнего его дня. Но, конечно, было такое, что особенно потрясло меня и глубоко ранило моё сердце. Это потеря двух боевых друзей при выполнении первого задания: командира группы Ивана

Ананьева и Сони Макаровой.

Иван Ананьев в первый день, как мы оказались в тылу врага, пошёл в разведку и не вернулся. Что с ним случилось, до сих пор остаётся тайной. (В списках утрат личного состава в/ч 9903 он значится без вести пропавшим). Мы избрали командиром группы Павла Проворова и стали действовать под его руководством.

С Соней Макаровой мы учились в одной школе с первого класса. Были с ней в одном пионерском отряде. Вместе учились на курсах санитарных дружинниц. А по окончании курсов, я была назначена командиром дружины, а она комиссаром. В октябре 1941 года вместе пошли в ЦК ВЛКСМ на отборочную комиссию, вместе прибыли в воинскую часть 9903, были зачислены в одну разедывательно-диверсионную группу. И вот – я её потеряла.

А случилось это так.

Ночью, заминировав шоссейную дорогу в нескольких местах, мы не ушли в лес, а залегли недалеко гот дороги в кустах, чтобы посмотреть, как сработают наши мины. Ждали долго, ближе к рассвету мы увидели идущую автоколонну. Первая машина проскочила, не задев мины, вторая – с фашистскими солдатами. И только третья – с боеприпасами, подорвалась на минах. Был сильный взрыв, машины загорелись, пламя перебросилось на следом идущие машины. Началась паника, беспорядочная стрельба. Мы стали отходить к лесу, но в зареве пожара фашисты обнаружили нас и стали преследовать. К лесу вели дороги через поле и через болото. Добежав до болота, перепрыгивая с кочки на кочку, мы добрались до нашего «дома» — леса. Фашисты по кочкам не решились, и погоня за нами прекратилась. Вбежав в лес и немного отдышавшись, мы обнаружили, что нет Сони Макаровой. Мы подавали ей условные сигналы, командир направил двух парней к болоту, прочесали вокруг болота лес. Соню нигде не обнаружили. Мы решили, что Соня оступилась с кочки, и её засосало болото. Сердце моё разрывалось от боли. « Сонечка, моя дорогая подружка, что же я скажу твоей маме?»

В нашей группе это была уже вторая потеря. Пропал командир группы Иван Ананьев, ушёл в разведку и не возвратился, а теперь ещё и Соня Макарова пропала.

Совершив ещё несколько диверсий, израсходовав все боеприпасы, а продукты у нас давно закончились и уже несколько дней мы питались дарами природы – группа стала двигаться к передовой, чтобы прорваться через линию фронта и выйти к месту расположения передовой части Красной Армии. Обратный путь был очень трудный.

Мы несколько раз меняли место прорыва, но каждый раз попадали под сильный обстрел миномётов и пулемётов.

Когда мы прибыли на базу нашей части, то узнали, что группа Крайнова прибыла на базу раньше нас на три дня. От Крайнова мы узнали, что Соня Макарова, два дня бродя по лесу, разыскивая нашу группу (в болоте, прыгая по кочкам, она оторвалась от нашей группы), она вышла на группу Крайнова и стала действовать в составе его группы. Когда группа стала готовиться к минированию шоссейной дороги, Соня раскрыла свой рюкзак, достала часовую мину и, вдруг, мина взорвалась у неё в руках. А в открытом рюкзаке лежали ещё мины и несколько брикетов тола. Взрыв был такой силы, что у Сони оторвало руки и ноги, а у Маши Кузьминой, которая сидела рядом с ней, размозжило череп и вырвало глаза. Кто же сидел подальше, получил мелкие ранения.

Вот так погибла мой боевой друг, моя верная подруга пионерских и комсомольских лет.

К сожалению, человеческая память не совершенна. Забылись фамилии и имена некоторых боевых друзей, названия сёл и деревень, мимо которых мы проходили. Районы действия память хранит до сих пор: это Волоколамск, Истра, Дорохово, Можайск, Верея, Наро-Фоминск, Звенигород.

В памяти всплывают то одни, то другие события, эпизоды. Вот некоторые из них.

Нас на грузовой машине везли на передовую, где мы должны были ночью перейти линию фронта. Зима 1941 года была морозная и снежная. Машина забуксовала в снегу. Ребята выпрыгнули из машины, чтобы подтолкнуть её. Юра Посохин был без рукавиц и, как только он приложил руки к кузову машины, они тут же примёрзли к ней. Юра оторвал свои ладони от машины без кожи. Возвращаться обратно на базу части он отказался. Мы забинтовали ему руки, и он пошёл с группой в тыл врага, но обходиться без посторонней помощи он не мог. По пути к району действия группы нам надо было переходить шоссейную дорогу. В нескольких метрах от дороги Юра попросил меня задержаться и помочь ему расстегнуть шинель, подождать две-три минуты, чтобы потом помочь застегнуть шинель. В это время командир дал команду перебегать шоссе по два – три человека в лес. Когда я помогла Юре одеться, и мы с ним приготовились перебегать шоссе, на дороге показалась автоколонна. Вся группа была уже в лесу, а мы с ним оказались в реденьком перелеске, в пяти – шести метрах от дороги. Реакция была мгновенной – мы залегли за кусты, взяв в руки по гранате («лимонки»), а на спине каждого из нас был рюкзак, наполненный двухсотграммовыми шашками тола, часовыми минами, бутылками с горючей смесью. Если бы фашисты обнаружили нас и

пытались захватить – мы готовы были подорвать себя. Взрыв был бы большой силы, и вместе с нами подорвались бы десятки фашистов. Но нас, видимо, не заметили, хотя ехали солдаты в открытых машинах. Когда колонна проследовала мимо нас, мы перебежали шоссе и присоединились к товарищам, которые ждали нас в лесу. Ох, и досталось нам с Юрой от Гриши Лаврова – командира группы.

Группа выполнила задание, и путь наш лежал к передовой, чтобы прорваться через линию фронта и прибыть на базу части. Но снова беда и опять с Юрой Посохиным. В 1941 – 1942 годах все дороги и поля под Москвой были заминированы. Минировали наши войска при отступлении, минировали фашисты, покидая наши города и сёла. Мы шли и ползли по-пластунски по заминированным дорогам и полям. Поэтому шли всегда след в след друг друга. Впереди шёл дозорный, за ним командир группы, замыкал группу заместитель командира. В этот раз Юра шёл пятым. Четыре человека прошли спокойно, а под Юрой взорвалась мина, и оторвало ему стопу ноги. Юра истекал кровью, а до передовой было не менее двадцати километров. Двадцать километров по нашей родной земле, но временно захваченной фашистами. И надо всё время быть на чеку, проявляя наблюдательность, осторожность и боевую готовность к встрече с врагом. Мы оказали первую медицинскую помощь. Все сняли с себя шинели (а это было в декабре 1941 года) и из двух шинелей и палок соорудили носилки, а тремя шинелями покрыли Юру, из-за большой потери крови он очень мёрз, а остальные шинели одевали по очереди. Девочки взяли у ребят рюкзаки, а ребята несли Юру на носилках. Продвигались осторожно. И в то же время надо было торопиться, так как силы Юры с каждым часом слабели. Когда нам удалось перейти линию фронта, мы сразу же передали Юру медикам.

Очень памятным оказалось последнее задание, которое я в составе группы Лаврова выполняла в декабре 1941 года – январе 1942 года. Это совпало с моим двадцатилетием, в день моего рождения я ходила в разведку.

И второе событие в это время одновременно печальное и смешное. У меня была страшная ангина с высокой температурой. Из-за моей хронической ангины, которая причиняла мне много страданий и которую я всячески старалась скрывать, однажды Гриша Лавров поднял всю группу по боевой тревоге. А случилось вот что.

У меня заболело горло, а группа в это время готовилась к выходу на задание. Так как горло у меня болело часто, и я боялась, что из-за этого командование может отчислись меня из части. Я никому не сказала о заболевании и стала вместе со всеми готовиться к заданию. Когда мы были уже в тылу врага, горло моё воспалилось ещё больше. И однажды, во время небольшого отдыха в лесу, я заснула, и из моего горла вырывались

звуки похожие на тарахтение мотоцикла. Командир направил разведку по дороге, поднял группу. Все были в боевой готовности. Вскоре возвратились разведчики и доложили, что на дороге тишина, а рядом с расположением группы слышались звуки движущихся мотоциклов. И вдруг обнаружили, что нет меня. Стали искать и увидели меня спящей под ёлкой и издающей эти трубные звуки. Так моё горло подвело, и за мной закрепилась кличка «мотоцикл».

Часто нам приходилось встречать в лесу мирное население, бежавшее из своих домов от карателей. Фашисты, войдя в их деревню, занимали все дома, а их выгоняли на улицу. Кто-то успевал вынести из дома тёплую одежду и немного продуктов питания, а кто-то не успевал ничего вынести. Они сидели у чахлых костерков и в консервных банках или в солдатских касках (в лесу их много валялось) варили себе еду. А те, у кого из еды ничего не было, ловили полевых мышей, собирали старые, полусгнившие грибы. Варили их и ели, чтобы хоть чем-то поддержать свои силы и не умереть от голода. Это было ужасное зрелище, от которого холодела душа и больно сжималось сердце. Видя такие страшные картины, мы проникались ещё большей ненавистью к фашистским извергам и мстили им за слёзы женщин и детей.

Иногда мы встречали в лесу командиров и бойцов Красной Армии, выходящих из окружения. Большинство из них были ранены и тяжело больны. Бинты их были окровавлены и грязны. Они не имели ни продуктов, ни медикаментов. Одежда и обувь их были изношены. Но они горели решимостью преодолеть все трудности, вырваться из окружения и вновь вступить в боевой строй. Мы смотрели на них с чувством глубокого сострадания и преклонения за их мужество. Делились с ними продуктами и медикаментами, оказывали первую медицинскую помощь, обрабатывали их раны.

Особенно в мою память врезалась встреча с довольно большой группой красноармейцев, выходящих из окружения. Они рассказали нам, что выходят из окружения уже больше месяца. Несколько раз вступали в бой с фашистами. Многих потеряли в бою, но не сдаются и прорываются к своим. Многие из них были ранены. Их первый вопрос к нам был: «Как Москва?» Когда мы им сказали, что в Москве 7-го ноября на Красной площади был Парад войсковых частей Красной Армии и что прямо с Красной площади участники Парада ушли на фронт, глаза их засветились радостью. Раненым мы обработали раны, наложили чистые бинты, поделились с ними продуктами и тёплой одеждой.

Я заметила, что один из них отошёл в сторону ото всех и не общается с нами. Он был очень бледен, гимнастёрка его была пропитана кровью. Я подошла к нему и предложила сделать перевязку: «Глядя на Вашу гимнастёрку, можно понять, что Вы

ранены». От перевязки он отказался. Тогда я стала убеждать его, что, если рана не будет обработана и не перевязана чистыми бинтами, то она загноится, и у него не хватит сил, чтобы дойти до своих, подлечиться в госпитале, вновь вступить в бой и бить фашистских гадов. Я, видимо, говорила это с такой убеждённостью, что он поверил в меня и согласился на перевязку. Когда я помогла ему снять гимнастёрку, то поняла, почему он отказывался от перевязки – его тело было обмотано Знаменем. «Это Знамя нашего полка, — сказал он мне, — командир полка поручил мне сохранить это боевое Знамя». Я обработала его раны водкой, наложила чистые бинты и вновь обмотала его тело простреленным, окровавленным Знаменем полка. Он попросил меня никому не говорить об этом. И я, безусловно, исполнила его просьбы – не рассказала о его тайне даже командиру нашей группы.

Красноармейцы, немного отдохнувшие и согретые нашей заботой и вниманием к ним, двинулись в трудный путь, чтобы пробиться к своим, залечить раны и вновь вступить в строй борцов с немецкими фашистами, принесшими нашему народу столько бед и страданий. Мы смотрели им вслед и говорили: «Милые, дорогие наши, постарайтесь прорваться к своим, постарайтесь остаться живыми».

Утром 6-го декабря 1941 года войска Западного фронта начали контрнаступление. Под Калининым и Ельцом развернулось грандиозное сражение, в котором войска Красной Армии одержали победу, гоня фашистскую армию всё дальше и дальше от Москвы. В феврале 1942 года всё Подмосковье было освобождено от фашистской оккупации, следовательно, и наши боевые действия в районах Подмосковья закончились.

Командование воинской части 9903 приступило к комплектованию разведывательно-диверсионных групп и отрядов для десантирования их на территории: Брянщины, Белоруссии, Украины. В это время ЦК ВЛКСМ обратился к командованию части с просьбой: направить человек десять в Центральную школу радистов. По окончании школы, они будут десантированы в партизанские отряды. Командование направило десять девушек, в том числе и меня (с нашего согласия конечно). Но, в школе радистов я училась всего три дня. Меня вызвали в ЦК ВЛКСМ и направили в распоряжение Смоленского Обкома ВЛКСМ для восстановления комсомольских организаций в районах Смоленщины, освобождённых от фашистской оккупации, и организации их работы. Я возражала, говоря, что я уже обстрелянный солдат и моё место на фронте или в боевом отряде в тылу врага. Мои возражения не возымели действия. «Ты имеешь большой опыт комсомольской работы, — говорили мне, — а это сейчас важнее». И так – я на Смоленщине, но это уже другой этап моей жизни.

Писатель Даниил Гранин в своём произведении «Ещё заметен след» высказал такую

мысль: «Порой память целиком подчиняет себе человека, он начинает страдать памятью». Как он прав! Ни одно событие из времён Великой Отечественной войны не оставляет мою память. Я помню всё до мельчайших подробностей.

Вступив в войну почти детьми, после окончания войны мы возвратились домой седыми «стариками» с рубцами на теле и на сердце.

Уже в 60-ых годах, когда был создан Совет ветеранов в/ч 9903, по архивным документам было установлено, что в тылу врага в районах Подмосковья погибли и пропали без вести 431 человек из личного состава. В их числе Зоя Космодемьянская, Вера Волошина, группа Кости Пахомова в полном составе (8 человек), после изуверских пыток были повешены. Большое количество пропавших без вести объясняется тем, что на задание в тыл врага мы уходили, не имея при себе никаких документов. (Т.М. – Подробно о военной части 9903: о её создании, назначении, составе, военных операциях и погибших приведено в «Приложении» в Статьях А.Я Мегеры и К.В. Сукачёвой).

Сукачёва Клавдия Васильевна,

Ветеран военной части 9903,

Инвалид войны.

О.А. Гурычёва

«МУЗЕЙ ВОИНСКОЙ ЧАСТИ 9903»

Альманах

Выпуск №1 стр. 20.

Средняя общеобразовательная школа №1272

с углублённым изучением иностранных языков

Москва 2004 г.

«Ольга Алексеевна Гурычёва — создатель и бессменный руководитель школьного

музея в/ч №9903.

В конце 60-х годов именно ей, тогда молодой преподавательнице географии и английского языка, пришла в голову идея воссоздать историю в/ч 9903, найти всех оставшихся в живых бойцов и назвать поимённо всех павших.

А началось всё с малого: шефом нашей школы (тогда это была школа №15) был автозавод ЗИЛ, на котором до войны работал Александр Курзенков. Во время войны он был лётчиком, в одном из боёв погиб, а позже был награждён званием Героя Советского Союза. По заданию шефов ребята во главе с Ольгой Алексеевной начали собирать материалы о нём, встречались с людьми, знавшими Курзенкова, ходили в походы. И так в школе №15 появилась «Комната боевой славы Героя Советского Союза А.Г. Курзенкова».

А потом в одном из походов прозвучало название новой части — особой разведывательно-диверсионной воинской части 9903. именно с этого момента и ведёт свой отсчёт музей в/ч 9903. В 1968 году ветераны этой части собрались на свою традиционную майскую встречу. Совместно со школьниками они заложили основу парка около метро проспект Вернадского. Ими там были посажены берёзки в память погибших товарищей.

Ольге Алексеевне удалось сплоить вокруг себя целый коллектив таких же увлечённых людей, как и она, — её учеников. Вместе они ходили в походы, встречались с ветеранами, готовили декабрьские встречи. Они называли себя группой «Поиск» — так же в названии отразилась основная задача их деятельности — поиск сведений о бойцах и командирах в/ч 9903.

Походы… Это целый мир, целая жизнь… Сейчас, когда прошло уже много лет с тех далёких и памятных времён, бывшие поисковики, уже выросшие, обзаведшиеся семьями, интересными работами и престижными должностями, собираясь у Ольги Алексеевны в день её рождения, всегда вспоминают походную жизнь: тяжёлые рюкзаки, утренние подъёмы, подгоревшую в котелке кашу, встречи с очевидцами на местах боёв, рассказы и песни у вечернего костра.

Как это всё здорово, и какую огромную благодарность мы теперь испытываем к Ольге Алексеевне за то, что она, не боясь ответственности, организовывала эти дальние походы с ночёвками и наравне с нами несла все тяготы походной жизни.

А с каким интересом мы готовились к традиционным декабрьским встречам ветеранов

в/ч №9903 со школьниками. Ольга Алексеевна придумывала всегда что-нибудь интересное! То в ходе встречи проводилась ярмарка подарков, сделанных руками детей, то на сцене загорался костёр, а рядом ставилась палатка, то сцена оформлялась как зал библиотеки, то как фрагмент карты боевых действий в/ч 9903, то окна заклеивались крест-накрест, а по тёмному актовому залу шарили лучи проекторов, как во время войны. И всё это нужно было сделать самим! Так, например, в 1989 году на пригласительных билетах на традиционную декабрьскую встречу было написано, что в школе будет проходить выставка-ярмарка рукотворных изделий ребят. Деньги, вырученные за купленные вещи, пойдут на изготовление и установку памятника на могилу трёх боевых товарищей, погибших 19 января 1942 года: Новикова Михаила, Жегловой Нади и Беневской Лизы. И действительно: ярмарка состоялась, памятник был изготовлен и установлен на могиле около села Дунино, Калужской области.

Конечно, у Ольги Алексеевны были замечательные помощники не только из числа поисковиков, но и из числа учителей школы. Это замечательные преподаватели нашей школы, ставшие преданными и верными друзьями Ольги Алексеевны: учителя английского языка Галина Васильевна Щелкунова, Наталья Валерьевна Бударина, завуч по английскому языку Ирина Григорьевна Воронцова, учитель физики Тамара Васильевна Горячева. Сколько сил и души вкладывали они в организацию этих мероприятий, несмотря на то, что все они уже не работают в нашей школе, они, продолжают встречаться до сих пор!

Итак, «Поиск», музей — это целая жизнь не одного поколения учащихся нашей школы. Сейчас Ольга Алексеевна уже не является директором школьного музея (её преемницей стала её бывшая ученица, а ныне учитель русского языка Нестерова Арина Васильевна), но по-прежнему участвует во всех мероприятиях, оказывает помощь и поддержку в работе нашего школьного музея — музея особой разведывательно-диверсионной воинской части 9903».

В школе №1272 было проведено анкетирование участников группы «ПОИСК». Мною выбраны ответы двух таких участников: Павла Данилова и Арины Нестеровой, т.к. мне они более всех запомнились с первых же наших встреч.

АНКЕТА ПОИСКОВИКА

I часть.

1. ФИО — Данилов Павел Серафимович.
2. Дата рождения — 31 декабря 1962 г.
3. г. окончания школы — 1980 г.
4. Образование — высшее.
5. Профессия — страхование.
6. Место работы и должность — Исполняющий директор и главный андеррайтер Закрытого страхового акционерного общества «Принципал».
7. Сколько лет работали в «Поиске» — с июня 1978 г..

II часть

1. Что привело Вас в «Поиск»? — Увлечение туризмом и интерес к истории.
2. Что Вам дала работа в «Поиске»? — Самые простые вопросы обычно подразумевают наиболее сложные ответы. Попробую перечислить существенное:

познание жизни в разных её проявлениях;

друзей на долгие-долгие годы;

реализацию себя в областях подчас неожиданных для самого себя (например, на театральной сцене);

общение с незаурядными личностями самого разного плана.

3. Жалеете ли Вы о своём решении прийти в «Поиск»? Почему? — Мне кажется это неискренний вопрос. Вряд ли эта анкета будет предлагаться кому-то из разочаровавшихся в идее Поиска.
4. Что Вам нравилось/не нравилось во время работы? — То, что нравилось и нравится, перечислено в пункте 2. То, что не нравится — спешка при подготовке последних декабрьских встреч.
5. Какие чувства Вы испытываете к ветеранам? — Как и любой нормальный человек: любовь и уважение за сделанное для всех нас ещё до нашего появления на свет, боль и сострадание за те лишения, которые обрушились на ветеранов в последние годы.
6. Какие походы и декабрьские встречи Вам наиболее памятны и чем? — Походы: мой самый первый — шесть дней летом 78-го: Дятьково — Крюково — Петрищево — Сосновцы и две зимних однодневки: январь 1979 г. — Сосновцы и лет шесть назад — мартовский выход под Верею.

Декабрьские встречи: встреча, проходившая в ДК ЗИЛ (если не ошибаюсь — 1979 г.), тщательно подготовленные встречи в начале 1980-х (посвящённые отряду Л. Колесовой, семье Жданович и ещё одна, построенная на военной песне).

7. Что бы Вам хотелось видеть в летописи «Поиска»? — Мне представляется, что летопись ПОИСКА — это, прежде всего, человеческие судьбы.
8. Многое ли изменилось в Вашей системе ценностей за прошедшие годы? — Конечно же, многое — так же, как изменилась наша жизнь. И Поиск тоже неизбежно оказал на это своё влияние.

Какие вопросы мы не задали? Ответьте на них. — Скорее всего, следовало бы задать какой-либо вопрос, относящийся к Ольге Алексеевне. Избегая лишнего пафоса, тем не менее, следует признать, что размах поисковой деятельности, длящийся уже десятки лет, превращение этого исследования в событие, давно уже обозначающееся с заглавной буквы, носящее научно-исторический характер — всё это стало возможным благодаря титаническому труду Ольги Алексеевны Гурычёвой. Да, в Поиске участвовало и продолжает участвовать огромное количество людей — но тем более значимо подвижничество человека, сделавшего смыслом своей жизни восстановление судеб сотен безвестно за нас всех павших, или же продолжающих жить среди нас — и всё так же нам неизвестных.

———

АНКЕТА ПОИСКОВИКА

I часть.

1. ФИО — Нестерова Арина Васильевна.
2. Дата рождения — 21 июля 1971 г.
3. г. окончания школы — 1988 г.
4. Образование — высшее.
5. Профессия — учитель русского языка и литературы.
6. Место работы и должность — работаю в школе N 1272.
7. Сколько лет работали в «Поиске» — точно не помню, приблизительно 12 лет.

II часть

1. Что привело Вас в «Поиск»? — В «Поиск» меня привело желание заниматься полезным делом, а также стремление быть со своими подругами, многие из

которых работали в «Поиске».

2. Что Вам дала работа в «Поиске»? — Во-первых, хороших друзей. Пусть мы теперь не часто встречаемся, но всё равно продолжаем чувствовать себя частью чего-то целого, какого-то единого организма. Во-вторых, работая в «Поиске» я могу хоть как-то отблагодарить тех, кто пережил всю войну, перенёс все мыслимые и немыслимые испытания, выжил и вырастил нас. Сломайся они тогда, в сорок первом, не было бы нас сегодняшних. За это огромная им благодарность, низкий поклон.
3. Жалеете ли Вы о своём решении прийти в «Поиск»? Почему? — О своей работе в «Поиске» я, конечно же, не жалею. Он дал мне много хорошего, доброго, да и просто полезного.
4. Что Вам нравилось/не нравилось во время работы? — Я не могу сказать, что мне что-то не нравится в «Поиске». Возможно, мог бы не нравиться авральный метод подготовки встреч ветеранов и других мероприятий. Но, по-моему, в этом есть даже особая радость, ведь именно такие авралы особенно сплачивают людей. Поэтому мне, например, очень нравится прощание поисковиков после декабрьского вечера. Ещё мне очень нравится та особая атмосфера, которая есть и во время самой декабрьской встречи, и, особенно, после него, когда в пустом зале остаются только поисковики, тихо звучит гитара (и неважно, кто играет и как играет) и все поют. Какие хорошие, добрые, одухотворённые лица у всех в этот момент.
5. Какие чувства Вы испытываете к ветеранам? — К ветеранам я испытываю чувство огромной благодарности. Они мне дали возможность жить! Многие из них во время войны были моложе меня, совсем девчонки и мальчишки. А на их долю выпала такая страшная судьба, страшная и великая одновременно. Спасибо им за то, что они выстояли.
6. Какие походы и декабрьские встречи Вам наиболее памятны и чем? — Наиболее памятен декабрьский вечер, посвящённый семье Ждановичей. Наверно, потому что именно с этого вечера наша дружба с удивительным человеком Натальей Яковлевной Жданович, которая продолжается и сейчас.
7. Что бы Вам хотелось видеть в летописи «Поиска»? — На мой взгляд, в летописи «Поиска» должны быть отражены все декабрьские встречи, игры «Память», походы и любые мероприятия, проводимые «Поиском». — Не отвечено.
8. Многое ли изменилось в Вашей системе ценностей за прошедшие годы? — не отвечено.

Какие вопросы мы не задали? Ответьте на них. — Ответа нет.

Школьное сочинение

(Автор неизвестен)

Прошли те времена, когда происхождение из интеллигенции считалось позорным, и теперь наш музей уже рассказывает о литературных судьбах целых семей. Достойна уважения семья Ждановичей за то, как сохранили они свою историю, но за перо взялось здесь младшее поколение.

В семье же Беневских и Горбуновых-Посадовых литературная деятельность стала семейной традицией.

Порой удивительные контрасты идут рядом. Сестра отца Елизаветы Ивановны Беневской — Мария Аркадьевна, или просто Маруся, была связана с террористами. В Москве, во время подготовки бомбы, произошёл несчастный случай, и взрывом её оторвало кисть руки. Арестовали её уже в больнице: она не допустила, чтобы врачи рисковали из-за неё. «Высочайшей милостью» — пожизненная каторга, вернулась она только после революции.

А её брат, Иван Аркадьевич, проповедовал совсем другие идеи. Он был лично знаком со Львом Толстым и разделял его мировоззрение. В семье хранилось несколько писем Толстого, которые впоследствии были переданы в музей.

«Отец, — вспоминает Вера Ивановна, — считал, что человек должен жить на земле». Он окончил высшее с/х училище (Примечание: Агрономический факультет Галльского университета). Будучи знаком с Владимиром. Григорьевичем Чертковым, взял у его матери землю в аренду и организовал сельскохозяйственную артель, существовавшую до 1913 г. После революции он был организатором детских домов — революция не изменила его взгляды, он преподавал вечное. Сам Иван Аркадьевич тоже иногда писал и даже печатался в издательстве «Маяк». Был такой рассказ «600 вёрст на казахской лошадке» и другие.

И, наверное, в Лизе Беневской, бойце в/ч 9903 по воспоминаниям однополчан удивительным образом сочеталось мужество и непреклонность тёти Маруси и отцовская душевная теплота. Это удивительное сочетание сейчас становится всё более редким.

Семья же Горбуновых-Посадовых, судьба которых удивительным образом сплелась с

судьбой семьи Беневских, является хранителем ещё более глубоких литературных традиций. Вся семья Ивана Ивановича Горбунова-Посадова, и в первую очередь сам глава семьи, был так или иначе связаны с работой в издательстве «Посредник», где в то время печатались очень известные авторы. Сам Иван Иванович был знаком и находился в дружеских отношениях с А.П. Чеховым, В.И. Короленко. Преемственность поколений сохраняется и до наших дней — ныне Елена Дмитриевна Михайлова, в настоящее время зам. директора по науке Государственного литературного музея, окончила филологический факультет МГУ им. Ломоносова, литературовед. А в семье всегда удивительно много читали; так, по воспоминаниям было до войны, так осталось и сейчас.

Но часто случается, что самые дорогие и щемящие душу воспоминания связаны не с какими-то громкими именами; встречи же со знаменитыми людьми сохраняются скорее в виде семейных преданий. В 1943 г. в газете «Вышеволочская правда» было опубликовано стихотворение В.И. Беневской, посвящённое сестре Лизе, погибшей 19 января 1942 г. в многим вам известном бою в д. Сосновцы 26-ти лет от роду.

«Хотя я живою тебя и не встречу,

И горечь утраты остра,

На подвиг твой ратный трудом я отвечу,

Моя партизанка-сестра.

Учась в институте, комсоргом была ты

В студенческой дружной семье.

Тебя уважали ребята,

Девчонки подругой считали своей.

Закончить учёбу ты не успела.

Фашистских стервятников рать

Внезапно ворвалась в наши пределы

Жечь, грабить и убивать.

Раскачивал ветер деревьев верхушки,

Да лай раздавался собак.

Ты тихо подкралась к крайней избушке

Разведать, что делает враг.

Ты храбро сражалась, погибла героем

В суровом неравном бою,

Но мы отомстим врагу вдвое и втрое

За жизнь молодую твою».

В.И. Беневская

Примечание: *автор сочинения неизвестен; им допущены некоторые неточности в биографиях Беневских Ивана и Марии, но, тем не менее, по своему духу и искренности оно вполне отражает их жизненную позицию.* (Т.М. Осипова)

А. Косич

руководитель группы экскурсоводов музея школы №1

пос. Дубровка Брянской области

(опубликовано в «Знамя ТРУДА» — общественно-политической газете Дубровского района Брянской области 8 мая 2001 г.)

Их судьбы, как истории планет

История страны, складывается из истории судеб людей, её граждан.

Поэт сказал:

Людей неинтересных в мире нет,

Их судьбы, как истории планет.

Это, действительно так. Но есть люди особой, уникальной, удивительной судьбы. К их числу относится и Елизавета Ивановна Беневская, боец воинской части 9903, погибшая в битве за Москву.

В метрической книге о родившихся за 1915 г. Церкви Рождества Богородицы с. Давыдчи Брянского уезда есть такая запись: «Время рождения — 13 декабря 1915 г.. Время крещения — 17 января 1916 г.. Имя родившегося — Елизавета. Родители — потомственный дворянин Иван Аркадьевич Беневский и его жена Анна Исидоровна, оба православные. Восприемники — потомственный дворянин Василий Александрович Ярошенко* и вдова дворянина Эмилия Викторовна Кобелева**».

Лизонька (или Ляля, как её звали в семье), как и все дети Беневских, воспитывалась в труде, в большой строгости, по христианским записям. дети много работали: заготавливали сено, занимались огородом, ухаживали за скотом, умели работать серпом. А по вечерам играли в саду, в парке, музицировали, много читали, часто вслух. В доме была огромная библиотека, которой пользовались жители всей округи. Живая, весёлая и любознательная Лиза была любимицей учителей и одноклассников. Закончив Дубровскую школу с отличием, Елизавета поступила в Московский энергетический техникум. Она была отличной студенткой, активной комсомолкой.

Будучи эрудированным человеком, с активной жизненной позицией, Елизавета Беневская стала душой студенческой компании. Она прекрасно пела, играла на пианино и на гитаре, любила поэзию.

В 1940 г. Елизавета Беневская поступила в Московский энергетический институт. Впереди было много планов, мечтаний, надежд. Но всё оборвала война…

Поэт-фронтовик Юлия Друнина написала проникновенные строки о своих сверстницах:

Я ушла из школы в блиндажи сырые,

От Прекрасной дамы в мать-и-перемать,

Потому что имя ближе, чем Россия,

Не могла сыскать.

Со второго курса МЭИ в «блиндажи сырые» добровольцем ушла и Ляля Беневская. Родственникам сказала твёрдо и резко: «В эвакуацию не поеду. буду защищать столицу».

…Утром 15 октября 1941 г. к кинотеатру «Колизей» на Чистых прудах подходили юноши и девушки с рюкзаками за спиной. Все они были очень молоды. На отборочной комиссии их предупредили: «Дело трудное и опасное» Никто не отказался, не струсил, не спасовал. Так формировалась воинская часть 9903, которая вошла в историю как особая разведывательно-диверсионная часть. Её командный состав был укомплектован офицерами из числа слушателей Военной академии имени М.Ф. Фрунзе. Личный состав части состоял не только в основном из добровольцев Москвы и Московской области, но и добровольцев Ярославской области во главе с Борисом Крайновым, прибывших в в/ч 9903 15 октября 1941 года, большая группа литовских комсомольцев, а также были в части немецкие антифашисты и др.

Первоначально в/ч 9903 представляла из себя небольшую группу офицеров во главе с полковником А.Е. Свириным и майором А.К. Спрогисом. Позже командиром части был назначен майор А.К. Спрогис. Именно он участвовал в комиссии ЦК ВЛКСМ по призыву и отбору комсомольцев-добровольцев. В результате индивидуального отбора в часть, её личный состав был укомплектован и насчитывал 2 тысячи человек. Это был цвет молодёжи, лучшие представили комсомола. Сердца их кипели гневом к немецко-фашистским захватчикам. Полные отваги, они были готовы выполнить любое задание командования, не щадя сил, а в случае необходимости — и самой жизни.

В период битвы за Москву и контрнаступления наших войск в/ч 9903 подготовила и направила в тыл противника свыше 45 боевых групп. Некоторые группы имели по 2 – 4 боевых походов в тыл противника. Всего за это время было совершено 86 выходов в тыл противника.

Елизавета Беневская входила в группу под командованием Кати Пожарской***. Уходя на задание, бойцы должны были отрешиться от своей биографии, оставить в штабе документы. Елизавета Беневская назвала себя Лизой Чарской, учительницей. Трижды переходила она с группой линию фронта. «Возвращалась она уставшая, посуровевшая, молчаливая, а после своего четвёртого задания пропала без вести», — вспоминают родные.

…Январь 1942 г. Третий выход группы Кати Пожарской за линию фронта. Цепочка

бойцов, среди которых и Лиза Беневская, пробирается по глубокому снегу, обходя деревни. Мороз крепчает, уже под 40 градусов. Нельзя разжигать костёр, чтобы согреться и приготовить еду. Бойцы скребут по рюкзакам, собирая крошки сухарей, пропахшие толом.

Однополчане Елизаветы Беневской вспоминают: «Мы заняли позицию на изгибе дороги. Ждали немецкий обоз, лёжа в снегу. Всех охватила тревога… Показались немецкие подводы. На них — узлы, самовары, коробки. Вслед за обозом двигались отходящие части противника. Мы открыли огонь. Начался бой, он продолжался 40 минут. В этом бою было уничтожено около 200 немецких солдат и офицеров и 12 повозок. движение было остановлено на сутки. Во время боя пали смертью храбрых три бойца».

«Была прямой дорога от стиха до пули…» Лиза Беневская, мечтательная и поэтическая натура, была убита в этом бою. Посмертно она была награждена орденом Красной Звезды. Случилось так, что в отряде забыли фамилию Елизаветы Беневской, осталось только имя — Лиза. Стараниями московских поисковиков школы N 1272 и их учительницы Ольги Алексеевны Гурычёвой лишь в 1995 г. были установлены имя и место захоронения Елизаветы Ивановны Беневской, павшей смертью храбрых 19 января 1942 г. у деревни Дунино Медынского района Калужской области. В Москве нашлись родственники, на могиле был установлен памятник.****

Сотрудничая с московскими школьниками группы «Поиск», краеведы школы N 1 посёлка Дубровка установили тесные связи с родственниками и однополчанами своей землячки и выпускницы. В 1998 г., в день 90-летия школы, в здании школы была открыты мемориальная доска памяти выпускников, павших в боях за Родину в г.ы Великой Отечественной войны. Среди многих имён высечено золотом на белом мраморе и имя Елизаветы Ивановны Беневской. В юбилейных торжествах принимали участие родственники Е.И. Беневской, прислали приветствие однополчане героини — совет ветеранов в/ч 9903 во главе с разведчицей К.В. Сукачёвой.

————————————————

*)Ярошенко Василий Александрович (брат Художника Ярошенко Николая Александровича) женат на Елизавете Платоновне (урожд. Степановой),

двоюродной сестре Нины Викторовны Беневской, бабушки Лизы Беневской.

**)Кобелева Эмилия Викторовна (урожд. Иващенко) — сестра Нины Викторовны.

***)В группу Кати Пожарской Лиза Беневская пришла на подготовку к своему четвёртому боевому заданию перед новым 1942 годом. В первое и второе свои задания она ходила в группе Герчика, третье — в группе Шумилина А.В., поэтому девушки группы Кати плохо запомнили фамилию Лизы и в своих первых послевоенных воспоминаниях называли её «Чарской».

****)О месте боя и гибели Беневской Е.И. стало известно уже в 70-х годах, а встреча с её родственниками произошла в 1989 г. в школе N 1272 г. Москвы.

——————————

Публикация в журнале «Наука и жизнь» N 5, 1978 г.

«Школьный музей воинской части 9903» автора Н. Гельмиза.

О бое 19 января 1942 г. близ Красного Посёлка, в котором погибла Е.И. Беневская (ошибочно названная Чарская), о бое первого задания Беневской Е.И., в котором погиб Курт Ремлинг (и подробно о нём).

На эту публикацию было отправлено письмо В.И. Советова, участника Великой Отечественной войны:

«Уважаемая редакция! В журнале N 5 1978 г. «Наука и жизнь» написана статья под заголовком «Школьный музей в/ч 9903″ Н. Гельмиза. Евдокия Михайловна Прохорова вспомнила, что в бою у деревень Сосновцы и Дунино подростки тов. Азаренков Миша и Бирюков помогали переносить раненых и убитых. Один из них Азаренков Михаил Лаврентьевич родился в селе Дунино. 12-ти летним мальчиком пошёл на фронт и дошёл до Берлина с нашей армией. В настоящее время он проживает г. Москва 109193, 5-ая Кожуховская улица, дом 21, кв. 8; тел. 279-35-57.

Если какие вопросы есть насчёт этого боя, можете связаться с ним. Он жив».

Боевые задания Лизы Беневской

(по материалам публикаций и заметок однополчан Е.И. Беневской)

ЗАДАНИЕ 1 и 2.

–

Подготовка к заданию проходила в Покровское-Стрешнево, ул. Пехотная…

Боевым заданием было минирование Звенигородского шоссе на участке Воронцово — Паново.

5 — 12 ноября 1941 г. село Колюбакино. Озеро Глубокое.

В районе города Руза.

В этом задании погиб 8 ноября 1941 г. Курт Ремлинг — немец-интернационалист и Курляндский А.А.

(стр. 37 «Летопись военной части 9903». Школа N 1272 г. Москвы).

СОСТАВ ГРУППЫ:

1. Герчик Григорий Яковлевич — командир (1918 г.р.)
2. Беневская Е.И. (1915 г.р.)
3. Винницкий Аркадий Иосифович (1922 г.р.)
4. Власов Михаил Романович (1924 г.р.)
5. Гаврик Михаил Михайлович (1917 г.р.)
6. Головлёв.
7. Жаровская (Мануйленко) Нина Ивановна (1921 г.р.)
8. Звонарёв Павел Григорьевич (1918 г.р.)
9. Козлёнков Адольф Васильевич (1924 г.р.)
10. Корнеенков Семён Логинович (1924 г.р.)
11. Курляндский Александр Алексеевич (1912 г.р. Деревня Красная Слобода Царёво-Займищенского сельсовета Вяземского района Смоленской области). Погиб 08.11.1941 г.
12. Лапина Антонина Ивановна (1920 г.р.)
13. Лукашев Павел Николаевич.
14. Перепёлкин Фёдор Иванович (1919 г.р.)
15. Петриев Михаил Яковлевич.
16. Ремлинг Курт Вальтерович — немец-интернационалист. (1921 г.р. в г. Брауншвейг, Германия). Погиб 08.11.1941 г. в районе Багаево Московской области. Его родственники живут по адресу: Германия, город Галле, Георг-Шуман

плац, 7.

17. Сорока Григорий Яковлевич (1917 г.р.)
18. Тульчинский Борис Харитонович (1912 г.р.)
19. Цалит Нина Ивановна (1918 г.р.)
20. Чехлов Геннадий Фёдорович (1923 г.р.)

РАССКАЗ Нины Ивановны ЦАЛИТ.

Лиза была постарше всех. Была заботлива как мать, готовила вкусно даже из концентратов. Она поделилась со мной по секрету, что оставила у матери двоих детей, показывала их фотографии.*

В группе было четыре девушки, остальные ребята. Мы были под Рузой. Река еще не замерзла. Кругом немцы. По пути минировали шоссейные дороги, рвали связь. В лесу наткнулись на лесной кордон (домишко). Пошли погреться. Только расположились, команда: «В ружье». Отстреливались от немцев.

На посту стояли Саша Курлянский, Курт Ремлинг — его первого убили. Жаровская с пистолетом. Немцы не могли разобраться, что случилось? Наверху Лиза, Нина и женщина из местных с ребятами. Там же лежал раненый товарищ — Курлянский. Все остались. Погиб от разрыва пули в сердце. Все ушли по следам в снегу. Вокруг дома пусто.

Щелканье затворов (баня, лопух). Спрятались. Оттуда выходят школьники наши в шинелях. Заняли дом, а школьники заняли баню. Школьников оставили и пошли Лиза и Нина в лес, где нашли своих.

*) — группой «Поиск» велись розыски детей Е.И. Беневской — на самом деле это были племянницы Лизы Беневской, дочери старшой сестры Нины Ивановны Горбуновой-Посадовой: Маша — 1937 г. рождения и Таня — 1941 г. рождения.

Выписка

из статьи «Последний бой» Александра Синельникова и Валентина Томина.

(группа разведчиков под командованием Григория Герчика)

…Линию фронта разведчики перешли в ночь с пятого на шестое ноября в районе озера Глубокое. Шёл мокрый осенний снег.

Вокруг Рузы, в деревнях, на дорогах стояли фашистские танки и артиллерия. Гитлеровская армада, похожая на необозримого чёрного зверя, дышала и ворочалась в этих лесах, потягиваясь, распускала когти… И разведчики, пробиравшиеся сейчас по лесам, улавливали её дыхание, полное выхлопных газов и пороховой вони, прислушивались к её орудийному кашлю и пулемётным всхрапам.

…Светало. Густой смешанный лес сменился редким осинником. Пропитанная влагой почва мягко пружинила под ногами. Группа шла всю ночь, разведчики сильно устали. Внезапно осинник кончился, и они оказались на краю длинной поляны. Несколько голых чёрных дубов в беспорядке торчали на ней, и там, где поляна, сужаясь, переходила в просеку, темнел бревенчатый дом* с галереей по фасаду вдоль второго этажа. Фашистов, судя по всему, здесь не было.

— Пойду, погляжу. Прикройте в случае чего… — командир движением плеча сбросил на руки автомат. — Ну, кто со мной?

Худощавый стройный юноша среднего роста с продолговатым лицом и большими прозрачно-серыми глазами внимательно и серьёзно смотрел на Герчика.

— Ты? Нет, со мной пойдёт Семён Корнеенков. Тебе пока незачем рисковать.

Юношу звали Курт Рёмлинг.

… Разведчики расположились в доме лесника. Скоро в просторной, обшитой свежим тёсом комнате на втором этаже весело загудела печка. Усталые люди, скинув полушубки, уселись в кружок, протянув к теплу замёршие ноги.

В комнате стало жарко. Ребята слегка разомлели от тепла, расстегнули гимнастёрки, закурили. Они верили командиру и чувствовали себя в безопасности. А командир вдруг начал ощущать смутную, неосознанную тревогу. В комнату одновременно вбежали двое часовых, стоявших на галерее.

— Фашисты!

— В ружьё! — крикнул Герчик, схватил ручной пулемёт и бросился к окну. Со стороны Багаева через просеку густой цепью шли гитлеровцы. Они охватывали дом лесника плотным полукольцом. Первые солдаты уже вышли на поляну…

— Власов, Лукашов, Головлёв — на балкон; Корнеенков, Курляндский — к окну; Тульчинский, Гаврик, Рёмлинг — со мной. Огонь!

Семь автоматов и два пулемёта ударили одновременно с трёх сторон. От внезапного грохота, казалось, вздрогнули бревенчатые стены. Комната мгновенно наполнилась голубоватым пороховым дымом. Удар был неожиданным, ошеломляющим. И цепи гитлеровцев, обходивших дом, на мгновение остановились, а затем опрометью кинулись назад, под деревья. На поляне осталось около двух десятков убитых и раненых.

Разведчики, не переставая, били из пулемётов и автоматов. Те, кому не хватило места у окон и на галерее, торопливо набивали опустевшие диски.

И вдруг среди дробных очередей, раскатистых винтовочных выстрелов, среди криков в уже привычном всеподавляющем шуме боя ухо уловило посторонний равномерный угрожающий звук: по просеке шли танки. И, словно взбодрённая гулом танковых моторов, из леса к дому вновь рванулась серо-зелёная цепь. Она мгновенно пересекла поляну и, оставив на земле в мёртвом пространстве у самых стен.

— Гранаты! — крикнул Герчик и первым швырнул две «лимонки» вниз. В атакующих полетели гранаты. Поляна мгновенно расцвела огненно чёрными кустами взрывов.

Раскалённый пулемёт дрожал в руках командира. Рядом стояли Александр Курлянский и Семён Корнеенков. Двойная дробь из автомата наполняла Герчика уверенностью и отчаянным азартом боя.

— Не возьмёшь, — цедил он сквозь зубы, — не возьмёшь…

И вдруг он почувствовал, что справа образовалась пустота. Оглянулся, Курляндский лежал на полу, широко раскинув руки. На груди его быстро расползалось тёмное пятно.

— Бей гадов! — командир опять приник к пулемёту. — За Сашку!

В глубине просеки показались два лёгких танка. Стрельба вдруг стихла, и в резкой внезапной тишине прозвучала громкая чёткая команда.

— Они хотят поджечь дом! — крикнул Курт. — Отдали приказ не стрелять.

Танки уже развернули башни, и, казалось, уставились стволами прямо в лицо.

— Все вниз!

Разведчики посыпались по лестнице и столпились у двери.

— За мной! — Ударом ноги командир распахнул дверь и выскочил на поляну. За ним в плотной завесе огня и гранатных взрывов бежали остальные. Сбитые с толку неожиданной дерзостью, гитлеровцы на миг растерялись. И этого было достаточно, чтобы скосить ближайших и покрыть половину расстояния до леса. Теперь путь вперёд был свободен. Противник угрожал только справа, где стояли танки.

Неожиданно Курт, бежавший рядом с командиром, вскрикнул, выронил автомат, упал на землю. Пуля попала ему в висок…

В докладной записке командованию говорилось:

«Группа в составе 20 человек под командованием Герчика, действовавшая в районе Руза за период с 6.11 по 9.11. минировала Звенигородское шоссе на участке Воронцово — Паново в 25 местах. При столкновении с карательным отрядом свыше 100 человек с танками… уничтожили до 30 человек, в том числе 3 офицеров, до 30 немцев ранено… Потери группы — 2 человека убитых…»

*) …бревенчатый дом — дом лесника. В этом доме через 1.5 г. жил и работал лесник Клещенков Михаил Корнеевич. Сейчас этот дом перенесён в другое место.

Материалы об этом бое хранятся в музее пос. Колюбакино. Красные следопыты Рузского района. Директор школы Валентина Дмитриевна Ветрова.

Выписка

из статьи В. Ефименко «В ноябре 41-го»

ЗАДАНИЕ 1 и 2.

«…Четвёртого ноября им выдали сухой паёк, тол, мины. После обеда оделись потеплее, примерили настоящие яловые сапоги. У ворот ждали полуторки…

24 говщину Октября встретили в лесу. Минировали дороги…

Под Рузой, в избушке лесника, куда группа зашла обогреться, они были окружены. Приняли бой. В неравной схватке Курт (Рёмлинг) и Саша (Курляндский) погибли…»

————

Примечание: *По воспоминаниям родственников Лизы.*

После своего первого задания Лиза Беневская, вернувшись домой в семью старшей сестры Нины, была очень подавлена и немногословна. Единственное, чем поделилась с сестрой: тяжёлым переживанием из-за трагической смерти Курта — немца-интернационалиста. Но ни фамилии, ни места гибели она не называла. Даже ни номера своей военной части, ни подробностей спецзадания она не сказала. Уходя снова на спецподгоговку, Лиза и не могла предупредить, куда и на какой срок она уходит.

.

ЗАДАНИЕ 3

Середина ноября 1941 г. В районе Серпухов — Нарофоминск. Группа Шумилина А.В. На задание они уезжали по шоссе Москва-Минск из Куцево, где жили на даче академика О.Ю. Шмидта, р. Сетунь.

Шумилин А.В. пришёл в в/ч 9903 вместе с Бирюковым В.С. из авиаполка 313 с 35 бойцами, был их командиром. Сейчас живёт где-то в Средней Азии. Свою дочь назвал в честь Манучаровой Е.Н., в отряде её звали Жанной.

В этом задании участвовала Манучарова Евгения Николаевна, 1923 г. рождения, образование высшее, член КПСС с 1955 г. Награждена медалью «За доблестный труд». Работала спецкором газеты «Известий». Дед Манучаровой Е.Н. Иван Манучаров был на Сахалине в ссылке, встречался там с Чеховым А.П., а её отец состоял с ним в переписке.

В своём первом задании Евгения Николаевна была вместе с В. Волошиной, посмертно

получившей звание «Героя России».

СОСТАВ ГРУППЫ:

1. Шумилин Александр Васильевич — командир (1914 г.р.)
2. Ахломова (Антоненко) Екатерина Фёдоровна.
3. Беневская Елизавета Ивановна (1915 г.р.)
4. Бирюков Василий Самсонович
5. Виноград Григорий Иосифович (1917 г.р.)
6. Голев Анатолий Николаевич (1917 г.р.)
7. Ильин Владимир Григорьевич (1912 г.р.)
8. Кифаренко Пётр Ефимович (1919 г.р.)
9. Коржень Григорий Сидорович (1915 г.р.)
10. Крапенкова Александра Георгиевна (1923 г.р.)
11. Максимов Дмитрий Фёдорович (1919 г.р.)
12. Манучарова Евгения Николаевна (1923 г.р.)
13. Марушак Григорий Максимович (1915 г.р.)
14. Мелёхин Василий Михайлович (1921 г.р.)
15. Мешков Василий Иванович (1920 г.р.)
16. Милосердов Иван Михайлович (1920 г.р.)
17. Николаев.

ВЫПИСЬ

из воспоминаний о группе Шумилина А.В. (архивная папка Шумилина), выдержки из книги «За огненной чертой» А.Ф. Юденкова, М. 1966 г.).

«…Группа Шумилина была отправлена на 2-ое задание в район Наро-Фоминска. В группу включили девушек. Среди них была Жанна (Манучарова Е.Н.). В честь неё я назвал свою дочку, Валя (?), Ганина Вера (?). Остальные неизвестны. До Подольска группу сопровождал офицер — направленец Шепелёв Роман. На передовой запомнился один эпизод. В кармане одного из наших бойцов взорвались минные запалы, бойцу оторвало пальцы. Пришлось его отправить в Москву. Через линию фронта отряд

переводил лейтенант, с которым мы плутали около 2-х суток. Командиры отказались от его услуг и решили переходить линию фронта самостоятельно. Нужно было переходить через реку Нару.

Через Нару послали в разведку двух бойцов. Один из них немец переводчик (Стаффорд?). Местные жители рассказали им всё необходимое. После их возвращения отряд переправился через Нару на воротах, снятых с сарая. Из-за того, что долго не могли перейти линию фронта у группы кончились продукты, поэтому Ильин обратился к председателю колхоза (немцы колхоз не распускали). Убили колхозную свинью, свежее мясо раздали каждому бойцу.

Состав группы был старым, что и в первом задании. Во время этого задания Шумилина ранило в руку. Во втором задании Каган не участвовал, так как находился в госпитале.

Задание выполнили. После возвращения Шумилина положили в госпиталь…»

ЗАДАНИЕ 4.

16 — 20 января 1942 г. Близ села Дунино и Сосновцы и Красный Посёлок (там была база партизанского отряда).

Каган С.Г. — комиссар отряда. Булычёв Василий Петрович — комиссар партизанского отряда, участвовавшего в этом бою.

СОСТАВ ГРУППЫ:

1. Пожарская Екатерина — Командир группы. (1918 г.р.)
2. Бабухина (Корнева) Зинаида Николаевна. (1922 г.р.)
3. Беневская Елизавета Ивановна. (1915 г.р.)
4. Елина (Столярова) Екатерина Степановна. (1922 г.р.)
5. Жеглова Надежда. (1923 г.р.)
6. Каравай (Паншина) Маргарита Михайловна. (1923 г.р.)
7. Королёва (Воробец) Александра Михайловна. (1922 г.р.)
8. Крылова (Паничкина) Елизавета Васильевна. (1922 г.р.)
9. Кутакова Лия Петровна. (1924 г.р.)
10. Новикова Лидия Васильевна. (1921 г.р.)

11. Пашуканис Софья Евгеньевна. (1924 г.р.)

РЕЙД ИСТРЕБИТЕЛЬНОЙ ГРУППЫ.

Политрук Э. Гурвич. («Красная Звезда» N 25 31.01.1942 г.)

Немцы под ударами наших частей откатываются всё дальше на запад. Линия фронта стала подвижной, а кое-где её т вовсе нет. немцы привязаны к дорогам и отступают только по дорогам, пригодным для передвижения обозов. Этим умело пользуются небольшие группы наших бойцов-истребителей. Они переходят линию фронта в стороне от путей отступления противника, а затем, очутившись в тылу у немцев, подкрадываются к их коммуникациям и нападают на отступающие колонны, сея среди них смерть и ужас.

17 января комиссар истребительной группы политрук прибыл со своими людьми на передовые позиции. Среди большой колонны наших войск терялась эта малочисленная группа истребителей, состоящая из молодых парней-добровольцев и даже из девушек. Все они впервые шли на такое трудное боевое дело.

Группа быстро встала на лыжи и, пройдя километров тридцать, незаметно для себя оказалась за линией фронта. Заночевали в одной деревне, днём перешли в другую, где встретилась с партизанами. Командир партизанского отряда и политрук Каган сразу «нашли общий язык». Нашли килограммов 70 немецкого аммонала, запалы.

Немцы очень долго строили дамбу через противотанковый ров, пересекающий дорогу между двумя деревнями. Пригодился трофейный аммонал: то, что немцы строили в течении нескольких дней, было уничтожено в одно мгновение. Движение немецких обозов по этому большаку прекратилось, но они продолжали откатываться по дороге, проходящей в районе соседней деревни.

Ночью истребители вышли и к этой дороге. Младший политрук Гоникман с несколькими бойцами заминировали её. Когда остальные бойцы прибыли к месту,

намеченному для засады, мины уже были расставлены. Вскоре показался офицер. Он ехал впереди обоза, растянувшегося километра на полтора. Наехав на мину, офицер с конём взлетел на воздух. Это послужило сигналом для отряда. истребители открыли огонь по немцам. С кольтом в руке вырвался к дороге комиссар Каган. Методично пулю за пулей посылал он, расстреливая в упор фашистов, метавшихся по дорге с криками: «рус, рус!» Комиссар был ранен в руку, но продолжал спокойно выпускать обойму за обоймой из своего пистолета.

С тем же хладнокровием действовали в бою девушки, стрелявшие из винтовок. Лидия Новикова, раненая в руку, требовала, чтобы ей снова зарядили полуавтомат. Подруга насильно оттащила её в сторону и, сделав перевязку, возвратилась обратно.

Два друга, Михаил Гоникман и Николай Семёнов, оба отличные стрелки, били по группе сгрудившихся немецких конников и не успевали подсчитывать сражённых ими фашистов. Комсомолец Фёдоров, бывалый истребитель, облюбовал группу немецких офицеров и первыми же выстрелами убил двоих. Потом, когда офицеры залегли и стали отстреливаться, Фёдоров, меняя после каждого выстрела свою позицию, уложил ещё девять офицеров.

Бой продолжался, пока, оставшиеся в живых фашисты, не повернули обратно. На дороге осталось много трупов немецких солдат и офицеров, более 12 разбитых повозок, груды разбросанного снаряжения. Отход немцев задержан, задача выполнена, остальное сделают наши наступающие части.

Группа истребителей продвинулась дальше по дороге и тщательно её заминировала. Подготовив врагу «подарок» на следующий день, она вышла в обратный путь к своим.

Примечание:

Эта статья написана со слов Семёнова и Гоникмана. Допущены некоторые неточности (Паншина М.М.)

ПРИКАЗ

войскам Западного фронта

О награждении и личного состава.

17 февраля 1942 г. N 191. Действующая Армия.

От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР, за образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество награждаю:

ОРДЕНОМ КРАСНОГО ЗАНМЕНИ

1. Старшего сержанта Бирюкова Василия Самсоновича.
2. Младшего воентехника Ильина Всеволода Григорьевича.
3. Политрука Кагана Самуила Григорьевича.
4. Лейтенанта Чернышевича Владимира Николаевича.

ОРДЕНОМ «КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ»

1. ***Бешевскую Елизавету Ивановну****
2. Красноармейца Гоникмана Исаака Хаймовича.
3. Младшего лейтенанта Ермоченко Ивана Васильевича.
4. Старшего сержанта Лохова Михаила Александровича.
5. Старшего сержанта Тючкалова Кузьму Филипповича.

МЕДАЛЬЮ «ЗА ОТВАГУ»

1. Старшего сержанта Винограда Григория Осиповича.
2. Сержанта Голева Анатолия Николаевича.
3. Старшего сержанта Кисоренко Петра Ефимовича.
4. Заместителя политрука Корженя Григория Сидоровича.
5. Старшего сержанта Максимова Дмитрия Фёдоровича.
6. Фёдорова Константина Ивановича.

МЕДАЛЬЮ «ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ»

1. Короткова Николая Александровича

Командующий войсками Член Военного Совета

Западного фронта Западного фронта

генерал армии И.С. Хохлов.

Г.К. Жуков.

***) В газете допущена опечатка: вместо буквы «н» напечатана – «ш».**

Примечание: В этой газетной публикации сделана опечатка — фамилия Е.И. Беневской напечатана как БЕШЕВСКАЯ. Из-за этой опечатки, по-видимому, после гибели Лизы орден не был вручён тогда ещё здравствующим её сёстрам, а наоборот — они получили извещение, что она «пропала без вести». И только в этом 2005 г. после обращения в КООРДИНАЦИОННЫЙ ЦЕНТР «Награды Великой Отечественной войны», в который я обратилась по подсказке Малафеева Аркадия Михайловича из «Общероссийской общественной организации ветеранов войны (а в свою очередь на него мне подсказал выйти ДМИТРИЕВ Дмитрий Маринович — председатель совета ветеранов в/ч 9903) — был получена копия ОРИГИНАЛА ПРИКАЗА за подписью Спрогиса, и Дронова, представивших Беневскую к награждению.

ВЫПИСКА

из статьи М. ЗАИКИНА «Разведчик Семёнов», газета ТРУД от 19.01.1972 г.*)

«…В январе 1942 г. несколько групп были объединены. Командиром сводного отряда из 36 бойцов был назначен Семёнов. Получив боевое задание бить отступающего в районе Можайск — Верея врага, отряд 17 января прибыл на передовые позиции наших войск в район Дорохова. Пройдя на лыжах через линию фронта, встретился с местными партизанами. И когда разведка донесла, что гитлеровцы начали откатываться от линии

фронта по большаку в район соседней деревни, отряд ночью вышел к этой дороге, заминировал её.

К полудню 19 января показался немецкий обоз, растянувшийся чуть ли не полтора километра. Вот уже проехали конники мимо одного фланга засады, проехало несколько телег и саней, везя награбленное добро, боеприпасы. шли и пешие гитлеровцы, закутанные от крепкого мороза. Первый всадник подорвался на мине. «Бей гадов!» — скомандовал Семёнов. Грянули залпы. Около четырёх часов длился этот бой, пока, к сумеркам, оставшиеся в живых гитлеровцы не повернули обратно…»

————

* Беневская Е.И. погибла в этом бою именно 19.01.1942 г.

Н.А. СЕМЁНОВ*

РАССКАЗ О БОЕ ПОД СОСНОВЦАМИ записан 6 октября 1976 г.

(по архивным материалам музея в/ч 9903 школы N 1272 г. Москвы)

«Группа Кагана и Семёнова (одни ребята) совместно с группой Пожарской (девушки подчинялись им) получила задание в Москве: объединённым отрядом перейти линию фронта в тыл врага в район Уваровки и других населённых пунктов.

Посовещавшись, командиры решили переходить большак вблизи деревни Сосновцы для продвижения по своему маршруту. Бой как таковой не входил в планы командиров.

На ближнем к Красному Посёлку (правом) фланге расположилась группа Семёнова, на левом группа Кагана, по его выстрелу группа должна была начать переход дороги. Но отступающий вражеский обоз шёл без перерыв. Уже начинало темнеть, когда сигнал был дан и отряд начал перестрелку, т.е. начал бой с неравными силами. В центре избранной дугообразной линии засады находилась группа Пожарской. такое расположение подсказал Новиков Михаил (он был уже до войны милиционером и кое-что практически умел). Девушки оказались как бы под прикрытием своих, и, в случае окружения врагом имели бы больше возможностей для отхода, а ребята приняли бы на себя натиск врага. Сам Новиков расположился в центре дуги ближе к дороге. Перед боем Новиков отошёл вглубь занятой позиции и подозвал Семёнова и Пожарскую. На этом коротком отдыхе он в разговоре с ними сказал о том, что он себя как-то плохо

чувствует, что ему как-то не по-себе. (Это был последний разговор Семёнова с Новиковым перед его гибелью). По предложению они выпили по глотку водки из фляги. Пожарская, как и все, в тот момент замёрзла, и Новиков ей предложил свой полушубок, поэтому этот эпизод должен остаться в её памяти. Вскоре они разошлись каждый по своим местам. Поскольку сидели в засаде долго, меняли сидящих ближе к дороге, позволяя им немного согреться. девушки сгруппировались под елью.

Когда Каган дал сигнал, началась оживлённая перестрелка. И немецкими ответными очередями, посланными наугад вверх по склону, были ранены девушки и убиты Жеглова и Чарская*, по-видимому, и Новиков Михаил.

Затем, когда немцы опомнились от неожиданного удара, завязался неравный бой, и по цепочке от Кагана пришёл Семёнову приказ отступать, поскольку дальнейшая перестрелка была нецелесообразна, так как и справа и слева дорога опускалась со склонов в низину и была забита немецкими частями, и силы были явно неравные.

Группа Семёнова оказалась в самом жарком месте. Она прикрывала отход товарищей. Сам Семёнов возвращался в деревню с Огородниковым Лёвой. Многие потеряли при отступлении лыжи. Выбираться было трудно по глубокому снегу, было темно, след потерялся. На их пути стал небольшой костёр, они пришли к нему вдвоём. И один из местных пареньков довёл их к партизанам. Они пришли последними в партизанский отряд. В штабной палатке Семёнов увидел раненых Новикову Лиду на нижних нарах и Короткова Николая на верхних.

Затем 3 группы разошлись каждая по своим землянкам, и здесь каждый командир занялся подсчётом потерь. Семёнов обнаружил отсутствие Новикова Михаила, а Пожарская двух девушек, кроме убитых в бою на глазах у товарищей.

Семёнов и Каган направили своих бойцов на поиски пропавших. Трудно сказать сейчас, почему они не вернулись с погибшими. Были ли они на месте боя, действительно ли тщательно искали? В то время, после боя и усталости как-то иначе всё воспринималось. Семёнову запомнилось лишь то, что командир местного отряда обещал захоронить погибших вместе с местными жителями.

Запомнились ему две пожилые женщины в партизанском лагере. они советовали отряду уходить из этих мест.

Через полтора-два дня группа Семёнова пошла по своему маршруту вглубь тыла противника, а группа Пожарской и Кагана вернулась к своим через линию фронта.

Новиков Михаил на 7-8 лет старше Семёнова (примерно 25 лет), москвич, до войны работал милиционером. За два дня до этого задания (это был его первый выход в тыл в составе в/ч 9903) Семёнов был дома у него. Их встретила мать, в то время уже пожилая. В беседе Михаил сказал о том, что был женат, но разошёлся и что у него есть сестра. Жил он у Курского вокзала в сторону Земляного вала на противоположной стороне, в доме за тем домом, где жил Чкалов. Дом выходит на Садовое кольцо, вход со двора в левом крыле на 3-ем или 4-ом этаже.

В группе был Кутилин. Он сильно заикался, а когда волновался, совсем не мог ничего говорить. До войны жил в бараках на 4-ом километре (теперь «Новые дома»)

На задание в Сосновцах Фёдоров Костя не ходил. Костя попал в часть случайно с помощью Короткова Николая, с которым он был в каком-то родстве. Его привезли в часть без разрешения командира, и уже в части Семёнов хлопотал за него. В первом же задании Фёдоров получил медаль «За отвагу» или Орден «Красной звезды» вместе с Семёновым…»

——————-

*Семёнов Николай Александрович родился 8 сентября 1923 г. в селе Никольском Плавского района Тульской области. Член ВЛКСМ с 1938 г. Перед войной окончил ФЗУ и работал на заводе N 205 в Москве.

В июле 1941 г. добровольно вступил в ряды Советской Армии: был командиром взвода танко-истребительного батальона в г. Москве. С октября 1941 г. по октябрь 1943 г. находился в войсковой части 9903 в должности командира разедывательно-диверсионной группы и неоднократно забрасывался в тыл противника. Участвовал в комиссии по опознанию казнённых фашистами своих однополчан под Волоколамском. Был первым, кто по фотографии казённой фашистами партизанки «Тани» узнал в ней свою однополчанку Зою Космодемьянскую, с которой был хорошо знаком.

В качестве командира группы 4 раза переходил в тыл противника под Москвой. С апреля 1942 г. по сентябрь 1943 г. был в Дятьковской партизанской бригаде. В 1944 г. был направлен в Горьковское танковое училище, а по окончании его, став офицером, служил в танковых войсках. Участвовал в Кампании советских войск против империалистической Японии.

Уволился Николай Александрович из армии в 1960 г. За храбрость и отвагу, проявленные в борьбе за Родину, он награждён орденами Красной Звезды,

Отечественной войны I степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», а также семью юбилейными медалями.

После увольнения жил и работал в Москве. Скончался в 1966 г.

————

Комсомолки: Таня Орлова, Соня Пошуканис, Лида Новикова, Зина Шеборчина, Тося Штырова погибли в 1942 г. на Брянщине.

СВЕДЕНИЯ ИЗ АРХИВА В/Ч 61379 О ПОСЛЕДНЕМ БОЕ, В КОТОРОМ УЧАСТВОВАЛА Е.И.БЕНЕВСКАЯ (ОТРЯД КАТИ ПОЖАРСКОЙ).

По имеющимся у нас данным в январе 1942 г. по заданию штаба Западного фронта в тыл немецко-фашистских войск был направлен отряд под командованием младшего воентехника Ильина В.Г. Комиссаром этого отряда был назначен политрук Каган С.Г.

В отчете о работе в тылу противника с 16 по 21 января 1942 г., подписанным 25 января 1942 г. командиром сводной группы Семёновым Н.А. и командиром группы девушек Пожарской Е.Я. указано:

«…16.1.1942 г. отряд в составе 57 человек под командованием мл. воентехника т.Ильина и политрука т.Кагана перешел линию фронта в районе Брюхово, Свердлово. Из целесообразности выполнения поставленных задач отряд разделился на 2 группы. Одна группа в составе 22 человек под командованием Ильина пошла в район Сосновцы, Марьино, Рахманино, Головино… В районе Сосновцы, Головино всей группой была устроена засада противника. По дороге двигались отходящие части противника… был открыт огонь по колонне противника. В этом бою уничтожено около 200 солдат и офицеров, 12 повозок. Бой продолжался 45 минут. Движение было остановлено около суток. Во время боя пали смертью храбрых 2 бойца: Новиков Михаил Павлович и Жеглова Надежда Леонтьевна. Были тяжело ранены 3 бойца: Беневская Елизавета, Елина Екатерина, Кутакова Лия.

21 января 1942 г. личный состав группы был выведен из тыла противника в район

Свердлово. Тяжело раненые оставлены в землянках партизанского отряда, где комиссаром т. Булычев Василий Петрович.

Убитые похоронены бойцами отряда комиссара Булычева. В архивных документах обнаружен список личного состава партизанского отряда под командованием майора Гаева В.Н., однако, он не подписан и дата составления не указана. Копия списка прилагается.

Другими сведениями не располагаем.

Приложение: копия списка партизанского отряда на 4 листах, только адресату.

Командир в/ч 61379 И. Пупышев

ВЫПИСКИ ИЗ МАТЕРИАЛОВ АРХИВА ШКОЛЫ N1272 ПО ГРУППЕ

Е. ПОЖАРСКОЙ В/Ч 9903

Рядовым бойцам в/ч 9903 посвящается

ОЧЕРК ПЕРВЫЙ

«ВТОРАЯ ДЕВИЧЬЯ»

Горчаков

Глава 2. стр.2

…Была и еще одна девушка, учительница Лиза Чарская.* Память друзей не сохранила ее фамилии, и для своих боевых подруг она навсегда осталась бы просто Лизой, но в ходе работы над этим очерком буквально в последние дни Маргарита Михайловна Каравай дала нам свои воспоминания, документы и письма тех далеких лет и в одном из воспоминаний появилась эта фамилия. Теперь кроме внешнего описания: «Высокая, плотная, со шрамом на лице», мы располагаем фамилией. Такие находки в поиске редки, они представляют для поисковой группы самую большую ценность.

* Лиза Чарская — Е.И. Беневская

Глава 3.

из письма М.М. Каравай от 4.11.1948 г.:

стр.9.»…А потом и Лиза Чарская появилась»

стр.11. «…Где Лида, Соня, Надя, Лиза?** Почему нет их этих замечательных, красивых, отважных девчат?»

Глава 5.

«…Во второе задание группу провожал все тот же офицер направленец Старовойтов Федор. На этот раз группа ушла на задание в несколько измененном составе. Мила Хотовицкая, тяжело обморозившая ногу в первом задании, так и не смогла поправиться, вскоре ей ампутировали пальцы на ноге, но из строя она не вышла. О дальнейшей судьбе этой отважной девушки вы узнаете в последующих главах. В группу была зачислена Лиза Чарская — учительница***, пришедшая в группу Пожарской после выполнения подобных заданий в составе других групп…»

*** В тексте «Чарская — учительница***» ручкой уже исправлено на «Беневская — преподаватель МЭИ». Далее идет описания второго задания группы, и это было и вторым заданием Е.И. Беневской.

«…Второй раз девушки перешли линию фронта, объединившись с другой диверсионной группой.

За линией фронта начали углубляться в лес, и почему-то казалось, что повсюду стоят немецкие часовые, но разведчики продолжали идти вперед, и только, когда группа оказалась в кольце и противник открыл перекрестный огонь, осознали свою ошибку. Сначала трудно было даже понять, откуда стреляют. Пули начали бить по вещмешкам, по котелкам, привязанным к ним. Потом бойцы догадались, что стреляют сверху, с деревьев. (Позднее узнали, что это были финские стрелки). Это было совершенно неожиданно, так как известно было, что немцы боятся лесов, и по лесам наши разведчики ходили смело. И надо же такому случиться, что у Лии Кутаковой отказал

затвор винтовки СВ. Со всех сторон стреляли, она на виду врага, а ответить не может. Тогда она вскочила во весь рост и со всей силы ударила по курку. Автомат заработал. Началось отступление.

Один из командиров (белоголовый, возможно, Рахманин) приказал снять мешки и отходить в небольшую брешь в кольце противника.

Группа Пожарской в момент окружения шла замыкающей, Пожарская шла во главе ее. В суматохе отступления Пожарская осталась одна. Она поползла в сторону от места перестрелки. Дело было ночью, и, к своему удивлению, Катя очутилась в расположении немцев. Пожарская отчетливо видела землянку, возле которой ходил часовой. Был момент, когда он шел прямо на нее, и Катя уже готовилась подорвать его. Лежа на спине, Пожарская головой вперед стала отползать и наткнулась на отбившуюся от своей группы однополчанку, но из другой группы. С трудом они пробились вдвоем к своим и встретились с собравшимися товарищами по группе. Вот тут девчатам досталось от Кати. Из-за того, что все побросали вещмешки во время обстрела в лесу, группа осталась без боеприпасов и выполнить задание уже не могла. Пришлось вернуться за вещмешками, но ничего найти не удалось. Среди бойцов были раненые.

Другая группа Григория Посохина, одновременно с группой Пожарской участвовавшая в боевом задании в соседнем районе, выполнив своё задание, возвращалась в Москву на базу части вместе с группой Кати Пожарской. При отступлении в группе Григория Лаврова Юра Посохин наступил на мину. Ему оторвало стопу правой ноги, и его несли на шинелях.

Потерь в группе Пожарской не было, но в душе остался какой-то неприятный осадок, и девушки ругали себя за беспечность по отношению к маскировке (синие вещмешки девушки одели поверх маскхалатов), которая привела к провалу задания. По этому во втором задании группа фактически вошла во вражеский тыл и вышла.

Вернулись в Истру числа 12 декабря. Город только-только освободили наши наступающие войска. Дома были совершенно пустые, окна выбиты, хозяев не было, все было разбросано: книги, мебель, все было как после погрома. Девушки постелили солому и там переночевали.

Вернувшись в Москву, они на неделю получили увольнительную и жили по домам. Когда вернулись в часть, то приступили к тренировкам на лыжах, то есть ведению боевых действий в зимних условиях.

ОПИСАНИЕ БОЯ, ИЗ КОТОРОГО Е.И. БЕНЕВСКАЯ НЕ ВЕРНУЛАСЬ. И СЧИТАЛАСЬ ПРОПАВШЕЙ БЕЗ ВЕСТИ.

(перепечатано из того же очерка «ВТОРАЯ ДЕВИЧЬЯ»)

Глава 6.

В четвёртое задание группа Пожарской уходила уже с Красноказарменной, где разместился штаб воинской части 9903.

Наступила настоящая зима. Все учились ходить на лыжах. Лучшей лыжницей среди девушек группы Пожарской была Соня Пошуканис. Она была сильная, выносливая. Катя Пожарская приуныла, говоря: «Теперь я над вами не командир». Не любила она лыжи, плохо ходила. Но начались усиленные тренировки в Измайловском парке, и скоро все сносно ходили на лыжах. Подготовка окончилась.

В январе 1942 г. группа Кати Пожарской вместе с двумя другими группами этой же части во главе с Николаем Семеновым и Ильиным получила задание в районе Звенигорода. В этих группах все ребята были солидные, гораздо опытнее девушек.

По данным разведки фронта, по шоссе Можайск — Смоленск отступали немецкие части. Эти отступающие части должны были быть разгромлены. Такое задание получили диверсионные группы.

Однажды, уже под вечер, отряд зашел в деревню, где их встретили местные женщины. Они рассказали о том, как расправляются с местными жителями немцы, говорили, что в этом районе действуют партизаны.

Уходя, немцы увозили очень много добра, по дорогам двигались огромные обозы из телег, груженных награбленным. Позиция в окрестностях деревни была удобная, и ребята решили напасть на один из обозов.

Выбрали позицию от деревни Сосновцы, лежащей Северо-Западнее Боровска. Весь следующий день готовились к засаде, проверяли оружие.

Как только стемнело, отряд в количестве 35 человек под командованием комиссара объединенного отряда С.Г.Кагана на лыжах выступили к месту боя. Деревня Сосновцы

стояла на бугре, лыжники спустились по склону и углубились в лес, минут через 20 остановились на изгибе дороги и залегли вдоль нее: группы Семенова и Ильина на флангах, группа Пожарской — в центре, на опушке лесного склона.

В километрах в 2-х от деревни, на повороте большака ждали обоз с награбленным добром. Ждать пришлось не долго. Первыми на дороге показались дрожки: на них, видимо, ехал начальник, ноги его были закрыты пледом, а за ним потянулся обоз. Неприятно было смотреть на этих воров. Чего только не было в повозках: узлы, корыта, самовары — все, что попадалось под руки. Комиссар С.Г.Каган дал выстрел — сигнал к началу боя. Немцы не ожидали засады и в первый момент растерялись, началась суматоха, крики раненых. Затем подоспело подкрепление, и завязался бой. Пули свистели над головой. Позиция, выбранная девушками, была не очень удачной, к тому же у них были винтовки, а у ребят — минометы. Как только немцы открыли огонь по склону, на котором залегли девушки, появились первые раненые. Дело было зимой, маскхалаты, лыжи, сковывали бойцов. К тому же отряд залег в кустарнике, который очень мешал передвигаться.

Был приказ отходить.

В первые же минуты боя была ранена Лида Новикова: пуля ударила в бляху ремня и рикошетом ранила руку. В сердце была ранена Надя Жеглова. Пожарская только успела поднести к ее губам снег, как она скончалась. Наповал убило Лизу Чарскую*, тело ее обвисло между двух стволов берез, за которыми она скрывалась. Разрывной пулей тяжело была ранена в бедро Катя Елина. Пожарская дала команду отступать, местом встречи была деревня Сосновцы…»

(Далее следует рассказ о подвиге Лии Кутаковой — 2-ой Мересьев: с ранением обеих ног проползла на лыжах, привязанных к рукам 10 часов).

«…Пожарская, бросившись за помощью, встретила отступавшего Мишу Гоникмана и прямо расплакалась. Она тяжело переживала ранение и гибель своих подруг: ведь это были первые ее потери, и, честно говоря, она растерялась. Тут же из Сосновки отправились за ранеными товарищами, но на месте нашли одну Катю Елину.

Засыпали снегом убитых Надю и Лизу (выделено Т.М.Осиповой).

Катю Елину положили на связанные вместе лыжи и повезли в Сосновцы…»

«Группа должна была возвращаться в Москву, и девушки оставили раненых Лику и

Катю в партизанском лагере до прихода Красной Армии…»

«…К концу января Сосновцы освободила Красная Армия…»

* В тексте карандашом фамилия исправлена на Беневскую.

«ГОЛОС РОДИНЫ

Еженедельная газета Советского общества по культурным связям с соотечественниками за рубежом

(общество «Родина») N 29 Июль 1978 г.)

О. СТАРЦЕВА

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВАШИХ ДОРОГ

(интервью с Пожарской Е.Я. — командира девичьей группы в/ч 9903)

Есть в Москве аллея, когда идёшь по ней, просто боишься нарушить тишину; хочется говорить шёпотом. АЛЛЕЯ ПАРТИЗАН — место священное, тонкие высокие берёзы, будто не растут, а легко и стремительно взлетают ввысь, словно гроздья салюта в память погибших на войне.

В тишине деревьев идём с Екатериной Яковлевной Пожарской. Бывают такие женщины, которых в народе полушутя, полулюбя называют командирами. Ещё в детстве они, боевые девчушки, становятся вожаками детворы, играют с мальчишками в футбол, отважные, решительные, справедливые, они стараются ни в чём не отставать от своих сверстников. Такой росла Екатерина Яковлевна.

Когда началась война, она добровольно пошла на фронт. за боевой и смелый характер её назначили командиром женской партизанской группы.

Екатерина Яковлевна закурила папиросу, задумалась.

— А рощица там точно такая же была. Вот и сейчас, кажется, того и гляди выйдут наши ребята из леса.

Она шагнула навстречу берёзам и… словно очутилась в том, теперь уже далёком времени, отошла лет на тридцать пять назад, в глубину своей памяти…

«Мороз-то очень сильный был тогда, в январе 42-го. нашу группу забросили в тыл врага. На Смоленщине* это было, недалеко от деревни Сосновцы. Мы шли по лесу на лыжах, одетые в белые маскировочные костюмы. Что греха таить, страшно было: одни в лесу, да и задание не из лёгких — устроить немцам засаду.

Слышим — движутся по большаку обозы, горланят фашисты что-то на своём языке, не ждут нападения. Их автоматы лежат на телегах.

— Ну, девчата, — говорю своей группе, — покажем проклятым «кузькину мать»!

Рассыпались по лесу, прицелились. Огонь!

Начали гитлеровцы как тараканы разбегаться. Но замешательство их было недолгим, и ответный огонь прямо-таки обрушился на нас.

— Отходить в лес! — дала я команду.

Лиза* (жаль, никак не могу вспомнить её фамилии) стреляла почти у самой дороги, укрывшись между стволами берёз, такая же белая в маскировочном костюме и стройная, как они. Она крикнула:

— Девчата, идите! Я прикрою вас!

Только успела сделать несколько выстрелов, как слышу её стон:

— Нет, девчата, не могу, видно, отстрелялась уже я.

Как сейчас помню: медленно оседает на снег Лиза, скользит спиной по стволам берёз… Не уберегли берёзы девушку. И показалось мне, будто поняли деревья свою вину и не дают Лизе упасть, словно подхватывают её. Так и осталась она между стволами, только автомат соскользнул с плеча и упал в глубокий снег.

Девчата отходят. Всё сильнее фашистский огонь. Вдруг слышу: «Ой». Оборачиваюсь. Надюша Жеглова схватилась за грудь. Смотрит на меня медленно угасающими глазами.

— Что, Надюша, что, милая? Ранена?

Ничего не говорит. тут я подхватила её на руки. А она уже задыхается, тихо и жалобно просит пить, дала ей горсть снега. Она глотнула чуть, еле слышно проговорила:

— Катюш, расскажи землякам, что я на родине своей погибла, на Смоленщине, — и опустила окровавленную ладошку… Навсегда замолчала Наденька Жеглова. А ведь самой весёлой из нас была. Радовалась, когда на задание шли. Сама-то она родом из Смоленской области, а деревня Сосновцы лежит как раз на границе Московской и Смоленской областей.

… Отход нашей группы прикрывала Лика Кутакова. Вдруг рубанула ей по ногам автоматная очередь… Лика пыталась снять лыжи с перебитых ног. Долго не слушались обмороженные пальцы рук. Освободилась от лыж, услышала стон. Подползла ближе и увидела раненую в обе ноги Катю Елину. Двигаться Катя сама не могла, и тогда Лика поползла за помощью. Через два дня добралась она до посёлка. деревенские ребята увидели на снегу девушку. она ползла на коленях, вставила обмороженные в изодранных варежках руки в крепления лыж.

— Там Катя! — с трудом выговорила она. Подругу Катю уже вынесли товарищи из леса. Лику подняли, понесли в дом. До сих пор не забыть ей тех ласковых рук, домашнего тепла, запаха щей из печи.

Местные партизаны оставили раненых девушек у себя, позже помогли группе переправиться через линию фронта.»

Екатерина Яковлевна закончила свой рассказ. Несколько мгновений шли молча. Это — минута молчания в честь павших однополчанок.

— Екатерина Яковлевна, — обращаюсь я, — знаете, некоторые наши соотечественники пишут, что им часто приходится слышать, как разные деятели на Западе призывают забыть о войне. рассказы ветеранов войны, их подвиги относятся, мол, к далёкой истории. И если мы хотим мира, то надо писать и говорить только о мире. И ещё. В некоторых Европейских странах, например, отменили даже празднование Дня Победы.

— Как?! Разве можно такое забыть? Много времени прошло, но до сих пор снятся бомбёжки, пожарища. До сих пор болят рубцы старых ран. Как же, скажите на милость, можно забыть о войне? У нас в стране нет семьи, которой бы не коснулась война. Разве можно не отмечать победу, завоёванную миллионами жизней? Забыть Победу, которая спасла Европу от фашистской чумы. Забыть то, благодаря чему мы сегодня живём? Нет, никогда не перестанет всё человечество вспоминать, говорить,

снимать фильмы, писать книги о войне. Слишком уж дорого она нам обошлась. Знаю, кое-кто на Западе говорит, что писать и помнить о прошлой войне — значит, мол, готовится к новой. Посмотрели бы лучше на себя те, которые так много рассуждают о мире, а сами продолжают гнаться за наращиванием вооружения, изобретать новое страшное оружие, вроде нейтронной бомбы. О мире надо не писать, не говорить пустых слов — за него надо бороться.

Потом, когда мы пришли к Екатерине Яковлевне домой, она прочла мне письмо, которое прислали ей пионеры 15-ой московской школы (теперь школа N 1272):

«Собираемся в поход на Брянщину. Главная цель — узнать о гибели Ваших однополчанок: Сони Пашуканис и Лиды Новиковой, пропавших без вести в том районе. Хотим пройти по маршруту одного из Ваших заданий».

Ребята идут дорогами отцов и дедов, чтобы самим хотя бы чуть-чуть узнать, ощутить, какой ценой досталась победа в 45-м. И поэтому более 10 лет назад у нас в стране среди молодёжи родилось патриотическое движение — ВСЕСОЮЗНЫЙ ПОХОД ПО МЕСТАМ БОЕВОЙ СЛАВЫ СОВЕТСКИХ ВОИНОВ. За эти годы миллионы молодых следопытов открыли имена неизвестных героев. Скольким матерям помогли они узнать о подвигах их отцов, мужей и детей.

— И каждый раз в гостях у пионеров или комсомольцев я призываю молодёжь отстаивать мир сегодня с таким же упорством и энтузиазмом, с каким завоевали его в годы войны. А ведь бороться за мир на войне куда тяжелее, чем охранять его в мирное время!

…Через несколько дней после встречи с Екатериной Яковлевной я снова пришла на АЛЛЕЮ ПАРТИЗАН. Я услышала звуки пионерского горна. Ребята какого-то пионерского лагеря устроили на АЛЛЕЕ торжественный митинг, посвящённый началу летних каникул. Мальчик с красным галстуком читал стихи:

У отцов на висках седина,

Давних ран беспокоят рубцы.

Комсомольск, ДНЕПРОГЭС и ВОЙНА —

Это Ваши дороги, Отцы.

В дальний путь, где орбиты круты,

Мы за миром уходим вперёд.

Это — наши дороги, Отцы, —

Продолжение Ваших дорог.

* Деревня Сосновцы находится около границ Смоленской и Московской областей в Калужской области

** Лиза Беневская, в первых воспоминаниях однополчанок фигурировала как Чарская.

А. БАЛИН*

ДЛЯ ТЕБЯ, ЧЕЛОВЕК...

(газета «КИРОВЕЦ» за 24 февраля 1962 г.)

К 44-й годовщине Советских Вооружённых Сил. Очерк о Кате Елиной — участнице группы Пожарской Е.Я.

Я хочу рассказать о женщине, которая не строила дворцов, не сидела за штурвалом боевого самолёта, не мчалась на торпедном катере сквозь бешеные волны штормового моря, эта скромная женщина совершила большее.

Думала ли девятнадцатилетняя девушка Катя Елина, работница заводской охраны, что когда-нибудь её сердце превратится в камень? Что в сердце будет гудеть и гудеть только один огонь — огонь ненависти?

Враги пришли на нашу землю. В сердце Кати пришла ненависть. В дни величайших испытаний происходит великая переоценка человеческих качеств и возможностей.

С группой подруг Катя явилась в заводской комитет комсомола.

— Пошлите нас на фронт! — в один голос заявили девушки. Среди них Катя выделялась

какой-то незаурядной собранностью, в её крупной фигуре

— уверенность раз и навсегда принятого решения. А как много говорил проникновенный взгляд широко поставленных глаз — в нём жило мужество и глубокая мудрость как-то вдруг сразу повзрослевшего человека.

Может быть, глядя в эти огромные глаза, не отказал секретарь девушкам. Может быть и в горкоме, ощущая на себе неотразимый взгляд Катиных глаз. Шелепин не стал распространяться долго насчёт трудностей, которые ожидают девушек.

Солдатом-мстителем стала Катя Елина. В тот же день пришла она в штаб партизанского отряда особого назначения, начались дни подготовки к боевым действиям. Сверхчеловеческие силы требовались для того, чтобы за короткий срок научиться владеть пулемётом, автоматом, пистолетами разных систем. Приёмы штыкового боя чередовались с тактическими занятиями на местности, изучалось применение оружия ближнего боя: ножа и «карманной артиллерии» — гранат.

Посуровела Катя. Под ушанку спрятала свои непослушные белокурые волосы, в уголках её полных, по-девичьи припухлых губ появились, вернее, наметились первые горестные складки. Да так и остались они, как напоминание о тех днях и ночах, полных небывалого напряжения.

В воинской части особого назначения обучалась и Зоя Космодемьянская, она действовала в одной из его боевых групп и в первых числах декабря 1941 г. не вернулась из задания, уйдя в бессмертие. Зоя была казнена 29 ноября 1941 года.

Тяжело переживал отряд гибель своей боевой подруги. Комиссар отряда Коган, человек прекрасной души, неистощимой энергии, образец человеческой чуткости и отзывчивости, произнёс в тот тяжёлый день слова глубокой скорби. Он говорил о подвиге, он говорил о Родине, он говорил о долге, он говорил о человеке.

Катя навсегда запомнила комиссара. И часто, очень часто удивлялась она: «Откуда же берутся силы у немолодого, не совсем здорового, малорослого человека? Когда же он спит или просто отдыхает? Когда он находит время для еды?»

Катя училась у комиссара неиссякаемому патриотизму, любви к людям, не состраданию, а большой всеобъемлющей любви, которая помогает жить и побеждать.

В воинской части боевые действия выполняли группы от 10-13 человек, а иногда и до 100 человек и более. Взрывалось железнодорожное полотно, минировались мосты и

шоссейные дороги в районе городов Волоколамска, Клина, ткацкой фабрики имени Ленина села Высокого. Истреблялись гарнизоны немцев и полицаев.

В конце января 1942 г. их группа, в которой было 13 человек, начала тщательную подготовку к глубокому рейду в тыл противника. К каждому заданию Катя готовилась вдумчиво, без нервной спешки, хотя волнение не покидало её ни на минуту.

И на этот раз она старательно натёрла широкие лыжи мазью, чтобы не тратить лишних сил при плохом скольжении — силы были нужны для борьбы. На дне вещевого мешка аккуратно распределила россыпь автоматных патронов. Выше их — запасные диски и взрывчатка. Финский нож и гранаты «Ф-1» были всегда под рукой у пояса.

Девушкам предстояло соединиться с другой оперативной группой в 33 человека, перейти линию фронта на Можайском направлении и заминировать в заданном районе мост и шоссейную дорогу, по которым проходили фашистские танки, автомашины и эвакуировалось награбленное у мирного населения имущество.

…Катя молча, сосредоточенно работала лыжными палками. Казалось, что бездонные её глаза стали ещё бездонней. Несколько раз Надя Жеглова, которую в отряде звали «Чижиком» *(Примечание М.М. Паншиной: Здесь допущена ошибка. «Чижиком» называли в группе Лизу Паничкину),* пыталась вызвать Катю на разговор. Катя отмалчивалась, голос мог выдать её душевное состояние: родная деревенька под Тулой была разрушена, мать и братишка пропали без вести.

А Надя щебетала, что скоро они придут к её родным «на лепёшки». Ночью пересекли линию фронта. Мертвенный свет ракет изредка освещал затаившийся лес. шли быстро, чтобы до рассвета управиться с минированием.

Благополучно прошла операция по заминированию моста и шоссе. Едва успел последний подрывник скрыться в кустарнике, как на шоссе показалась колона автомашин с солдатами. Машины двигались медленно, сопровождая обоз с награбленным добром.

Быстро было принято решение: учитывая, что охрана обоза не слишком многочисленная, открыть огонь, уничтожить охрану и постараться направить обоз по лесным дорогам с тем расчётом, чтобы вернуть имущество пострадавшим.

Головная машина с офицером прошла, не подорвавшись. Следующая машина взлетела в воздух. Мины начали рваться и под обозными повозками. Беспорядочными

автоматными очередями охрана осыпала опушку леса.

Группа рейда прицельным огнём разила фашистов. Кажется, победа была уже близка, когда во фланг группы ударили вражеские пулемёты и автоматы, — к немцам пришло солидное подкрепление из ближайшей деревни.

Солдаты, охранявшие обоз, воспрянули духом. Смыкалось кольцо окружения. Вот-вот будет потеряна последняя возможность отхода.

Нет, не сразу вдруг у Кати созрело решение прикрыть отход группы огнём автомата и гранат. Оно начало зреть ещё тогда, в заводском комитете комсомола, в мужественных и задушевных беседах с комиссаром Каганом, в тяжёлый день гибели Зои. Кто знает, может быть, и раньше начала Катя готовить себя к беззаветному подвигу…

…Надя Жеглова даже не мыслила себя без Кати. Две девушки, две отважных комсомолки остаются одни, лицом к лицу с озверевшими врагами.

Катя не помнит, сколько времени длился этот неравный бой. Только хорошо помнит — тихо вскрикнула Надя Жеглова. Пуля фашиста нашла смоленчанку, не попадёт она никогда к своим родным «на лепёшки».

Одна, совсем одна! Ствол автомата накалился от стрельбы. Катя тщательно выбирает цель, стреляет короткими очередями. Часто меняет укрытие — вот где пригодилась трудная школа отряда, вот где проявили себя в полную силу собранность, мгновенная ориентировка, выдержка настоящего воина, мужество и вера мстителя.

От резкого удара в бедро деревья, вздыбленные повозки, фигуры вражеских солдат поплыли перед глазами Кати.

Всю волю свою собрала Катя в стальной сгусток. Ей казалось, что даже сердце её стало как пуля, нацеленная в противника. И стреляла, стреляла короткими очередями. патроны были на исходе.

Вторая пуля разбила большой палец правой руки. Стало невыносимо больно чувствовать лихорадочную дрожь раскалённого автомата. Потом была раздроблена голень.

Катя продолжала вести огонь. С большим трудом, чудовищным напряжением всех жизненных сил, отцепила она от ремня тяжёлую гранату и положила её на снег. При последнем проблеске сознания она решила: «Не даваться живой в руки врага!»

Почему-то отчётливо запомнились все звуки боя: крики раненых солдат, ржание и хрипы издыхающих лошадей, и выстрелы, выстрелы…

Не помнит Катя и не понимает, каким образом она осталась в живых.

Утром нашли её партизаны в глубокой рытвине, полузанесённой снегом. В обмороженной левой руке она крепко сжимала гранату Ф-1. Чека была сорвана, и только предохранительная скоба сдерживала взведённый ударник. С большим трудом удалось освободить гранату от железной хватки Катиной руки. Пришлось взорвать её, и при звуке взрыва Катя очнулась, чтобы тут же снова потерять сознание.

— Чудеса! — говорили партизаны, считая трупы фашистов, с глубоким уважением, к которому примешивались и восхищение подвигом, и великое чувство любви к простой советской девушке, победившей смерть.

… Чудес не было. Была победа справедливости над чёрными силами зла и насилия. И эту победу бережно несли партизаны в свой лагерь, где трое суток она была на грани жизни и смерти. Только в Боровске Катя пришла в сознание. И опять её казалось, что сердце её сжато до размеров автоматной пули — так легче было переносить мучительные операции, невыносимую боль в обмороженных руках, озноб во всём теле.

В московском госпитале профессора долго колдовали над Катей. Каждый старался облегчить её страдания, каждый считал своим долгом поставить её на ноги. Но Катя на ноги так и не встала — началась газовая гангрена.

Выдержка и ещё раз выдержка! Эти слова Катя сделала своим девизом, когда начала учиться ходьбе на протезах. Опять и опять она вспоминала школу отряда, школу жизни. Товарищи не оставили её…

В 1947 г. Катя Елина снова пришла на родной завод «Динамо». Пять лет бессменно она работает делегатом социального страхования при цеховом комитете профсоюза механозаготовительного цеха.

Если не работал лифт, Катя пешком взбиралась на седьмой этаж к людям, которые нуждались в её помощи. Приходила, садилась, её прекрасные глаза сияли неистребимым светом любви к человеку, и только в глубине их тлела, а иногда и пылала нестерпимая боль. Но не каждый смертный имеет счастливую способность понимать выражение глаз человеческих. А в тесной, железной конторке контролёр ОТК Катя Елина снимала протезы, и крупные слёзы катились по её лицу, бледному от

невыносимой боли.

Кавалер ордена Боевого Красного Знамени, Катя Елина сидит за столом президиума торжественного собрания завода, посвящённого 44-й годовщине Советской Армии и Флота. На трибуне — молодой рабочий, комсомолец. Звучат страстные слова приветствия родной Советской Армии и Военно-морскому Флоту. И наряду с именами Павла Корчагина, Олега Кошевого, Зои Космодемьянской, с именами Героев Советского Союза Павлова, Егорова и Устинова, бывших рабочих завода, звучит имя Кати Елиной.

Вот она перед нами, красивая, светловолосая, молодая и мудрая, простая и гордая за наш народ, за нашу правду, за нашу партию.

Снова готовится Катя прийти на завод, чтобы работать, чтобы одаривать людей неистребимым светом своих бездонных глаз, теплом души своей делится с теми, кто порою так нуждается в этом тепле.

А. Балин — кузнец.

СТИХИ

И. Погореловой

участницы группы «Поиск» школы N 1272 г. Москвы,

посвященные памяти

трех бойцов в/ч 9903, погибших в январе 1941 г. и похороненных у села Дунино Можайского района.

Спокойный день и солнце ярко светит,

Счастливая природа окружает нас,

Ликующий тут птичек лепет,

Спокойно все, что видит глаз.

Но почему же вдруг примолкли дети?

И почему так потускнел их взгляд?

Три холмика…Едва видны могилы,

Но только дети все на них глядят.

И голубеет небо над главою,

И солнце ослепляет нас,

Но тихо поле шелестит травою

И открывает прошлое для нас.

И вот мы видим это поле

В тот страшный, тот военный год,

Когда герои были все готовы

Отдать всю жизнь за свой народ.

Как раз тогда и жили эти люди,

Чей прах в землице той лежит.

Они-то дали нашему врагу-иуде

Узнать, кому страна принадлежит.

Однако, пулей вражеской сражены,

Иль умирая медленно от ран,

Они погибли, но их дух непокоренный

И в наше время вызывает ураган.

Их память мы должны оставить

В глазах и сердце будущих детей.

Мы памятник должны поставить

Над прахом этих трех людей.

Копии документов Е.И. Беневской

В Ы П И С Ь

из метрической книги, часть первая, о родившихся за 1916 г.

1. Счет родившихся (женского пола) — 44. 2. Месяц и день: рождения — 13 декабря 1915 г.;

крещения — 17 января 1916 г.

3. Имена родившегося:

Елизавета

4. Звание, имя, отчество и фамилия родителей, и какого вероисповедания Потомственный дворянин Иван Аркадьевич Беневский и законная его

жена Анна Исидоровна, оба православные.

5. Звание, имя, отчество и фамилия восприемников:

Потомственный дворянин Василий Александрович Ярошенко и вдова дворянина Эмилия Викторовна Кобелева.

6. Кто совершал таинство крещения:

Священник Леонид Синельников.

Вариант сей выписи за тысяча девятьсот шестнадцатый г. свидетельствую моим подписем с приложением церковной печати — 1916 г. июля 28 дня — N 385 — Орловской епархии Брянского уезда села Давыд (…?) Рождества Богородицкой Церкви Настоятель Священник Леонид Синельников.

Примечания:

1. Оригинал выписки передан в Толстовский музей г. Москвы старшей сестрой Е.И. Беневской, Ниной Ивановной Горбуновой-Посадовой, из семейного архива их отца Ивана Аркадьевича Беневского.
2. Иван Аркадьевич Беневский был близок ко взглядам Л.Н.Толстого, был дружен с ним и состоял в переписке. Кроме того, Иван Аркадьевич был близок к русскому сектантскому миру, к общинам сектантов. Он женился на старшей дочери баптиста Федоровского, Анны Исидоровне. В своем имении создал сельскохозяйственную общину-коммуну; является автором опубликованного в 1906 г. Устава таких общин.
3. Восприемники (крестные отец и мать): В.А. Ярощенко — брат известного художника; Эвелина Викторовна Кобелева (урожд. Иващенко, сестра Нины Викторовны Беневской — бабушки Лизы).

Копия «СПРАВКИ» от 16 сентября 1941 г. НКЭС-СССР, Московский Ордена Ленина Энергетический Институт им. В.М. Молотова (Красноказарменная 17).

16 сентября 1941 г.

С П Р А В К А.

Настоящая выдана Беневской Е.И. в том, что она состоит студентом II курса Московского Ордена Ленина Энергетического Института им. В.М. Молотова и находится в отпуске до 25 сентября 1941 г.

Выдана для представления на право проезда в Москву.

Отв. Исполнитель студ. Стола МЭИ (подпись). Печать.

Копия Пригласительного билета на Пленум МК и МГК ВЛКСМ (5.09.39г.)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь! ДОРОГОЙ ТОВАРИЩ!

Беневская Е.И.

Московский Областной и Городской Комитеты Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи приглашают Вас на торжественное заседание объединенного пленума МК и МГК ВЛКСМ, посвященного XXY МЕЖДУНАРОДНОМУ ЮНОШЕСКОМУ ДНЮ. Заседание пленума состоится в Колонном зале Дома Союзов 5 сентября 1939 г. в 18 часов.

Копия ПРОПУСКА

на комсомольский актив (14.09.1939 г.)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВСЕСОЮЗНЫЙ ЛЕНИНСКИЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ

П Р О П У С К N 763

Беневская Е.И.

На собрание Московского комсомольского актива по итогам IX пленума ЦК ВЛКСМ.

Собрание состоится 14 сентября 1939 г. в 6 час. вечера в помещении Колонного зала Дома Союзов.

МК МГК ВЛКСМ

.

Письмо Сукачёвой К.В. к Паншиной М.М.

Москва, 29 августа 2002 г.

Здравствуй, Ритуля!

К сожалению, своё послание к тебе мне приходится начинать с извинений — прости меня великодушно, что я так долго не отвечала на твоё письмо. Получила я твоё письмо 12 августа и сразу же села писать тебе, а потом решила — напишу через денёк-два. Чтобы дать тебе подробную информацию о нашем житье — бытье, я «села на телефон» и стала обзванивать девочек. В своё время я следовала правилу, что можно сделать сегодня — не откладывай на завтра! А в этот раз я отступила от этого правила, я через два дня у меня появились дела неотложные, и послание к тебе было «положено в долгий ящик» ибо формальных писем я не признаю, а для душевного письма у меня не было ни времени, ни сил.

Риточка, я очень рада за тебя, что в это лето рядом с тобой были Лена и Наташа, следовательно от самых тяжёлых работ ты была освобождена, да и Коля, как ты пишешь, в этом г. немного побыл с тобой. А у мамы на сердце легко, когда дети и внуки рядом. А когда детей нет рядом, то тревожные мысли постоянно крутятся в голове: как они там? Всё ли у них в порядке? Риточка, я уже давно завидую тебе белой завистью, что ты каждый год весну и лето проводишь в своём «поместье», на лоне природы. Что можешь встречать восход и провожать закат солнца; ходить босиком по росе, слушать пенье пташек; любоваться разноцветьем лугов, ходить на охоту за грибами и много других прелестей ты впитываешь в свою душу.

А я уже несколько лет живу в «каменном мешке», вызывая в памяти все прелести бытия по природе! Особенно трудно было в этом г. — страшная жара и задымлённость Москвы от пожаров в Подмосковье. Силы были на исходе, меня спасал огромный вентилятор, который ребята поставили в моей комнате. Слава богу, что всё позади. Температура в Москве снизилась, бывали даже холодные дни, но холод — это не страшно — оделся по теплее и всё, а вот от жары большие страданья.

Риточка, ты, видимо, хочешь понять: какие же срочные дела заставили меня отложить послание к тебе? 9-го сентября день танкиста. Мой брат, как ты знаешь, погиб в июле 1943 г. в танковом сражении в Прохоровке и похоронен в селе Красном, в селе, которое рядом с полем танкового сражения. На протяжении 35-ти лет я каждый г. в день

рождения Саши-брата моего или в день его гибели ездила на его могилу. Я установила связь с Прохоровским музеем танкового сражения, передала им письма брата с фронта, его фотографию и различные документы. А в селе Красном я стала своим человеком за эти годы. Но уже лет десять я не была ни в Прохоровке, ни в селе Красном. Но связь с ними не потеряна — мы переписываемся, а к дню рождения брата я посылаю бандероль с коробкой конфет, прошу посетить его могилу и помянуть его. Когда кто-то из Краснян бывает в Москве, то навещает меня. А 14-го августа я получила письмо с просьбой прислать ко дню танкиста статью в районную газету о Саше и его боевых друзьях. Я сразу же стала подбирать материал для статьи. 20-го августа я отправила рукопись статьи.

Много времени мне пришлось уделить ещё двум событиям — одно из них приятное, а другое грустное. На лето многие коммунисты выехали из Москвы, уехали отдыхать и секретарь нашей парторганизации. А 17 августа у одной нашей коммунистки был юбилей — 60-летие со дня рождения. Не могла же я обойти это событие. Стала готовить адрес и подарок. 17-го пораньше, до прихода гостей, я пошла к ней с поздравлением. Благо она живёт в моём доме, только в другом подъезде. И она, и её супруг были тронуты моим вниманием, они знают, что я тяжело больна и не выхожу из дома. И я получила моральное удовлетворение — ведь приятно же делать людям добро. А 23-го августа юбилярша скоропостижно умерла. Её муж позвонил мне в страшном отчаянии, он был в шоке. Я стала обзванивать всех, кто остался в Москве, чтобы купили цветы и проводили её в последний путь. Удалось собрать 12 человек, которые подошли к её подъезду, в морг и крематорий смогли поехать 6 человек. Я попросила Галю купить цветы и с огромным букетом георгин дошла до подъезда, поехать в морг у меня не было сил. Вот такие события, Рита, заставили меня положить «в долгий ящик» послание к тебе.

Тебя интересует, как и чем я живу? Живу активно, хотя сижу дома, из дома выхожу только в особых случаях. За это лето я дважды была госпитализирована. С 27-го апреля по 16-ое мая я лежала в кардиологическом отделении. Так что в этом г. два знаменательных праздника — первое мая и День Победы я провела в больнице. Правда, праздники я почувствовала, особенно День Победы. В День Победы у меня было очень много гостей, все приходили с цветами и приносили много вкусностей. Уже в 12 часов я накрыла праздничный стол, и закончилось застолье в 19 часов. Мне дежурный по отделению врач сказал: «Клавдия Васильевна, к Вам сегодня приходило так много людей — целый батальон!»

Как только поступила в отделение, сразу же стали ставить капельницы, делать уколы и проводить различные обследования. На сутки подключали к моему сердечку манометр,

чтобы зафиксировать работу сердца в различных ситуациях. Когда отключили манометр, я спросила: «Ну и как работает моё сердце? Врач сказала: «На тройку, скорее даже на тройку с минусом». Я говорю: «Ну, это ещё ничего, я думала на двойку». «Ну и оптимист Вы, Клавдия Васильевна, молодец!»

В глазном отделении я была на лечении глаз. Предлагали сделать операцию левого глаза (правый у меня уже оперирован), но только с разрешения кардиолога; а кардиолог не рекомендует, уж очень слабое сердце. «Посмотрим ближе к осени», — сказала она.

Ну, довольно о болезнях, поговорим о более интересных делах.

Ещё до твоего отъезда из Москвы, я начала заниматься подготовкой к 80-летию пионерской организации: собирала материалы о пионерах-героях, вспоминала пионерские песни (ведь когда-то я была активной пионеркой и уже несколько лет — почётная пионерка пионерского отряда имени Веры Волошиной в Кисловодской школе N 14). Подбирала открытки, посвящённые пионерскому лагерю «Артек», в котором я отдыхала в 1935 г., совсем недавно, всего 67 лет тому назад, но 40 дней, проведённых в «Артеке», живут в моей памяти, в моём сердце до сих пор. Нашла в своих старых вещах шесть пионерских галстуков и привела их в порядок. Всё это я готовила с группой ветеранов для выступления в нашей подшефной школе. Но …, как ты уже знаешь, 27-го апреля меня госпитализировали, а привезли домой из больницы 16-го мая; естественно, что 19 мая мне было ещё не по силам проводить такое мероприятие. Это меня огорчило. Но всё же, к 80-летию пионерской организации я кое-что смогла организовать. 9-го мая поздравить меня с Днём Победы пришла в больницу мой друг — поэтесса. Я, конечно же, попросила её написать стихотворение, посвящённое 80-летию пионерии. Она сумела написать (муза её посетила) и принесла мне домой 17-го мая стихотворение в 50 экземплярах. Я готова была её в ножки поклониться. Тут же я позвонила своему партийному товарищу, чтобы он пришёл ко мне, забрал стихотворение и вручил его пионерам, которые соберутся на Красной Площади 19-го мая.

20-го мая он посетил меня и подробно рассказал, как проходило торжество на Красной Площади. Его рассказ был для меня как «Мёд на душу». На Красной Площади собрались пионеры всех районов Москвы и Московской области, были и из других областей. В саду, около памятника «Неизвестному солдату» собрались пионеры 20-ых, 30-ых, 40-х …..80-х годов. Им всем повязали пионерские галстуки и они шеренгами (в каждой шеренге определённый год) пошли на Красную Площадь для встречи с юными пионерами. Я сохранила газету «Правда» с материалами о 80-летии пионерской

организации; когда приедешь в Москву, я дам тебе эти газеты. А с этим письмом высылаю тебе один экземпляр стихотворения к 80-летию Всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина. Высылаю также стихотворение — День независимости России.

Продолжаю разбор и приведение в порядок домашнего архива, а он у меня большой — одних писем более 6-ти тысяч.

Рита, а теперь о наших девочках. Позвонила Лие, к телефону она не подошла. Собственно я так и предполагала, что она живёт с Наташей на их даче, но всё же решила проверить. Я с ней разговаривала в конце мая и в начале июня. Она жаловалась на ноги. Никуда не выходит, сидит на своём балконе. Наташа бывает у неё каждый день и всем её обеспечивает. Когда Наташа с мужем выезжают из Москвы, то забирают Лию с собой, одну её не оставляют дома.

Несколько раз звонила Лизе Паничкиной, но к телефону никто не подходил. Она, конечно, на своей любимой даче с внучкой.

С Милой Хотовицкой разговаривала. Она чувствует себя очень плохо и физически, и морально. К ней периодически приезжает Галя и помогает по хозяйству, но у Гали скоро будет ребёнок, и тогда она не сможет часто навещать Милу.

Что-то совсем «рассыпается» Саша Гладышева. Очень плохо себя чувствует Галя Старовойтова. Клава Акифьева даже по дому ходит на костылях. Даже Маша Гальчина — наш «скороход» из-за больных ног больше сидит дома.

Риточка, наверно своей информацией я навеяла на тебя грусть? А сейчас последует ещё более горькая и печальная информация — 30-го апреля умер Сергей Николаевич Бараненко. «6-го апреля перед поездкой в больницу я разговаривала с ним по телефону. На мой вопрос: как он себя чувствует? Сергей Николаевич ответил: «Неважно». Я предложила ему срочно госпитализироваться, на что он ответил, что у него есть два срочных дела: торжественно отметить 100-летие Пономаренко и Партизанский костёр. Галя, придя ко мне в больницу, сообщила об этом печальном событии уже после похорон Сергея Николаевича. Я несколько дней оплакивала его смерть и до сих пор не могу смириться с мыслью, что он ушёл из жизни. Сергей Николаевич очень ответственно подходил к своей общественной ветеранской работе, вкладывал всю душу в работу Объединённого Совета ветеранов-партизан и Совета ветеранов в/ч 9903, не обращая внимания на состояние своего здоровья и сгорел на работе.

11-го мая умер Николай Григорьевич Борисов.

Риточка, пора заканчивать наш разговор; когда приедешь в Москву, поговорим подробнее обо всём.

Я, наверно, утомила тебя своим письмом, да и я устала. Писала тебе письмо два дня, за один день не осилила. Такое большое письмо — награда тебе за твоё долгое терпеливое ожидание ответа на твоё письмо, а моя усталость — наказание мне за долгое молчание. Рита, извини меня за каракули, описки и возможные ошибки, так как пишу, куда рука выведет: вижу плохо даже через лупу. А в ближайшие дни мне надо написать ещё минимум пять писем.

Рита, адрес на конверте, возможно, будет не моей рукой написан, так что пусть тебя это не смущает. Дома не осталось ни одного конверта, попрошу Галю сходить на почту и купить для меня десятка два конвертов с марками. А письмо для тебя на почте вложить в конверт, написать адрес и опустить в почтовый ящик. Случайно нашла один старый конверт, так что адрес пишу сама.

Привет твоим девочкам, а тебя целую. Клава.

P.S. Тебе просили передать привет: Мила Хотовицкая, Шура Гладышева, Валя Плахина, Галя Старовойтова — что я и делаю».

В феврале 2006 года Клавдия Васильевна Сукачёва передала мне документы, составленные ею по материалам архива военной части 9903. Прочитав их, я решила непременно включить эти документы в книгу, так как, на мой взгляд, они воспринимаются гораздо живее, чем официальные строки публикации об этой части её бывшего командира А.К. Мегеры. Одна из справок помещена выше, сразу после публикации А.К. Мегеры, как бы дополняя её послевоенными сведениями.

Содержание другой справки печатаю после письма Клавдии Васильевны к Маргарите Михайловне, потому что, мне кажется, прочитав это письмо и чуть-чуть из него узнав о самой Клавдии Васильевне, совсем по-другому воспринимаются документы, составленные ею.

СПРОГИСОВЦЫ

К.В. Сукачёва

«Отгремела война

Уже давней историей стала.

А никак не отпустит

Тревожную память бойца.

От фугасов и мин

Мы очистили наши кварталы,

Но какой же сапёр

Разминирует наши сердца?»

(Виктор Кочетков)

В первые же дни войны – в июне 1941 года – была создана воинская часть 9903, которая вошла в историю как особая разведывательно-диверсионная часть.

Основные задачи части:

— подготовка и переброска в тыл противника боевых разведывательно-диверсионных групп с целью ведения активной разведки войск противника;

— минирование шоссейных и просёлочных дорог;

— уничтожение телеграфной и телефонной связи;

— организация крушений железнодорожных поездов с живой силой и боевой техникой противника.

Первоначально воинская часть 9903 состояла из небольшой группы командиров и нескольких боевых групп, действующих в тылу противника. Но когда фашистские

войска всё ближе и ближе подходили к Москве, командир части Артур Карлович Спрогис в кратчайший срок сумел перестроить работу и подготовить часть к активным и решительным действиям в тылу противника. Было принято решение увеличить численность личного состава части за счёт массового набора комсомольцев-добровольцев через ЦК ВЛКСМ.

Наплыв добровольцев превзошёл все ожидания. Через Комиссию по отбору добровольцев прошло более трёх тысяч комсомольцев. После индивидуального знакомства и беседы с каждым, в часть было зачислено две тысячи человек.

В основном это были шестнадцати – девятнадцатилетние мальчики и девочки. Они прибыли в воинскую часть 9903 в самые трудные и опасные для Москвы дни – осенью 1941 года. Обстановка была тяжёлая – наши войска отступали. Переходить линию фронта боевым группам в/ч 9903 приходилось под миномётным и пулемётным огнём, приходилось ползти по заминированным полям, уходя от преследования фашистов. Но отобранные в часть добровольцы были смелые, храбрые, готовые выполнить любое задание. Перед ними была поставлена задача: совершая в тылу противника различные диверсии, сдерживать его наступление на Москву, предоставив таким образом командованию Западного фронта возможность сосредоточить силы и подготовиться к контрнаступлению. В период Битвы за Москву воинская часть подготовила и забросила в тыл противника 50 боевых групп по 8-12 человек и четыре отряда особого назначения по 100 – 120 человек. В результате взрывов мин, установленных диверсионными группами, уничтожено большое количество живой силы и боевой техники противника, а самое главное – было замедлено продвижение фашистских войск к Москве, ибо пока по дороге, где произошёл взрыв, не пройдут сапёры, движение приостанавливалось.

Следовательно, в Победе под Москвой есть весомый вклад живых и павших бойцов и командиров воинской части 9903. А павших было много.

В первых числах ноября 1941 года при переходе линии фронта под Волоколамском группа Константина Пахомова наткнулась на засаду. Группа приняла бой, но силы были неравные – в группе 8 человек, их оружие – винтовки, пистолеты, гранаты, бутылки с горючей смесью, а фашистов – батальон, их вооружение – автоматы, пулемёты, гранаты, Ребята сражались отчаянно. Каждый имел много ранений, но они не сдавались и, истекая кровью, продолжали бой. И только когда кончились патроны и были брошены последние гранаты и бутылки с горючей смесью, на каждого из них навалилось по несколько фашистских солдат, им скрутили руки и повели в город на допрос. Допрашивали их по одному, при допросе жестоко избивали, добиваясь ответа

на вопросы: «Кто их прислал?», «Какое они получили задание?», «Кто ещё пришёл с ними?». Ребята, испытывая мучительные боли, молчали, не выдали боевых друзей, которые в это время действовали в Волоколамском районе. Когда после допросов их выбросили на улицу и они, обессиленные, упали на землю, то увидели виселицу и возле неё группы фашистских солдат и офицеров, Помогая друг другу подняться с земли, ребята встали в ряд, обнялись и, гордо подняв головы и запев «Интернационал», двинулись навстречу фашистам. Обомлев от «наглости» наших ребят, фашисты изрешетили их из автоматов. Но этого им показалось мало, и они в безумной ярости повесили наших отважных ребят. Снимать трупы с виселицы было запрещено, и они ледяными глыбами висели полтора месяца. Когда в город вошла армия Катукова, героев сняли с виселицы и похоронили со всеми воинскими почестями.

Это были комсомольцы с завода «Серп и Молот»: ПАХОМОВ КОНСТАНТИН ФЁДОРОВИЧ – командир группы, ГАЛОЧКИН НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, КИРЬЯНОВ ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ, КОГАН НИКОЛАЙ СЕМЁНОВИЧ, ОРДИНАРЦЕВ ВИКТОР ВАСИЛЬЕВИЧ, с завода «Москабель» — МАНЕНКОВ ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ, студентки художественного училища – ГРИБКОВА-ЛУКОНИНА АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВНА, ПОЛТАВСКАЯ ЕВГЕНИЯ ЯКОВЛЕВНА.

В конце ноября 1941 года была схвачена и после долгих истязаний и пыток 29 ноября 1941 года повешена в деревне Петрищево Зоя КОСМОДЕМЬЯНСКАЯ.

В этот же день в 15 километрах от Петрищево в совхозе Головково фашисты после страшных истязаний повесили Веру Волошину.

При выполнении заданий в тылу врага под Москвой погибли и пропали без вести 431 человек из личного состава в/ч 9903.

Несмотря на большие потери, желающих пойти в тыл врага не убывало. После короткого отдыха на базе части, парни и девушки снова уходили во вражеский тыл. По традиции каждую группу провожали на задание с песней, которую мы воспринимали как клятву (Примечание Осиповой Т.М.: Эту песню целиком я привела раннее).

Слушают отряды песню фронтовую,

Сдвинутые брови, твёрдые сердца,

Родина послала в бурю огневую, К бою снарядила верного бойца.

Вот они дороги – в зареве, тревоге,

У бойца на сердце спрятано письмо,

Лучше смерть на поле, чем позор в неволе,

Лучше злая пуля, чем врагам клеймо…

После разгрома фашистских войск под Москвой, воинская часть 9903 приступила к подготовке групп для действия в глубоком тылу противника в Белоруссии, на Брянщине, в Латвии, в Польше, в Восточной Пруссии, и уже с марта 1942 года бойцы части доставлялись на самолётах в заданный район и десантировались.

Командиром воинской части особого назначения 9903, как сказано выше, был Артур Карлович Спрогис – легендарный советский разведчик. Он боролся с бандитизмом и контрреволюцией, участвовал в сложнейшей операции по захвату лидера антисоветского подполья Бориса Савенкова, в 1936 году был военным советником и командиром спецотряда разведчиков в Испании, в 1941 году стал оперуполномоченным штаба Западного фронта и командиром войсковой части 9903, а потом начальником Латвийского штаба партизанского движения. А.К. Спрогис – кавалер 25 правительственных наград, в их числе два ордена Ленина. Он был очень внимательный, заботливый, но и очень требовательный, строгий командир. Бывшие бойцы воинской части 9903, а теперь седые ветераны с гордостью называют себя спрогисовцами. Между прочим, в нашем Южном округе проживают три ветерана в/ч 9903:

— Бирюков Пётр Сергеевич, которому в октябре 2004 года исполнилось 90 лет, но он ещё относительно бодр и приезжает на встречи ветеранов;

— Кутакова Лия Петровна, она тяжело больна и без посторонней помощи не выходит из дома;

— и автор этих трок, которая, мягко говоря, очень пожилой человек, но старается жить активно (душа до сих пор комсомольская).

Жили в нашем округе в своё время очень активные ветераны в/ч 9903, но они уже ушли в мир иной. Это Валентина Фёдоровна Коростелёва, Лев Константинович, Николай Яковлевич Суралев, Алексей Петрович Рухов.

Боевые друзья мои, однополчане, желаю здоровья и благополучия живущим, а

ушедшим из жизни – вечная добрая память».

СВЕДЕНИЯ О БОЕВЫХ ТОВАРИЩАХ ЛИЗЫ БЕНЕВСКОЙ

(из папки школьного музея в/ч 9903)

КУТАКОВА ЛИЯ ПЕТРОВНА

1. **МОСКОВСКОМУ ГОРОДСКОМУ КОМИТЕТУ ВЛКСМ**

При этом направляю в Ваше распоряжение члена ВЛКСМ тов. Кутакову Лию Петровну.

Товарищ Кутакова с 1-го ноября 1941 г. по 28 июля 1942 г. добровольно состояла на службе при Разведотделе штаба Западного фронта.

За этот период времени тов. Кутакова при выполнении спец. задания командования Разведотдела показала мужество и дисциплину. Среди товарищей пользуется авторитетом в достаточной степени. К выполнению своих обязанностей относилась добросовестно.

В настоящее время тов. Кутакова временно откомандирована из Разведотдела по состоянию здоровья.

Срок явки в МГК ВЛКСМ 28-го июля 1942 г..

НАЧАЛЬНИК 6 отделения РО штаба Западного фронта

Подполковник СПРОГИС.

28 июля 1942 г.

2. **ПОЧЁТНАЯ ГРАМОТА**

ЦК ВЛКСМ награждает настоящей грамотой КУТАКОВУ ЛИЮ ПЕТРОВНУ зам.зав. отделом комсомольских организаций Московского горкома ВЛКСМ — за активную работу по отбору и направлению молодёжи в районы освоения целинных и залежных земель.

ПЕЧАТЬ.

Секретарь ЦК ВЛКСМ Шелепин.

Москва, 5.03.1957 г.

3. **Статья С. Крушинского** «ПАРТИЗАНЫ РАССКАЗЫВАЮТ», газета «Комсомольская правда», 6 марта 1942 г., стр. 4.

«Два вечера в ЦК ВЛКСМ продолжалась беседа группы партизан-орденоносцев с молодыми писателями. Совещание открыл секретарь ЦК ВЛКСМ тов. Михайлов. Партизаны рассказывали о своих походах по тылам врага, о боевых столкновениях с неприятелем.

Партизанка Пожарская вспомнила, как её группа устроила засаду на одной из дорог германского отступления. Немцы шли хмурые, оборванные, глядели в землю. В обозах везли награбленное добро, всё без разбору: даже корыта для стирки белья, даже детские ванночки. Январь, а обоз колёсный: нет для немчуры полозьев в лесных деревнях.

Выбрав момент, партизаны открыли огонь из придорожного леса. В жестоком бою была ранена в обе ноги комсомолка Лия Кутакова.

— Что с тобой? — спросила Пожарская, пробравшись поближе к подруге.

Лия отвечала:

— Ты, Катя, подальше отсюда держись, а то и тебя ранят.

— Ну, меня-то не ранят, — успокоила Пожарская.

Партизанская группа была окружена, и товарищи не сумели вынести раненую Кутакову. Лия затаилась от немцев и потом, лёжа на лыжах, опираясь руками о снег, двенадцать часов ползла к условленному месту сбора. Когда её всё-таки нашли товарищи, она сказала им:

— Ну, разве я могу умереть!

В этом бою партизаны истребили около 120 фашистов…

…Партизаны свыклись с опасностями. Их жизнь полна приключений, их борьба — непрерывные подвиги.

— Лес и ночь — стихия партизан! — с гордостью говорит Пожарская…»

4. **СТЕНОГРАММА** рассказа Лии Кутаковой о себе и о Соне Пашуканис.

«День моего рождения совпадает почти с началом великой отечественной войны. 22 июня застало меня за городом, когда я справляла свой день рождения. Закончила 9 классов нашей московской школы. И примечательно, что в нашей школе до войны очень хорошо работали шефы, которые организовали различные кружки: стрелковые, пулемётные, кружок ПВХО, много занимались спортом. И поэтому многие ученики нашего класса и других старших классов сразу же ушли на фронт. В 1-ый период войны, несмотря на различные заявления, никуда нас не брали. Была организована специально для девушек школа медсестёр, сандружинниц, которую мы закончили, но опять на фронт не были направлены. Говорят, по малолетству. И в этот период времени, почти сразу же после начала войны, немцы начали бомбить Москву. По улицам, где мы проживали, были организованы специальные дежурства, чтобы гасить бомбы, спасать жилые дома от пожаров. Первая моя встреча с войной была связана с тем, что я была на крыше и гасила зажигательные бомбы. Сейчас, когда я вспоминаю те времена, самые первые трудные месяцы войны, свою первую встречу с ней, я бережно достаю ту первую бомбу (теперь уже старую), которую я погасила своей рукой.

Часто нас спрашивают, каким же образом мы попали на поле военных действий, как мы стали бойцами или партизанами, ещё будучи совсем юными?

Вся наша, в общем-то, короткая жизнь в школе, в комсомоле была уже соответствующая подготовка, что мы не могли поступить иначе. Нашими героями были Павка Корчагин, Чкалов, Гризодубова. Моим кумиром была Полина Осипенко. Вся их жизнь, их преданность Родине, естественно, передавались нам. Мы иначе и думать не могли, что если на нашу Родину напали, то отстаивать её свободу и независимость со всеми вместе должны и мы, потому что другого места для нас и не было.

В августе 1941 г. я поступила работать на военный завод и одновременно я писала и

ходила в Киевский райком комсомола с просьбой отправить меня на фронт.

И вот, в октябре месяце, когда наступили самые грозные дни для Москвы, ряд предприятий столицы эвакуировали, в том числе и наш завод. Я отказалась эвакуироваться, взяла свой паспорт и снова начала «бомбить», если так можно выразиться, райком комсомола, военный отдел горкома партии (в то время был такой отдел), различные заявления писали мы в Кремль. И вот однажды, будучи в райкоме комсомола (секретарём Киевского райкома комсомола в то время был, кажется, т. Чухрай). И он сказал, чтобы мы шли домой, и дал слово, что если мы понадобимся, то обязательно кого-нибудь за нами пришлют. И действительно, он своё слово сдержал.

Где-то примерно 29 или 30 октября домой пришла пожилая женщина, которая принесла записку. В этой записке была просьба явиться в райком комсомола в назначенный час. В райкоме мне сообщили (это, кажется, 31 октября), что я должна явиться в здание ЦК комсомола на беседу в 12 часов дня. И вот, когда мы там собрались, было нас много, сколько, трудно сказать, но вызывались в кабинет по одному. В кабинете была комиссия, которой, видимо, было поручено отбирать подходящих юношей и девушек на специальное задание в тыл противника. Никого я не помню, кроме одного, Александра Николаевича Шелепина, очень молодого энергичного человека. Голова его была обвязана бинтами и только одни глаза, яркие лучистые глаза проницательно смотрели в тебя, как будто желая спросить, сможешь ли ты преодолеть те сложности, те трудности, которые могут встретиться на твоём пути, когда ты будешь выполнять задание в тылу противника. Забинтована у него голова была потому, что где-то накануне была сброшена бомба, от взрывной волны были выбиты стёкла и, видимо, тов. Шелепин получил ранение в голову и в лицо. В это же время были мои будущие подруги: Катя Пожарская, Соня Пошуканис, Мила Хотовицкая, Лида Новикова, Зоя Космодемьянская и другие. Вопросы нам задавались различные.

Помню вопрос: «Если Вам немец встретится в лесу и придётся ввязаться в бой, сумеете ли застрелить его, сумеете ли ударить его кинжалом в спину?» Ну, конечно, мы все отвечали, что сумеем. Порукой было то, что все мы ещё в школе научились стрелять из пулемёта, винтовки, собирать и разбирать их, и мы были уверены, в какой-то степени, в себе: на лыжах мы умеем ходить, врага мы ненавидим, а это значит, и не испугаемся, стрелять мы умеем, а всё остальное придёт со временем. Из кабинета мы выходили радостные, потому что мы чувствовали, что прошли. На следующий день был назначен сбор около театра «Колизей» на Чистых прудах. В 12 часов должна была подойти машина, и мы должны были уехать в нашу часть, где мы проходили подготовку, затем и уходили в тыл противника. И вот, по существу-то, наша дружба пошла с «Колизея».

Может быть мы ещё не знали друг друга хорошо, не знали как нас звать, но были уже вместе, потому что, когда мы сели уже в машину или, вернее, встали, мы запели песни. С песнями мы проехали Москву в Кунцево, где в определённом помещении располагалось общежитие для тех, кого будут готовить с заданием в тыл противника. И как-то так получилось, что Катя Пожарская, Мила Хотовицкая, Лида Новикова, Соня Пошуканис и другие товарищи оказались все в одной комнате. и как бы за эти 10 дней, которые нам отпустили для учёбы подрывного дела, учились здесь и стрелять, оружие изучали. За эти дни мы, конечно, лучше узнали друг друга, сблизились, и нам уже не хотелось расставаться, мы хотели пойти все вместе, быть в одной группе. И каждому из нас хотелось, чтобы как-то так получилось, что командиром у нас стала Катя Пожарская. Она несколько старше была нас: ну, например, была старше меня на 6 лет, и, конечно, 17 лет и 23 г. для того времени была разница. Я в ней видела уже своего старшего товарища, у неё были нотки командира. Мы прислушивались к её голосу, в комнате она была за старшего. Она уже не могла не быть нашим командиром, потому что она уже завоевала наш авторитет, уважение, как человек уже что-то знающий, больше, чем мы знаем, и человека, умеющего преодолевать то, что может быть, мы ещё не знаем, что может встать перед нами. Поэтому, когда встал вопрос получить задание и уже уходить в тыл противника, и встал вопрос, кто у нас будет командиром, то мы обратились с просьбой к руководству нашей части тов. Спрогису и комиссару товарищу Мегере с тем, чтобы нас отправили, во-первых, вместе, ну, и, во-вторых, чтобы командиром пошла Катя Пожарская. Это мы просили передать её руководству. Так сколотилась 1-ая группа девушек, женская группа, во главе которой стоял командир, тоже женщина. И вот, вспоминается 10.11.1941 г., когда нас отправляли в тыл противника, провожал нас комиссар, очень уважаемый нами человек, тов. Дронов. И вот он говорил: «Вы нас девочки не подведите». Мы дали ему слово, что мы не подведём, что оправдаем то доверие, которое оказано, как 1-ой группе девушек, что мы это доверие оправдаем. Так появилась на свет новая группа, группа девушек, которая получила задание и пошла на это своё 1-ое крещение. Мы действительно любили подруг, вот я и сейчас как-то без дрожи в сердце не могу говорить и вспоминать, то была Соня Пошукайнис. На год старше меня. Она уже училась в техникуме, как помнится, в физкультурном, потому что, когда мы вставали на лыжи уже позже, она ловко каталась на лыжах. Устойчива была, вообще, энергичная такая девушка, красивая, очень красивая, высокая, приятный друг, приятный товарищ, уважающая всех своих подруг. Мы много о своём близком говорили, трудно вспомнить свои девичьи рассказы были, девичьи тайны может быть даже были. Но всё это трудно вспомнить, только одно никогда не забуду: верили друг в друга. И наверное, это чувствовалось от того, что мы близко друг другу были, мы были почти всегда вместе. Наш командир Катя Пожарская, когда давала задание в разведку, то давала нам обеим.

В разведку мы ходили вместе. Вот хотелось бы рассказать о двух таких моментах. Первый наш поход в тыл противника: это было под Волоколамском, в районе Нелидова, вернее, мы шли в районе Нелидова, и, на том участке, на который нас привезли, чтобы перейти линию фронта, переход у нас оказался неудачным. В том плане, что разведчики, стоявшие на передовой, хотя и перевели нас через линию фронта, но, когда мы стали переходить по нашему маршруту, то оказалось, что было очень много огневых точек, которые в воинской части не были зафиксированы, и мы оказались под обстрелом. И Катя вот Пожарская правильно подошла, хотя и впервой для неё было такое командование, что сначала надо пустить в разведку кого-то. И вот, оставив группу где-то в леске около ёлок, я и Соня Пошуканис пошли вперёд по заданному маршруту, чтобы посмотреть: есть ли проход и как перейти шоссейную дорогу. И вот, когда мы спускались по оврагу, мы вдруг почувствовали какой-то немецкий голос и поэтому прислушались, остановились. Стали делать более осторожные шаги и напали на огневую точку. Вот здесь мы впервые услышали выстрелы не просто куда-то, а в кого-то. А вот в кого: выстрелы в нас. Здесь впервые мы сами нажали на курок. Здесь впервые мы и стреляли. Ну, во всяком случае, мы отстрелялись. Мы решили, что переход здесь невозможен, и не выполним задание, и вынуждены были возвращаться обратно. Снова сами перешли линию фронта. И нас переправили на другой участок, где мы свободно перешли и ушли в тыл противника. Вот этот был маленький такой эпизод, но он был очень дорогим, потому что он был первым. Наши на территории противника, первый немецкий разговор, который мы услышали, первая наша встреча с немцами. И во время этой первой встречи мы были вместе. Я чувствовала её дружеское товарищеское участие. И вот от первых выстрелов она не дрогнула, не убежала там назад или в сторону. Мы вместе с ней оговаривали, что делать дальше, куда идти, как лучше поступить. Как сделать так, чтобы наша группа не попала под обстрел.

И вот после нашей первой стычки с немцами, конечно, дружба наша стала более крепкой. И мы уже познали друг друга в этой небольшой стычке с немцами. Мы, конечно, будем верны своему слову, своему товариществу, своей дружбе.

Затем, это где-то было уже под Волоколамском, в районе Нелидова, но я помню, что ли эта деревня, Городище называлась. Так вот, в районе Городища мы обнаружили, вернее Катя Пожарская обнаружила: компас не срабатывает, показывает неправильное направление, поэтому она решила послать в разведку в эту деревню, чтобы выяснить, где мы находимся. Мы ещё не знали, что это Городище; где находится линия фронта; что находится в этой деревне или около деревни. Заодно, чтоб узнать немецкие позиции в этом районе для дальнейшей передачи сведений нашим воинским частям. В эту разведку были посланы Соня Пошуканис и я. Были одеты мы в гражданское пальто,

за спиной у нас бы мешки, которые мы взяли из дома. Не рюкзаки, а вещевые мешки. Ну, в этих мешках мы оставили всё гражданское, всё, что нужно. Военные принадлежности мы оставили в группе у товарищей. И когда мы подходили к этой деревне, немцы гурьбой сидели около костра, о чём-то беседовали. Короче говоря, рассказывали друг другу что-то. Мы решили сразу же к ним обратиться, чтобы не было подозрений, что мы их боимся и хотим их обойти. У нас уже была легенда: откуда мы идём, какая у нас цель. Мы выбрали по карте деревни Копытцово и по легенде мы должны были пройти к этой деревне. Значит, мы должны были узнать, какой путь от этой деревни к той, каким путём мы можем пройти к деревне Копытцево. Какие части там стоят. И, следовательно, далеко ли линия фронта от этой деревни Копытцево. Таким образом, по этой легенде, если бы немцы нам стали рассказывать, мы могли бы определить затем по карте, где мы находимся, каким образом нам дальше ориентироваться по своему маршруту. Ну, вот мы остановились у костра около этой группы немцев, задали им несколько вопросов примерно в этом плане. Я не помню уже, что они нам ответили. Показали, что можете идти по этой деревне дальше. Мы пошли и около колодца увидели одну женщину. Мы спросили, много ли в деревне немцев? Да, говорит, здесь стоит воинская часть. Мы поставили перед собой задачу просчитать их единицы орудий, все те, чем снабжена эта воинская немецкая часть. Мы очень внимательно смотрели, медленно шли, обращали внимание на все дворы. Мы запоминали, какие орудия стоят, какие машины стоят. И уже почти прошли мы эту деревню, и нам встретился один немец, пожалуй, офицер, который остановил нас и стал спрашивать, куда мы идём? Мы рассказали свою легенду. Легенда о том, что мы бежали из-под Волоколамска, идём в Копытцево. нам бы хотелось узнать, как нам можно пройти в Копытцево. немец был очень боевым, очень бравым. Он нам объявил, что Сталину «капут», а Гитлер в Москве, что сейчас вы не пройдёте в деревню, что там «пук-пук». И это было не очень понятно: если Гитлер в Москве, так почему же стреляют? А разговор у нас с этим немцем был на немецком языке, потому что в школе моей N 75 хорошая была учительница немецкого языка, которая сумела нам привить некоторые азы, и мы были в состоянии эти азы использовать в такой разговорной речи. Но, во всяком случае, нам казалось, что немец понимает нас, а мы понимали его. Мы хотели заговорить, и всё-таки кое-что выведать у него и выбраться из деревни. Но он, оказалось, был более хитрым немцем: поговорить-то он с нами поговорил и, пожалуй, всё нам рассказал. Всё было понятно, что линия фронта проходила как раз не в Москве, а именно в районе деревни Копытцево. И как идти до деревни Копытцево нам объяснил, хотя, наверное, не понял, как он мог нам рассказать. Настолько хотелось в этот момент уйти, удрать от него, потому что мы собрали сведения. Мы поняли, где мы находимся. Нам было понятно, как нам дальше вести группу, то есть мы имели все данные, которые просила принести наш командир Катя Пожарская. Но он оказался

хитрее. И вот мы стали прощаться, он говорит: «Прощаться мы с вами будем утром, а сейчас вы пройдёте в один из домов, куда я вас провожу, и останетесь там до утра». Это не входило в наши планы потому, что в группе с нашим командиром мы договорились, что мы, если не придём до 6-7-ми часов вечера, то, следовательно, возникли определённые сложности, что мы дальше придти не сможем. Значит, надо было группе ориентироваться самим, следовательно, принимать уже свои собственные решения. Время было в пределах 4-го часа, во всяком случае, уже темнело, пожалуй, было темно. Но, так или иначе, он проводил нас в один из домов, поставил там часового у дома. Мы оказались в доме, где живёт женщина и у неё парнишка лет четырнадцати. Когда мы пришли, она угостила нас так называемым хлебом: это были различные отруби, и они были спрессованы. «Хлеб мы давно не печём и не видели давно хлеба, потому что, как только запахнет горячим, так появляются немцы и всё забирают», — объяснила она. Поэтому жители уже приспособились прессовать, прессовали они различные отруби, так было всё, что оставалось в крестьянском хозяйстве. И вот, по-существу, это что-то сырое, клёклое было за хлеб. Но мы, пожалуй, с удовольствием съели эти кусочки, которые они нам дали, потому что день прошёл у нас всё-таки трудный. Она нам посоветовала лечь на печку, чтобы отдохнуть, а с наступлением темноты она постарается помочь нам бежать из этого дома. И, действительно, примерно через 1,5 часа она нас разбудила, а мы быстро заснули, и сказала, что, пожалуй, можно сейчас организовать побег. Мы с ней договорились так, что её парнишка вынесет наши заплечные мешки на задний двор, туда, где находилась раньше скотина, а мы каким-то образом должны будем выйти на крыльцо, как-то с немцем поговорить и убедить его, что мы вышли «до ветру», по необходимости. Мы вышли на крыльцо. Немец сразу нас задержал прикладом винтовки, но мы ему объяснили, что нам надо выйти, что прошло уже длительное время, как мы находимся в доме и что нам надо только несколько минут. Он понял и разрешил отойти в сторону. В это время его кто-то окликнул, какой-то немец на мотоцикле. Он отвернулся от нас, и мы дали дёру за этот дом, через канавку и в поле. Был снег, и поэтому под ногами он хрустел. Немцы услышали и дали очередь из винтовки и автомата: стрелял и этот часовой, и немец, который был на мотоцикле. Поле было большое. Мы зигзагами крутили через это поле так, чтобы пуля не могла нас догнать. Мы бежали в тот лес, где нас ждала группа. Мы чувствовали, что исходили уже последние минуты ожидания, что группа волнуется. Что волнуется Катя Пожарская, что наше отсутствие, естественно, ставит перед ними новые задачи более сложные, более трудные и тем более неясные. Вот таким путём, зигзагом, бежав через это поле, мы смогли пронестись и мимо пуль, которые сначала свистели где-то, а потом постепенно утихли. Мы вбежали в лес, отыскали своих. И вот это время, несколько часов, которые мы провели с Соней в разведке, небольшое это короткое время, что мы по существу были

под арестом немцев в этом доме хозяйки-крестьянки, хорошей женщины, оставшейся верной своему советскому долгу, которая помогла нам бежать — за это время мы ещё больше сдружились, это был мой друг. С Соней я виделась в последний раз в тот день, когда я была ранена.

Это было 19 января 1942 г. У нас было задание в районе Можайска. Немцы в это время отступали. Шло наступление уже широким фронтом наших советских войск, немцы бежали из-под Москвы. И вот, одно из тех заданий, которое было дано нашей группе, соединённой с двумя другими группами: ликвидировать ту часть, которая отступает по одной из смоленских дорог. Здесь у нас был бой, тяжёлый и большой. Как затем сообщалось, в этом бою погибло более ста немцев. И вот после того, как я проползла более суток, меня встретили ребята у деревни. затем на санях привезли в местный партизанский отряд в лес в землянку. И там я последний раз виделась с Соней Пашуканис. Соня обрадовалась, когда привезли меня, потому что в группе считали, что я погибла или пропала без вести. Во всяком случае, на поле боя, когда пришли, то меня не было, я уползла. Я поползла, чтобы сообщить, что на поле боя оказалась тяжело раненая Катя Елина, которая почти всё время была в беспамятстве, теряла сознание. Поэтому надо было её как-то спасать. И я приняла решение: дойти или вернее доползти любыми средствами до деревни Сосновцы и попросить там ребят за ней придти. Кстати, деревенские ребята помогали нам в разведке, и мы их хорошо знали. Когда я приползла, от ребят я узнала, что Катю забрали, а меня вот потеряли. И вот какая была неподдельная радость и моя, и Сони, когда мы встретились. Я была ранена в обе ноги и поэтому меня и Катю оставили в местном партизанском отряде до прихода наших частей, частей Красной армии.

А наши товарищи переходили линию фронта уже без нас. Вот, когда мы прощались, мы прощались с Соней навсегда. И последующие годы, когда мы встречаемся с Катей Пожарской, Милой Хотовицкой или с нашим «Чижиком», то мы всегда вспоминаем наших боевых друзей, которых нет с нами. А в первые годы мне казалось, что Соня обязательно придёт. Но проходят годы, и это конечно уже ясно, что в том 1942 г. мы расстались навсегда. Помню много лет, уже за тридцать, но из памяти не может стереться человек большой души, огромного дара любви к Родине, большой патриот, честный человек, замечательный товарищ, большой друг. И нельзя сказать «вечная память» ей. Хочется сказать: «Здравствуй, ты здесь, ты всегда с нами». Не только в нашей памяти, за нашим столом, за нашими делами, в наших радостях, наших горестях. Вот такой всегда она остаётся в моей памяти».

ЖЕГЛОВА НАДЕЖДА ЛЕОНТЬЕВНА

Надя Жеглова родилась в 1921 г. в Смоленской области. До войны Надя Жеглова работала в МИИТе делопроизводителем на вагонном факультете.

В в/ч 9903 она была в группе Пожарской.

«В Москве до войны Надя жила в общежитии. Девушка трудно сходилась с людьми, её считали замкнутой, неразговорчивой. В партизанской группе, где все быстро сроднились, подругам открылась другая Надя, — живая, весёлая. Она любила шутить, петь». («Гудок», 28 апреля 1970 г.).

«Надя Жеглова — с виду такая простая, «деревенская», как будто недалёкая, а какая душа, какая задорная, весёлая девушка. Когда нас везли на то задание, в котором она погибла, Надя словно чувствовала, весёлая очень была, песни пела.» (Е.Я. Пожарская).

19 января 1942 г. в 7-8 километрах от деревни Сосновцы, северо-западнее Боровска Жеглова была смертельно ранена и умерла на руках Кати Пожарской.

ЕЛИНА ЕКАТЕРИНА СТЕПАНОВНА

1. **12.12.1979 г. «Наука и жизнь», «Издатправда», 125867, ГОП, г. Москва, А-47, ул. Правды, 24.**

«Дорогие ребята!

Недавно я прочитал в журнале «Наука и жизнь» в N 5 1978 г. «Школьный музей воинской части 9903» Н. Гельмиза. Мне очень понравился рассказ о Вашей школе и какую нужную и замечательную работу Вы ведёте. Я хотел немного дополнить. Речь идёт о Кате Елиной. Посылаю Вам копию газеты «Красная звезда», где описан бой, и вот в этом бою и была ранена Екатерина Елина, и мне пришлось принять участие в эвакуации Кати с поля боя, она была ранена в обе ноги, а ещё одну девочку, не помню, как звали, убило. Прошло много лет, но тот бой я никогда не забуду. Привет Вашим преподавателям и директору. Я от всей души Вас и Ваших преподавателей и директора поздравляю с наступающими праздниками 1-го мая и 9 мая. День Победы — самый дорогой праздник для нас.

С большим уважением к Вам. Михаил Гоникман.

2. **Запись, вложенная в папку Е.Я. Пожарской (конверт Е. Елиной)**

«Катя Елина во время боя была ранена разрывной пулей в бедро. Потеряв сознание, она долго пролежала на морозе, пока за ней не вернулись товарищи. Пока её тащили к своим, все ватные брюки пропитались кровью.

Ранение оказалось очень серьёзным, несмотря на все усилия врачей, через некоторое время у Кати началась гангрена, и сначала одну, а потом и другую ногу ей пришлось ампутировать.

Молодая, красивая девушка осталась без ног».

3. **Материалы, полученные от Н.В. Молий в 1962 году.**

(Н.В. Молий не участвовала в бое 19 января 1942 года. Она пришла в воинскую часть 9903 в конце 1942 года из Белоруссии).

«Екатерина Степановна Елина (Столярова), 1922 г. рождения, инвалид Отечественной войны (ампутированы обе ноги, остомилит левого бедра). Персональный пенсионер.

С первых дней войны в МК ВЛКСМ приходили комсомольцы и требовали отправки на фронт. В октябре 1941 г. в МК ВЛКСМ стала формироваться диверсионная часть для работы в тылу врага. Так из добровольцев комсомольцев была организована в/ч 9903 при отделе разведки западного фронта. Командиром части был Спрогис Артур Карлович, комиссаром Дронов Никита Дорофеевич. Бойцы были в основном в возрасте 16-20 лет.

Часть воспитала известных героев: Герои Советского Союза Зоя Космодемьянская, Лёля Колесова, партизаны Вера Волошина, Костя Заслонов, Юра Озол, восемь повешенных комсомольцев в г. Волоколамске.

Две группы в части полностью состояли из девушек, командирами их были Катя Пожарская и Лёля Колесова.

Группа Кати Пожарской, в которую входила Елина, выполняла ряд заданий в Подмосковье с ноября 1941 г.

Немного подробнее о задании, в котором Елина получила ранение.

Это было 19 января 1941 г. в сорокаградусный мороз. По данным разведки фронта немцы отступают по шоссе Можайск — Смоленск. Отряд занял оборону на изгибе дороги в 5-7 километрах от деревни Сосновцы (северо-западнее Боровска). Левый фланг заняли ребята групп Семёнова и Кагана, правый — девушки группы Пожарской. шёл немецкий обоз, по нему открыли огонь. На помощь немцам пришло подкрепление. завязался бой. Когда был приказ отходить, девчата прикрывали отход. Лиде Новиковой ранило руку, и Соня Пошуканис повела её отходить. В сердце ранена Надя Жеглова, убита Лиза Чарская, фамилия не точная (Примечание: позднее была зачеркнута «Чарская» и написана «Беневская»). Катя Елина и Лия Кутакова стреляют по очереди, постепенно отходят. Пожарская даёт последнюю очередь и вскакивает в канаву. Там, раненая в ноги, Лия приводит в чувство Катю Елину, у которой перебиты обе ноги. Катя на какой-то миг приходит в сознание и снова без памяти. Пожарская поехала за ребятами и за санями. Катя просит Лию, ползти пока есть силы, иначе замерзнешь. Лия поползла, опираясь руками на лыжи. Выползла к деревне Сосновцы, где её помогли два парня. Перенесли её в дом, накормили, отвезли в лес в землянку партизан. Там уже находилась их Катя Елина, которую привезли Пожарская и Гоникман. раненых отправили в Боровск. Через два месяца Лия и Катя Елина встретились в Пироговской клинике. Вскоре Катю отправили в г. Горький и они надолго расстались.

Елину разыскали благодаря статье в «Вечерней Москве» от 8 марта 1962 г. о ней. 19 марта состоялась встреча группы товарищей в/ч с Катей Елиной. Многое рассказали друг другу боевые друзья. Ноги Кате спасти врачам не удалось: началась газовая гангрена. «Выдержка и ещё раз выдержка» — эти слова Катя сделала своим девизом. Кончилась война. Кавалер ордена Боевого Красного Знамени Катя Елина пришла на свой родной завод «Динамо» им. Кирова.

Несколько лет она была делегатом социального страхования при цеховом комитете профсоюза цеха.

Сейчас Катя на пенсии. Она принимает активное участие в работе секции инвалидов войны, Советского Комитета Ветеранов войны».

4. **Запись 1985 г.**

«Екатерина Степановна Столярова (урожд. Елина), родилась 6 декабря 1922 г. в Тульской области. До войны работала на заводе «Динамо», жила в общежитии завода. Была стрелком в охране завода.

С первых дней войны Катя со своими подругами обращалась в заводской комитет комсомола помочь им попасть на фронт. Сердце сжимала ненависть к врагу. Уже под Тулой разрушена родная деревенька, пропали без вести мать и братишка. Враг приближается к Москве. Катя по путёвке МК комсомола направлена с тремя подругами в в/ч 9903. За короткий срок требуется овладеть оружием, приёмами боя, минированием и многому другому. Сосредоточено и вдумчиво готовится она к будущим действиям в тылу врага. Серьёзная и сильная, открытая и сердечная она внушала большое уважение и симпатию. Катя в составе группы из 11 девушек с командиром Пожарской Катей переходит линию фронта со специальными заданиями. Задания на Волоколамском направлении.

К четвёртому заданию приходится готовиться более тщательно. Предстоял глубокий рейд в тыл противника на лыжах. В январе морозы доходили до сорока градусов. Группе надо было объединиться с другой оперативной группой. Объединённый отряд минирует мост и шоссейную дорогу, по которой проходила фашистская техника, и эвакуировалось, награбленное у населения, имущество. Операция прошла благополучно. Последний подрывник успел скрыться, когда на дороге показалась колона машин, сопровождающая обоз с награбленным добром. Приказ командира обстрелять немцев по всей опушке леса. Группа Пожарской на правом фланге. Одновременно со взрывами мин — залпы и очереди автоматов. Оглушительные крики раненных солдат, ржание и хрипы лошадей, выстрелы, немецкие команды.

Девушки вели прицельный огонь. Подошедшее к немцам подкрепление изменило соотношение сил. Автоматчики стали обходить лесок, пули визжали рядом. Ранена в сердце Надя Жеглова, убита Лиза Чарская, фамилия не точная (Примечание: «Чарская» зачёркнута и написана «Беневская»). Последними из бойцов отходят Кутакова, Елина и Пожарская. Но ранена в ноги Лия Кутакова, около неё лежит с тяжёлым ранением в бедро и раздробленной голенью без сознания Катя Елина. Пожарская спешит за помощью, Лия ползёт в сторону деревни, опираясь на лыжи, ей уже около деревни Сосновцы помогли местные парни добраться до землянки партизан. Там собрался весь отряд. Катю Елину туда довезли на связанных лыжах Пожарская и Гоникман. Лию и Катю на подводах перевезли в Боровск.

Трое суток Катя была на грани жизни и смерти. В Боровске она пришла в сознание. Профессора и врачи всеми силами старались поставить Катю на ноги, облегчить её

страдания. Но не удалось: газовая гангрена, ампутация обеих ног. Она перенесла несколько операций. Какая нужна была выдержка! Но Катя не сдалась. Учится ходить на протезах как Мересьев, и даже танцевать! Уже в 1947 г. Екатерина Степановна возвращается на свой завод, становится в строй. И никаких себе поблажек. Контролёр ОТК заготовительного цеха, делегат соцстраха в цеховом комитете. И находила в себе силы и навестить больного и поддержать. Мало кто знал, что ей это стоило. Беда не сломила её. Жизнелюбие, любовь и уважение к людям труда, сила молодости, волевой характер давали возможность жить полнокровной жизнью.

Красивая, светловолосая, простая и мудрая, добрая и гордая, она продолжала служить людям, отдавать все силы своему народу.

Уже гораздо позднее начнут одолевать недуги, один за другим. А она только удивится: «А я думала, что мне и износа не будет».

За боевые заслуги Екатерина Степановна награждена орденом «Боевого Красного Знамени».

5. **Рукописный текст — автор К.В. Сукачёва.**

«Екатерина Степановна Столярова, а в сороковые годы — Катюша Елина.

Катюша, Катенька, Екатерина!

Чуть выше среднего роста. Красивое, строгое лицо, чудесные волосы, смелая, решительная. Как у всех нас — мечты о нежной, верной любви, о счастливой жизни после войны. Мечты…

Очередное задание в составе группы Пожарской, бои с фашистами в лесу близ деревни «Сосновцы», тяжёлое ранение, гангрена ног, ампутация ног и всё… Это в 19 лет!

Но Катюша выдержала, выстояла, душа и сердце её не ожесточилось. Она упорно осваивала протезы. Поступила на работу, активно занималась общественной работой. Жила полезной, активной жизнью.

У поэта Неверова есть такое стихотворение:

«Война нас мяла и давила

И норовила бить под дых.

И всё ж война нас не сломила,

Знать сил хватило молодых».

У Катюши хватило сил. И в награду за её мужество, за её упорную борьбу за жизнь, жизнь одарила её счастьем — к ней пришла любовь. Она встретила Михаила Ивановича Столярова — родилась счастливая семья. Екатерина Ивановна всю свою нежность передала супругу, окружила его вниманием заботой, создав в доме уют и тепло. Они жили полноценной и интересной жизнью, не отказывая себе в путешествиях: были в Минске, Ленинграде, Голубых Озёрах, хотя у них на двоих была одна нога. Но у обоих были умные головы, добрые сердца, нежные души, работящие и умелые руки. 30 лет они прожили вместе, любя и радуя друг друга.

Сильная, добрая, женственная Катюша Елина подарила счастье Михаилу Столярову, которого война, так же как и её, «ударила под дых».

В папке школьного музея «Группа Екатерины Пожарской» есть запись первой поездки группы ПОИСК и участников боя 19 января 1942 года в места тех событий. Привожу её полностью. Есть и фотографии этой поездки. Дата неизвестна.

Поездка на место боя

Погожим сентябрьским днём на разведку перед общим выездом отправились руководители похода. За один день нужно было разузнать многое. Начали с вариантов подъезда к деревне Рахманино, где жили наши знакомые Азаренков и Бирюков. Из трёх целей: деревня Красный посёлок, Сосновцы и Дунино, выбрали последний, так как там были захоронены погибшие бойцы.

Михаил Сафронович Азаренков старался, как можно подробнее познакомить нас с местом действия диверсионной группы. С вершины холма перед нами открылась панорама окрестностей. По чётко прослеживающейся ложбине от Головина через Сосновцы на Дунино в 1942 г. проходила одна из важнейших дорог отступления немецких войск от Москвы. Этот большак всегда был оживлённым. Дорогу постоянно расчищали. Вдоль неё проходил главный телефонный кабель связи. Все придорожные

сёла были заняты немцами. А те, что были чуть в стороне, грабились немцами время от времени. Вот так и Красный посёлок, что стоял на склоне холма буквально в 800 метрах от оживлённой трассы продвижения немецких войск.

Вернувшись к подножию холма, Михаил Сафронович показал нам место, откуда он увидел Кутакову, приползшую на вторые сутки после боя в Красный посёлок. Он показал нам место своего дома, где ночевали бойцы перед боем, где приняли Кутакову и оказали ей помощь после боя, и дом Бирюковых.

Михаил Сафронович предложил нам побеседовать с семьёй Мимошковых. В просторной комнате, где продолжал транслировать хоккейный матч, мы услышали рассказ бывшей жительницы деревни Дунино (сейчас она живёт в Рахманино), Мимошковой Евдокии. Она хорошо помнит бой близ деревни Сосновцы, после которого начался страшный обстрел, и было сожжено их село и дом. А она осталась старшей 16-ти лет на 6 братьев и сестёр без отца и матери.

Она же видела тела погибших бойцов у села Сосновцы, когда их свозили к братской могиле в Дунино. Особенно ей запомнился мужчина, но, конечно, кроме этой печальной картины морозного февральского дня, она не могла ничего добавить конкретного, как бы извиняясь за это, проговорила: «Вот если бы найти того, кто их поднимал в лесу и перевозил, тогда бы они вам точно могли сказать обо всех подробностях захоронения». Эта фраза ещё звучала в нашем сознании, как бы сосредоточив в себе всю энергию, движущую поиск, как в комнату шумно вошёл неожиданный гость. К нам пришёл один из двух братьев Филлипенковых, занимавшихся захоронением советских солдат в братской могиле в деревне Дунино. В те годы наш собеседник, десятилетний парнишка, просто помогал своему старшему брату Илье, который был уполномоченным в этой работе. Старший брат погиб и единственным свидетелем этой страницы истории остался Филлипенков Владимир Сергеевич. От него мы узнали о последнем пути Жегловой, Чарской (исправлено на «Беневской») и Новикова. В тот же вечер мы услышали подтверждение того, что после захоронения бойцов в Дунино, уже позднее их останки вместе с останками других перезахоронили в братскую могилу села Передел.

В походе 1978 г. мы продолжили поиск, и нашли поляну, на которой был бой, где погибли Надежда Жеглова, Елизавета Чарская (исп. Беневская) и Михаил Новиков. Прежде всего, разыскал жительницу села Сосновцы Прохорову Евдокию Михайловну и записали её рассказ. «Лыжники пришли в Красный посёлок, где я жила. Среди них были и девушки, и ребята. Переночевали, потом на утро или даже днём они привели отряд лыжников за Сосновцы, ушли делать засаду. Двое остались охранять деревню,

поставили мины. Мы, жители, видели, как бежали немцы, слышали стрельбу. С горы всё видно было. Вернулись не все, Лиза погибла. Потом пришли партизаны, и ушли с лыжниками в лес. Раненую девушку, у которой отняли ноги, я не помню, её отвезли к партизанам в тот же день, а другая на второй день к вечеру выползла. Ребята побежали и привезли её на санках к Бирюковым. Руки её были отморожены, валенки мы не снимали, так как у неё были ранены ноги. Здесь её растёрли. Это делала Клава, работавшая медсестрой. Покормили мы раненую и повезли её к партизанам в лес».

Затем мы отправились по разбитой дороге к месту боя. Всего 2 километра от села, но без проводников мы вряд ли отыскали место засады. Теперь здесь густые заросли кустарника и молодых деревьев. В этот раз мы пришли на разведку без ветеранов того, январского боя. В следующий раз нужно будет приехать сюда с участниками и свидетелями боя под Сосновцы и побывать в селе Передел, где захоронены погибшие бойцы.

Жаль, что, несмотря на то, что опубликованные фамилии Жегловой, Чарской (исп. Беневской) и Новикова в журнале «Наука и жизнь» в списках тех, о ком мы хотели бы получить хоть какой-либо дополнительный материал — о них самих или об их родственниках, мы до сих пор ничего не узнали нового о них. Только Людмила Леонидовна Хотовицкая подарила музею фотографию памятника погибшим студентам и сотрудниками МИИИТа, на котором высечено имя Надежды Жегловой. Памятник сооружен 9 мая 1970 г. в сквере института (Москва, ул. Образцова).

Рассказ о бое:

«Поочерёдно, сменяя друг друга, Кутакова и Пожарская перебегали простреливаемую насквозь просеку. Кутакова была уже близка к цели, когда по ногам ударило что-то горячее. В первый момент Лия ещё не чувствовала боли. Подбежала Пожарская: «Что случилось? Ранена?» Лия попросила её сходить за людьми. Пожарская решила идти в Сосновцы и звать на помощь ребят. Кутакова осталась одна. Вдруг Лия услышала стон. Она решила подползти, посмотреть кто это. Кое-как добралась до раненой. Лия увидела Катю Елину, которая всё время впадала в беспамятство. В минуты, когда приходило сознание, Кутакова убеждала её двигаться вперёд, к месту, назначенному для сбора отряда. Но она скоро поняла, что сделать это Катя не в состоянии. Тогда Лия решила ползти к своим товарищам за помощью. Она сунула руки в лыжные крепления и, двигая их перед собой, поползла. Ползти было трудно: время от времени она теряла сознание, так как руки замёрзли и не подчинялись, перебитые ноги кровоточили, валенки были заполнены замёрзшей кровью, малейшее движение причиняло боль. Сориентировавшись по звёздам, Лия верно определила направление движения. нужно

было найти лыжню, по которой отряд пришёл из Сосновцы. Сколько времени прошло, Лия Петровна теперь не может вспомнить, но лыжню она нашла и поползла. Однажды ей показалось, что по дороге проезжали два всадника, пристально вглядываясь в её сторону. Лия замерла, маскхалат надёжно её скрыл на снегу. Возможно, это были свои, вернувшиеся за ней, но не нашедшие её на месте боя. Ребята вернулись в деревню и в тот же вечер сказали, что не нашли Лию, но они привезли Катю Елину… Лия ползла всю ночь, потеряв счёт времени. Через 12 часов, к утру, она оказалась недалеко от деревни. Когда она, наконец, подняла голову, — увидела деревенских парней, которые накануне помогали её группе перед уходом на задание. Они тут же подбежали, подняли её и втащили в избу. Оказалось, что Лия ползла по минному полю, и малейшее отклонение в сторону грозило ей гибелью. В избе Лия попыталась встать на ноги, но ноги не слушались, они стучали по полу, как деревянные колодки, кровь замёрзла. Она просила ребят сходить за Катей Елиной, но ей сказали, что та уже у партизан. Но неожиданно в деревню нагрянули немцы. В эти минуты она ясно ощутила, что сейчас может расстаться с жизнью. Кое-как добралась до простенка, твёрдо решив, что живой не сдастся. Выглянула в окно. Немцы переходили от дома к дому, медленно приближаясь к дому, где находилась раненая Лия. Тут Лия заметила, что немцы грабят дома в шахматном порядке. Они зашли в соседний дом, в дом напротив и миновали её избу. Лия потеряла сознание. Как только немцы уехали, ребята смастерили из двух салазок повозку, повезли её в лес в местный партизанский отряд.

К концу января Сосновцы освободила Красная Армия. Раненых отправили в Боровск, а затем в Москву. 5-7 дней Кутакова была в Московском госпитале, после этого была направлена на излечение в Рязань. Лишь в мае она вышла из госпиталя и вернулась в свою часть. Елину из Московского госпиталя отправили в Горький. Подруги надолго потеряли её след. Ранение оказалось очень тяжёлым, началась гангрена. Сначала одну, потом другую ногу пришлось ампутировать. Катя училась ходить на протезах. За проявленное мужество Екатерина Степановна Елина была награждена орденом Боевого Красного Знамени. так закончился её короткий славный боевой путь».

Рассказ Н.И. Бирюкова:

«Мы с Мишей (Азаренков) как-то вышли на опушку леса. Видим, впереди из леса вышли несколько человек. Оказалось это разведчики из отряда. Когда мы сказали им, что немцев в нашей деревне (Красный посёлок) нет, они вызвали отряд. Вся группа вместе с нами на лыжах поехала в деревню. Отряд поселился в двух домах на краю деревни, в доме Сафроновых и их соседей. Как мы запомнили: ваш отряд должен был идти на Уваровку, но немцы шли (отступали) по дорогам без перерыва. Решили дать

бой на большаке, недалеко от деревни Сосновцы. Вышли в лес, ещё едва светало, прошли через озеро к большаку на Сосновцы, нашли удобное место для засады. Долго ждали, когда наступит перерыв в движении немецких обозов. Полдня просидели. Уже даже пообедали в лесу. Мы с Мишей пошли с отрядом за трофеями. Уже замёрзли, начало темнеть, и решили дать бой. Командир (Каган) был в белом полушубке, он вышел к дороге, в 50-ти метрах от дороги, и стоял за осиной. Он выстрелил в офицера из пистолета и дал сигнал к началу боя. В 10 метрах от дороги над обрывом была ель. И три бойца там и погибли (2 девушки и один парень, у него, кажется, были треугольники — старший сержант). Немцы шли бесконечно, винтовки были на повозках. После выстрелов началась паника. Лошади встали на дыбы, люди бросились за оружием».

Михаил Сафронович Азаренков:

«Один боец бросил гранату из-под ели, и она вверху в сучьях застряла (прямо над ними). Он крикнул: «Ложись». Граната взорвалась, но никого не ранила, чудом спаслись. У меня только кусок ватных брюк вырвало под коленом».

Н.И. Бирюков:

«Одну из девушек ранило в плечо разрывной пулей».

Л.П. Кутакова:

«Это, по-видимому, Жеглову. В это же время ранило Новикову Лиду в руку. Её ранило при мне. Вдруг она схватилась за живот и говорит: «Меня в живот ранило». А я ещё подумала: «В живот ранена, а не падает». Потом она руку отняла, а кровь у неё течёт из руки. Просто пуля попала ей в пряжку ремня (она ещё хвасталась, что у неё офицерский ремень) и отскочила рикошетом в руку. Но удар-то был сильный в живот, а уже в руку слабее, поэтому создалось такое впечатление, что она ранена в живот. Но она вернулась сама из задания, рана оказалась не очень серьёзной».

Н.И. Бирюков:

«Я отходил с 2-мя девушками. С раненой в руку и другой. Вечером, когда мы шли вдоль опушки леса, нас немец обстрелял из пулемёта, со стороны Сосновцы, засев прямо на нашей лыжне. Раненая Новикова оставила свою сумку и лыжи, и винтовку СВТ.

Потом мы вышли на другую группу, отступивших бойцов из нашего отряда. Командир

увидел девушку без винтовки и говорит: «Сейчас тебя расстреляем». Потом я вернулся и принёс винтовку…»

…Отвезли раненую Елину в ту же ночь в партизанский отряд. До этого, сразу после боя, Бирюков и Азаренков бегали в партизанский лагерь. Кутакова приползла на вторые сутки к вечеру после боя, ползла 7 километров.

Н.И. Бирюков:

«Мой двоюродный брат пошёл к колодцу воду доставать. Мне кричит: «Коля, иди сюда!» Я выбежал и вижу, вы (Кутакова) стоите на коленках на лыжне и машете нам рукой. И мы тоже стоим и машем».

Л.П. Кутакова:

«Я этого не видела, меня тревожило то, что вы молчали».

Н.И. Бирюков:

«Потом вы что-то закричали и упали. Вас, когда привезли, сразу на печку и стали оттирать. (Она не плакала, только кряхтела). Рукавицы были все порваны, начисто протёртые. А мороз 40 градусов. Руки оттирали гусиным салом».

Л.П. Кутакова:

«Да, самое главное, что руки мне хорошо оттёрли. Теперь они нормально работают. В то время я не чувствовала ни рук, ни ног».

М.С. Азаренков:

«Приходила моя сестра Клавдия, она до войны работала медсестрой. Нас мужчин выгнали. Она стала растирать ноги».

Л.П. Кутакова:

«Она хотела разрезать валенки, но я ей не разрешила. Когда меня спросили, что я хочу? Я сказала, что хочу есть».

Н.И. Бирюков:

«Это мать моя Вас кормила. Это было в нашем доме. Вся деревня собралась. Вы были в Красном Посёлке, а в Сосновцах Вы не были, там были немцы».

М.С. Азаренков:

«В тот же вечер отвезли в партизанский отряд. Завернули в тулуп, положили на двое салазок, накрыли сверху маскхалатами».

Л.П. Кутакова:

«Когда привезли к партизанам, выскочила Соня (Пошуканис) и спрашивает: «Кого?» Ей ответили: «Лильку!» Она: «Мёртвую?» А когда мне оттирали ноги в партизанском отряде, я чувствовала только левое колено, говорю: «Вы мне его не растирайте, вы мне другое растирайте. И как раз из-за того, что меньше растирали его, на нём у меня было обморожение 3-й степени. Всё, помню, почернело. Обе ноги были ранены ниже колена, срезали автоматной очередью».

Н.И. Бирюков:

«Там был большак. Он проходит с Сосновцах на Дунино. Там и похоронили ваших товарищей».

М.С. Азаренков:

«После вашего боя немцы прекратили движение. Они остановились в Сосновцах и Головино, там ночевали. Образовалась пробка. Когда отступали, начали поджигать деревню и только утром отступили. Они зажгли Красный Посёлок, весь сожгли. Сгорел наш дом и дом Бирюкова. Сейчас там ничего нет. А наши войска пришли в посёлок через два дня.

НАГРАДА НЕ НАШЛА СВОЕГО ГЕРОЯ

В начале 2005 года я предприняла попытку исправить все допущенные ошибки по

восстановлению имени Елизаветы Ивановны Беневской в архивах и в опубликованном приказе о награждении её орденом «Красного знамени» в 1942 году, в котором её фамилия напечатана как БЕШЕВСКАЯ.

Прежде всего, по совету Маргариты Михайловны Паншиной я подготовила достаточно подробный текст письма на имя Командира в/ч 61379, полковнику А. Серебрякову. Раннее я к нему обращалась (о чём я писала выше), но получила ответ, что Е.И. Беневская по их архивам считается пропавшей без вести.

Привожу текст этого письма:

Командиру в/ч 61379

полковнику А. Серебрякову

от Беневского Александра Ивановича, профессора Рос-

сийского государственного медицинского университета,

ветерана труда, проживающего по адресу: Москва, 119633,

Боровское шоссе, д. 29, кор. 1, кв. 231.

тел. дом. 731-28-63.

и Осиповой Татьяны Михайловны, работника ректората МГУ им.

Ломоносова, в настоящее время пенсионерки, ветерана труда,

проживающей по адресу: Москва, 119571, ул. 26-ти Бакинских комиссаров, д. 3, кор. 1, кв. 431.
тел. дом. 433-41-79

Мы, нижеподписавшиеся А.И. Беневский и Т.М. Осипова, племянники Беневской Елизаветы Ивановны (1915-1942 г.г.), участвовавшей во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. в обороне Москвы в составе в/ч 9903 и погибшей 19 января 1942 г. (захоронена близ с. Сосновцы д. Дунино Калужской обл. вместе с двумя бойцами Жегловой Н. и Новиковым М.) и представленной к правительственной награде — ордену «Красной Звезды» (Приказ N 191 от 17 февраля 1942 года, опубликованный в газете «Красногвардейская правда» за 31 марта 1942 года, в котором, правда, фамилия Беневской Е.И. напечатана как Бешевская Е.И. Копия публикации прилагается. Этим же приказом награждены участвующие в этом бою: орденом «Красного Знамени» — Бирюков В.С., Ильин В.Г., Каган С.Г.; орденом «Красной Звезды»- Гониман И.Х., Лохов М.А…) обращаемся к Вам с просьбой предоставить из имеющихся материалов разведотдела Западного фронта за 1942 год копию документов Беневской Е.И., подтверждающих её участие в боях в

Подмосковье и посмертное награждение. Полученные документы необходимы для завершения книги о Беневской Е.И. и для получения ордена «Красная Звезда», ей предназначенного в качестве уже семейной реликвии.

Беневская Елизавета Ивановна, дочь Беневского Ивана Аркадьевича и Беневской Анны Исидоровны, организаторов и педагогов детских приютов в Брянской и соседних губерниях для сирот-детей, родители которых погибли во время первой мировой и гражданской войны. В 1922 году отец и мать Елизаветы Ивановны умерли от сыпного тифа, (которым заразился отец, возвращаясь из командировки по поручению Комитета по народному образованию для инспектирования детских приютов), оставив сиротами 4-х своих детей-сестёр и 4-х приёмных, опекунство над которыми было оформлено на сестру их матери — Евдокию Исидоровну Федоровскую. Окончив с отличием Дубровскую среднюю школу N 1 (пос. Дубровка Брянской обл.), старшие сёстры Нина и Елизавета поступают в Москве Нина — в медицинский, а Елизавета — в энергетический техникумы, а после окончания с отличием техникумов поступают соответственно в Московский медицинский и Московский энергетический институты. Беневская Е.И. была награждена почётной грамотой Московского Энерготехникума с присуждением ей звания

«Ударник года 2-ой Пятилетки» (08.03.1935 г.). Она была также участницей заседания IX Пленума ЦК ВЛКСМ. В сентябре 1941 года она, будучи студенткой 2-го курса Московского энергетического института уходит на фронт в составе в/ч 9903, а в январе 1942 года, как указано выше, она погибла.

Кроме выше указанной опечатки в газете «Красная Звезда» в первых о ней публикациях её однополчан Е.И. Беневская фигурировала как Е.И. Чарская, учительница и мать двоих детей-девочек, о которых она говорила, что они остались с матерью (на самом деле она говорила о двух своих племянницах, дочерях Нины; своих детей у неё не было). Адрес же родственников в своих документах она оставила адрес Нины, которая работала хирургом в челюстно-лицевом госпитале, развёрнутом во время войны в школьном здании по ул. Большие Кочки (ныне 2-ая Фрунзенская ул.). После войны, когда однополчане совместно с группой ПОИСК школы N 1272 (бывшая школа N 15 Пролетарского района) начали работу по розыску родственников своих погибших боевых товарищей, все эти неточности на долгие годы затянули поиск родственников, ранее получивших на свои запросы в в/ч 9903 о ней сведения как о «пропавшей без вести». И только в 1989 году состоялась встреча в школе однополчан, школьников и родственников Е.И. Беневской:

её младшей сестры Веры Ивановны Беневской и племянников А.И. Беневским (сын Веры) и Т.М. Осиповой (дочери Нины). Позже была организована совместная поездка в с. Дунино Калужской обл. на могилу трёх бойцов, погибших 19 января 1942 года и похороненных местными жителями.

Все эти неточности будут исправлены благодаря полученным документам из Вашего архива и из личного дела архива Московского энергетического института.

В настоящее время живы её племянники: Александр Иванович Беневский А.И. (1951 г.р.) — сын средней сестры Веры Ивановны Беневской (1917-1999 г.г.) и Осипова Т.М. (1941 г.р.) — дочь её старшей сестры Нины Ивановны Горбуновой-Посадовой (урожд. Беневской) (1913-1983 г.г.), которая занимается подготовкой публикаций о Беневской Е.И. и её родителях по материалам семейного архива.

Приложение:

1. Копии документов Е.И. Беневской довоенного времени:

а) Метрическая запись о рождении (1915 г.);

б) Грамота Московского энерготехникума (1935 г.);

в) Справка, выданной Е.И. Беневской 16.09.1941 г.;

г) Пропуск N 763 на собрание Московского комсомольского

актива по итогам IX пленума ЦК ВЛКСМ (1939 г.);

д) Приглашение на заседание объединённого пленума МК и

МГК ВЛКСМ (1939 г.).

2. Копия «Приказа войскам Западного фронта» N 191 от

17.02.1942 г.

3. Копия фотографии захоронения Елизаветы Ивановны Беневской.
4. Копии документов, подтверждающих родство с Е.И. Беневской,

её племянников А.И. Беневского и Т.М. Осиповой.

С уважением (А.И. Беневский)

О4.04.2005 г. (Т.М. Осипова)

Поехали в архив вместе с Маргаритой Михайловной Паншиной, которая предварительно договорилась о встрече с помощником А. Серебрякова, чтобы передать письмо лично в его руки и попросить ускорить получение ответа из архива.

4-го мая я получила ответ. Привожу это письмо и приложенную к нему копию отчёта командиров боевых групп в/ч 9903 от 25 января 1942 года со всеми теми опечатками, которые были допущены в этом отчёте.

« Исп. вх. № 26-п

Гражданке Т.М. Осиповой.

Ул. 26-ти Бакинских комиссаров, д. 3, кор. 1, кв. 431, Москва, 119571.

Уважаемая Татьяна Михайловна!

По Вашей просьбе направляю копии документов в отношении Беневской Елизаветы Ивановны, подтверждающие её участие в качестве бойца партизанского отряда,

действовавшего по заданию Разведотдела Западного фронта во время Великой Отечественной войны 1941 0 1945 гг.

Желаю Вам всего доброго.

Поздравляю с 60-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.

Приложение: копии из журнала безвозвратных потерь личного состава Разведотдела Западного фронта и приказа войскам Западного фронта на 3-х листах, только адресату.

Командир войсковой части 61379 А. Серебряков

4 мая 2005 года

№ 24/26-п.

Приложение:

Подполковнику т. СПРОГИСУ.

О Т Ч Ё Т

О РАБОТЕ ОТРЯДА ПОД КОМАНДОВАНИЕМ ПОЛИТРУКА т. КАГАН.

ЗА ПЕРИОД С 16 ПО 21 ЯНВАРЯ 1942 г.

ОБЩИЙ ИТОГ.

Уничтожено солдат и офицеров……до 200 чел.

Уничтожено лошадей……30 л.

Уничтожено повозок……12

ПОДРОБНЫЕ ДЕЙСТВИЯ.

16.1.1942 г. Отряд в составе 57 чел. Под командованием мл. в/техника т. ИЛЬИНА и политрука т. КАГАН перешёл линию фронта в районе Брюхово, Свердлово (12 км. Северо-Западнее Кременское).

Из целесообразности выполнения поставленных задач, отряд для действия в тылу противника разделился на 2 группы. Одна группа в составе 22 чел. Под командованием т. ИЛЬИН, пошла выполнять задание в район Уварово, другая группа в составе 35 чел. под моим командованием пошла в район Сосновцы, Марьина, Рахманина, Головино (15 км. Южнее Ельня). В этом районе с 16 по 21 января 1942 г. проделана следующая работа:

1. На дороге Шахово, Дурнево, Цезарево, соединённой со стыком Можайской дороги (в районе Цезарево) было заложено 70 кг. Аммоналу и 800 гр. толу, дорога взорвана. Операция произведена совместно с отрядом ГАЛКИНА, действующей по заданию Штаба 33-й Армии. (ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА КОНДРАТЬЕВА).
2. В районе Сосновцы, Головино, Коротцево, высоты 216,0 на дороге, идущей на Ширина, Слуговищево, Тропорёво, было поставлено 8 час мин, с зарядом 12 кг толу.
3. В районе Сосновцы, Головино, всей группой была устроена засада противника. По дороге двигались отходящие части противника (артиллерия на конной тяге, кавалерийские части, пехота и проч. обозы). Движение техники не было. Ровно в 14 час. 35 минут, был открыт огонь по колонне противника. В этом бою уничтожено около 200 солдат и офицеров, 30 лошадей, 12 повозок. Бой продолжался 45 минут. Движение было остановлено около суток.

Во время боя пали смертью храбрых 2 бойца: НОВИКОВ МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ и ЖИГЛОВА НАДЕЖДА ЛЕОНТЬЕВНА. Были тяжело ранены 3 бойца БЕНЕВСКАЯ ЕЛИЗОВЕТА, ЕЛИНА ЕКАТЕРИНА, КУТАКОВА ЛИДИЯ. Легко ранены КОРОТКОВ НИКОЛАЙ, НОВИКОВА ЛИДИЯ и КОМИССАР отряда КАГАН С.Г., СТАРОСТИН КОНСТАНТИН.

В этом же бою были захвачены у убитого офицера, карты и прочие документы.

В бою отличились следующие товарищи: СЕМЁНОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, ГОНИКМАН ИСАК, ФЁДОРОВ КОНСТАНТИН ИВАНОВИЧ, ГОЛЕВ АНАТОЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ, ИВЛЕВ МИХАИЛ ИВАНОВИЧ, ПУГАН ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ, ПОЖАРСКАЯ ЕКАТЕРИНА ЯКОВЛЕВНА, БАБУХИНА ЗИНАИДА, КОРОТКОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, КУТАКОВА ЛЕЯ ПЕТРОВНА.

21 января 1942 года личный состав группы был выведен из тыла противника в районе Свердлово. Тяжело раненные оставлены в землянках партизанского отряда, где Комиссаром т. БУЛЫЧЁВ ВАСИЛИЙ ПЕТРОВИЧ. Убитые похоронены бойцами отряда Комиссара Булычёва.

При выходе из тыла противника, о всей обстановке было доложено Начальнику оперативного отдела 33-й Армии (ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ КОНДРАТЬЕВУ). Прибыли в часть 23 января 1942 года.

КОМИССАР ОТРЯДА – ПОЛИТРУК /КАГАН/

КОМАНДИР ГРУППЫ /СЕМЁНОВ/

КОМАНДИР ГРУППЫ ДЕВУШЕК /ПОЖАРСКАЯ/

КОПИЯ ВЕРНА?: /СЕЛИВАНОВ/»

Примечание (Т.М.): По этому отчёту опять-таки Беневская Е.И. в этом бою «тяжело ранена» и оставлена у партизан.

Имя её напечатано с ошибкой – Елизовета, т.е вместо «а» напечатано «о»

Имя Кутаковой – Лия Петровна, а не Лидия и не Лея.

Надя Жеглова, а не Жиглова.

В приложении «Копия из журнала безвозвратных потерь личного состава Разведотдела Западного фронта о Беневской Е.И. написано:

«Под № 13 Беневская Е.И без вести 19.1.42 д. Сосновцы М.обл. И оставлен адрес сестры Москва, Большие кочки, сестра Горбунова».

То есть всё-таки была указана фамилия сестры: Нина Ивановна Горбунова и адрес, по которому она в это время работала в госпитале хирургом. Но никакого уведомления Нина не получила. И на все её позднейшие запросы был ответ короток: «пропала без вести».

Естественно такой ответ А. Серебрякова опять не внёс никакой ясности в документальное подтверждение судьбы Лизы.

Тогда по совету Дмитрия Мариновича Дмитриева (Председателя Совета Ветеранов в/ч

9903) я обратилась к юристу Совета Ветеранов ВОВ г. Москвы. Там мне не сказали ничего утешительного: что такие дела необходимо решать через суд, обратиться в редакцию газеты «Красноармейская правда», опубликовавшую в феврале 1942 года этот приказ и т.д. Об этом я рассказала Дмитрию Мариновичу, и он мне посоветовал обратиться в Общероссийскую общественную организацию ветеранов войны и военной службы (метро Кропоткинская). Приехав туда, спросила у охранника о том, к кому мне нужно обратиться со своим вопросом. На что получила весьма нелюбезный ответ, и собралась было уйти. Но тут вошёл в здание очень представительный мужчина и сам спросил по какому делу я приехала. Тут же в холле я кратко объяснила суть моего дела. Он попросил пройти с ним в его кабинет, где он меня внимательно выслушал и тут же куда-то позвонил. Я же в это время прочитала на кабинете табличку, что зовут хозяина кабинета Малафеев Аркадий Михайлович. Буквально через несколько минут он протянул мне карточку «Мандата» делегата конференции своей организации, на обратной стороне которой он написал адрес и телефон Межрегиональной организации, её Координационного Центра «НАГРАДЫ ВОВ» (Председатель Галутин Зиновий Вениаминович). Найти здание и размещённый в нём Центр оказалось не так–то просто, так как ему отведено несколько небольших помещений в каком-то учебном заведении, находящимся внутри жилого квартала. На самом же здании нет никакой вывески, и только охранники, курившие на улице рядом со входом в здание, подтвердили, что я правильно пришла и подсказали как в лабиринте здания найти нужных мне людей.

Встретила меня довольно любезно секретарь и проводила к Зиновию Вениаминовичу. Не успела я толком объяснить ему цель моего прихода, как тут же получила от него достаточно жёсткое разъяснение, что я не имею право на получение награды Е.И. Беневской, так как не являюсь её прямым наследником: могли бы получить награду её родители (Т.М. — которых она лишилась уже в пять лет), либо её дети (Т.М. -которых у неё никогда не было), либо её сёстры (Т.М. — которые к 2005 году уже давно скончались). Выслушав такую «отповедь», я сказала, что основная моя цель это исправить все допущенные ошибки по отношению к Е.И. Беневской и внести соответствующие правки во все её послевоенные документы. «Напишите заявление», — был ответ. Слава Богу, что я заранее подготовила очень подробное письмо, которое я тут же передала З.В. Галутину. По-видимому, он сразу успокоился, что я не буду требовать получения Ордена. Пригласив своего заместителя, отдал моё письмо и попросил подготовить ответ на него.

Текст моего письма полностью соответствовал письму к А.Серебрякову, только адресат заменён на З.В. Галутина. Но всё-таки привожу его полностью.

«ПРЕДСЕДАТЕЛЮ

МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Координационный Центр «НАГРАДЫ ВОВ»

Галутину Зиновию Вениаминовичу

от Осиповой Татьяны Михайловны, бывшего работника рек-
тората МГУ им. Ломоносова, в настоящее время пенсио-
нерки, ветерана труда, проживающей по адресу: Москва,
119571, ул. 26-ти Бакинских комиссаров, д. 3, кор. 1,
кв. 431. тел. дом. 433-41-79

Я, Т.М. Осипова, племянница Беневской Елизаветы Ивановны (1915-1942 г.г.), участвовавшей во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. в обороне Москвы в составе в/ч 9903 и погибшей 19 января 1942 г. Захоронена близ с. Сосновцы д. Дунино Калужской обл. вместе с двумя бойцами Жегловой Н. и Новиковым М. и представленной к правительственной награде — ордену «Красной Звезды»: приказ N 191 от 17 февраля 1942 года, опубликованный в газете «Красноармейская правда» за 31 марта 1942 года.

Однако, фамилия Беневской Е.И. в этой публикации напечатана

как Бешевская Е.И. Этим же приказом награждены участвующие в этом бою: орденом «Красного Знамени» — Бирюков В.С., Ильин В.Г., Каган С.Г.; орденом «Красной Звезды» — Гониман И.Х., Лохов М.А…).

Обращаюсь к Вам с нижеследующей просьбой:

1. Восстановить истинность награждения Е.И. Беневской и
2. Оказать помощь в получении её награды, как семейной релик-

вии.

В настоящее время о Е.И. Беневской готовится публикация по материалам семейного архива и по воспоминаниям о ней её однополчан.

Вот некоторые сведения о Елизавете Ивановне Беневской:

Беневская Елизавета Ивановна, дочь Беневского Ивана Аркадьевича и Беневской Анны Исидоровны, организаторов и педагогов детских приютов в Брянской и соседних губерниях для сирот-детей, родители которых погибли во время первой мировой и гражданской войнах. В 1922 году отец и мать Елизаветы Ивановны умерают от сыпного тифа, которым заразился отец, возвращаясь из командировки Комитета по народному образованию для инспектирования детских приютов, оставив сиротами 4-х своих детей-сестёр и 4-х приёмных. Опекунство над приёмными и родными детьми Беневского И.А. было оформлено на сестру их матери — Евдокию Исидоровну Федоровскую.

Окончив с отличием Дубровскую среднюю школу N 1 (пос. Дубровка Брянской обл.), старшие сёстры Нина и Елизавета поступают в Москве Нина — в медицинский, а Елизавета — в энергетический техникумы, а после окончания с отличием техникумов поступают соответственно в Московский медицинский и Московский энергетический институты. Беневская Е.И. была награждена почётной грамотой Московского Энерготехникума с присуждением ей звания «Ударник года 2-ой Пятилетки» (08.03.1935 г.). Она была также участницей заседания IX Пленума ЦК ВЛКСМ. В сентябре 1941 года она будучи студенткой 2-го курса Московского энергетического института уходит на фронт в составе в/ч 9903.

19 января 1942 года близ села Сосновцы Калужской обл. Елизавета Ивановна Беневская, будучи в своём четвёртом боевом задании в составе резедывательно-диверсионного отряда, в бою по задержанию отступающего врага до прихода регулярной армии, она погибла. Кроме выше указанной опечатки в приказе о награждении Е.И.Беневской в газете «Красноармейская Правда», в первых публикациях её однополчан Е.И. Беневская фигурировала как Е.И. Чарская, учительница и мать двоих детей-девочек, о которых она говорила, что они остались с матерью (на самом деле она говорила о двух своих племянницах, дочерях Нины; своих детей у неё не было). Адрес же

родственников в своих документах она оставила адрес своей старшей сестры Нины Ивановны Горбуновой-Посадовой (урожд. Беневской), которая работала хирургом в челюстно-лицевом госпитале, развёрнутом во время войны в школьном здании по ул. Большие Кочки (ныне 2-ая Фрунзенская ул.).

После войны, когда однополчане совместно с группой ПОИСК школы N 1272 (бывшая школа N 15 Пролетарского района) начали работу по розыску родственников своих погибших боевых товарищей, все эти неточности на долгие годы затянули поиск родственников, ранее получивших на свои запросы в в/ч 9903 о ней сведения как о «пропавшей без вести». И только в 1989 году состоялась встреча в школе однополчан, школьников и родственников Е.И. Беневской: её младшей сестры Веры Ивановны Беневской и племянников А.И. Беневским (сын Веры) и Т.М. Осиповой (дочери Нины). Позже была организована совместная поездка в с. Дунино Калужской обл. на могилу трёх бойцов, погибших 19 января 1942 года и похороненных местными жителями.

В настоящее время живы её племянники: Александр Иванович Беневский А.И. (1951 г.р.) — сын средней сестры Веры Ивановны Беневской (1917-1999 г.г.); и Осипова Т.М. (1941 г.р.) — дочь её старшей сестры Нины Ивановны Горбуновой-Посадовой (урожд. Беневской) (1913-1983 г.г.), которая занимается подготовкой публикаций

о Беневской Е.И. и её родителях по материалам семейного архива.

Приложение:

1. Копии документов Е.И. Беневской довоенного времени:

а) Метрическая запись о рождении (1915 г.);

б) Грамота Московского энерготехникума (1935 г.);

в) Справка, выданной Е.И. Беневской 16.09.1941 г.;

г) Пропуск N 763 на собрание Московского комсомольского

актива по итогам IX пленума ЦК ВЛКСМ (1939 г.);

д) Приглашение на заседание объединённого пленума МК и

МГК ВЛКСМ (1939 г.).

2. Копия «Приказа войскам Западного фронта» N 191 от

17.02.1942 г.

3. Копия фотографии захоронения Елизаветы Ивановны Беневской.
4. Копии документов, подтверждающих родство с Е.И. Беневской,

Татьяны Михайловны Осиповой.

04.04.05 г.

С уважением (Т.М. Осипова)»

На это письмо уже в мае 2005 года я получила «ВЫПИСКУ ИЗ ПРИКАЗА»

Командующего войсками Западного фронта № 191 от 17 февраля 1942 г. (см. фотоальбом) о представлении к награде Е.И. Беневской Орденом «Красная Зезда», в

которой фамилия указана верно – БЕНЕВСКАЯ, а не Бешевская. Кроме того, указан и домашний адрес в годы войны: Москва, пер. Хользунова, дом № 8, кв. 2, по которому мы все проживали до 1968 года.

К «ВЫПИСКЕ» приложена Копия учётной карточки награждённого:

«Фамилия — Беневская

Имя — Елизавета

Отчество — Ивановна

(Рукой вписано 9/25 – по-видимому учётный номер)

Звание – —

Должность и часть – Боец партизанского отряда, Разведотдела штаба З.-Ф.

НАГРАЖДЁН

ОРДЕНОМ КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

Дата Указа Президиума

Верховного Совета СССР — ПР. № 0191 от 17.2.42 г.

За что награждён – За бои с Германским фашизмом

4349-111 (по-видимому, № Ордена).

В графе «Домашний адрес» — адрес не указан, а в конце документа рукописная надпись – «ранена» и «Запд.»

Таким образом, есть теперь официальное подтверждение о награждении Лизы Беневской.

И остаётся загадкой: почему все эти сведения о Е.И. Беневской не были доведены до сестёр Беневских, старшая из которых, моя мама Нина Ивановна Горбунова-Посадова, умерла в 1989 году, а в 2001 году умерла Вера Ивановна Беневская – их младшая сестра.

И только благодаря поиску родственников Лизы и помощи мне ветеранов в\ч 9903 удалось восстановить события тех военных лет.

Теперь же ещё остаётся на моей совести поездка в Московский Энергетический институт для занесения имени Лизы Беневской в памятные документы архива института. Это уже давно мне советовала сделать Клавдия Васильевна Сукачёва, но я всё откладывала, желая подготовить эту публикацию, чтобы ехать «не с пустыми руками». Письмо же я подготовила:

В Московский энергетический институт

Председателю Совета ветеранов ВОВ

Геннадию Петровичу Кобранову

и Заведующему Музеем МЭИ

Владимиру Серафимовичу Базанову.

от Беневского Александра Ивановича, профессора Рос-

сийского государственного медицинского университета,

ветерана труда, проживающего по адресу: Москва, 119633,

Боровское шоссе, д. 29, кор. 1, кв. 231.

тел. дом. 731-28-63.

и Осиповой Татьяны Михайловны, работника ректората МГУ им. Ломоносова, в настоящее время пенсионерки, ветерана труда, проживающей по адресу: Москва, 119571, ул. 26-ти Бакинских комиссаров, д. 3, кор. 1, кв. 431.

тел. дом. 433-41-79

Мы, нижеподписавшиеся А.И. Беневский и Т.М. Осипова, племянники Беневской Елизаветы Ивановны (1915-1942 г.г.), ушедшей в сентябре 1941 года добровольцем на фронт, будучи студенткой Вашего института (копия Справки прилагается) и участвовавшей во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. в обороне Москвы в составе в/ч 9903 и погибшей 19 января 1942 г. (захоронена близ с. Сосновцы д. Дунино Калужской обл. вместе с двумя бойцами Жегловой Н. и Новиковым М.) и представленной к правительственной награде — ордену «Красной Звезды» (Приказ N 191 от 17 февраля 1942 года, опубликованный в газете «Красноармейская правда» за 31 марта 1942 года, в котором, правда, фамилия Беневской Е.И. напечатана как Бешевская Е.И. (Копия публикации прилагается). обращаемся к Вам с просьбой содействовать в получении нами копий с документов Елизаветы Ивановны Беневской имеющихся в Архиве

Московского энергетического института.

Полученные документы необходимы для завершения книги о Беневской Е.И. и для получения ордена «Красная Звезда», ей предназначенного в качестве уже семейной реликвии.

Беневская Елизавета Ивановна, дочь Беневского Ивана Аркадьевича и Беневской Анны Исидоровны, организаторов и педагогов детских приютов в Брянской и соседних губерниях для сирот-детей, родители которых погибли во время первой мировой и гражданской войнах. В 1922 году отец и мать Елизаветы Ивановны умерли от сыпного тифа, (которым заразился отец, возвращаясь из командировки по поручению Комитета по народному образованию для инспектирования детских приютов), оставив сиротами 4-х своих детей-сестёр и 4-х приёмных, опекунство над которыми было оформлено на сестру их матери — Евдокию Исидоровну Федоровскую.

Окончив с отличием Дубровскую среднюю школу N 1 (пос. Дубровка Брянской обл.), старшие сёстры Нина и Елизавета поступают в Москве Нина — в медицинский, а Елизавета — в энергетический техникумы, а после окончания с отличием техникумов поступают соответственно в Московский медицинский и Московский энергетический институты. Беневская Е.И. была награждена почётной грамотой Московского Энерготехникума с присуждением ей звания

«Ударник года 2-ой Пятилетки» (08.03.1935 г.). Она была также участницей заседания IX Пленума ЦК ВЛКСМ. В сентябре 1941 года она будучи студенткой 2-го курса Московского энергетического института уходит на фронт в составе в/ч 9903, а в январе 1942 года, как указано выше, она погибла.

Кроме выше указанной опечатки в газете «Краногвардейская Правда» в первых о ней публикациях её однополчан Е.И. Беневская фигурировала как Е.И. Чарская, учительница и мать двоих детей-девочек, о которых она говорила, что они остались с матерью (на самом деле она говорила о двух своих племянницах, дочерей Нины; своих детей у неё не было). Адрес же родственников в своих документах она оставила адрес Нины, которая работала хирургом в челюстно-лицевом госпитале, развёрнутом во время войны в школьном здании по ул. Большие Кочки (ныне 2-ая Фрунзенская ул.).

После войны, когда однополчане совместно с группой ПОИСК школы N 1272 (бывшая школа N 15 Пролетарского района) начали работу по розыску родственников своих погибших боевых товарищей, все эти неточности на долгие годы затянули поиск родственников, ранее получивших на свои запросы в в/ч 9903 о ней сведения как о «пропавшей без вести». И только в 1989 году состоялась встреча в школе однополчан, школьников и родственников Е.И. Беневской: её

младшей сестры Веры Ивановны Беневской и племянников А.И. Беневским (сын Веры) и Т.М. Осиповой (дочери Нины). Позже была организована совместная поездка в с. Дунино Калужской обл. на могилу трёх бойцов, погибших 19 января 1942 года и похороненных местными жителями.

Все эти неточности будут исправлены благодаря полученным документам из личного дела архива Московского энергетического института и из имеющихся материалов разведотдела Западного фронта за 1942 год, куда направлен нами аналогичный запрос.

В настоящее время живы её племянники: Александр Иванович Беневский А.И. (1951 г.р.) — сын средней сестры Веры Ивановны Беневской (1917-1999 г.г.) и Осипова Т.М. (1941 г.р.) — дочь её старшей сестры Нины Ивановны Горбуновой-Посадовой (урожд. Беневской) (1913-1983 г.г.), которая занимается подготовкой публикаций о Беневской Е.И. и её родителях по материалам семейного архива.

Приложение:

1. Копии документов Е.И. Беневской довоенного времени:

а) Метрическая запись о рождении (1915 г.);

б) Грамота Московского энерготехникума (1935 г.);

в) Справка, выданной Е.И. Беневской 16.09.1941 г.;

г) Пропуск N 763 на собрание Московского комсомольского

актива по итогам IX пленума ЦК ВЛКСМ (1939 г.);

д) Приглашение на заседание объединённого пленума МК и

МГК ВЛКСМ (1939 г.).

2. Копия фотографии захоронения Елизаветы Ивановны Беневской.
3. Копия «Приказа войскам Западного фронта» N 191 от

17.02.1942 г.

С уважением (А.И. Беневский)

(Т.М. Осипова)

И последнее. Мною было направлено письмо А. Серебрякову:

Командиру в/ч 61379

полковнику А. Серебрякову

Осиповой Татьяны Михайловны, работника ректората МГУ им.

Ломоносова, в настоящее время пенсионерки, ветерана труда,

проживающей по адресу: Москва, 119571, ул. 26-ти Бакинских
комиссаров, д. 3, кор. 1, кв. 431.
тел. дом. 433-41-79

на Ваш исх. N 24/26-П
от 04.05.05 г.

Прежде всего хочу выразить Вам и Вашим сотрудникам большую признательность за поздравление с праздником 60-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг. и за оперативную работу по пересылке мне копии документов из Вашего Архива на Беневскую Елизавету Ивановну, племянницей которой я являюсь, 1915 года рождения и погибшую 19 января 1942 года близ села Дунино Калужской области, где и захоронена весной 1942 года с двумя её боевыми товарищами.

Одновременно с направленным мною письмом в Ваш Архив копию такого же запроса я посылала в Председателю Координационного Центра «Награды Великой Отечественной войны З.В. Галутину. На мой запрос в указанный Центр я так же получила копии документов на Е.И. Беневскую.

При тщательном изучении полученных материалов оказалось, что по материалам Архива в/ч 61379:

1. Беневская Елизавета Ивановна числится «пропавшей без вести», а

в копии приказа N 191 от 17 февраля 1942 года о награждении её Орденом Красной звезды внесена рукописная поправка в фамилию, которая была напечатана как Бешевская (ни даты внесения поправки, ни кем она сделана не указано).

2. Кроме того указан адрес, по которому должны были прислать уведомление в случае гибели Елизаветы Ивановны Беневской, это адрес Московского челюстно-лицевого госпиталя, временно расположенного в школьном здании и после войны переместившегося по другому адресу, где работала хирургом моя мать, старшая сестра Елизаветы Ивановны. Тогда как в документах присланных из Центра указан её действительный домашний адрес.

Все эти неточности на многие годы затянуло поиск родственников Беневской Елизаветы Ивановны её однополчанами в/ч 9903, участников того боя и свидетелей её гибели, которые неоднократно обращались к документам архивам выше указанной части.

Прошу Вас, если есть такая возможность, внести соответствующие правки в документы Беневской Е.И. в Архиве в/ч 9903, для исключения последующих ответов на обращения к документам Архива. Для такого внесения правок прилагаю копию документов, присланных мне из Коринационного Центра «Награды Великой Отечественной войны» его Председателем З.В. Галузиным.

С уважением и благодарностью (Осипова Т.М.)

25.05.05 г.

Но пока мне не ясно, внесены ли исправления в их архиве, так как ответа на это письмо я не получила. По-видимому, опять-таки нужно поехать и убедиться в правильности сведений о Елизавете Ивановне Беневской.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А.К. Мегера

Родился Афанасий Кондратьевич в 1915 г. в крестьянской семье на Украине.

В 1937 г. окончил училище и назначен командиром взвода. В 1939 г. А.К. Мегера переведён в Краснодарское военное пехотное училище на должность командира роты. В 1940 г. поступил на учёбу в военную академию им. М.В. Фрунзе.

В первые дни войны в составе оперативной группы он был направлен в Разведотдел штаба Западного фронта для организации подрывной работы против немецких войск.

В конце августа 1941 г. назначен заместителем командира в/ч 9903, а в сентябре 1942 г. стал её командиром.

В январе 1943 г. в/ч 9903 в полном составе вошла в подчинение Разведуправления в глубоком тылу противника. Кроме основной задачи Афанасию Кондратьевичу удалось активизировать деятельность партизанского соединения под руководством И.Н. Банова и оперативного центра под руководством Г.М. Линькова.

В конце декабря 1943 г. возвратился в Москву и с 1944 г. до окончания войны работал в Разведывательном управлении ГШ Красной Армии.

В 1946 г. продолжил учёбу в военной Академии им. М.В. Фрунзе, в 1948 г. окончил её с отличием и золотой медалью.

С 1949 г. — в ГРУ Генерального штаба. В 1954 г. поступил на учёбу в Академию Генерального штаба, и после окончания первого курса уволен в запас по состоянию здоровья. Афанасий Кондратьевич длительное время работал в НИИ «Агат». Активно участвует в работе ветеранских органов А.К. Мегера, полковник в отставке, бывший командир в/ч 9903. А.К. Мегера награждён 6-ью орденами и многими медалями.

Н. Щегольков.

Член Союза журналистов Москвы, член Совета ветеранов

военной разведки полковник в отставке.

К.В. Сукачёва

Заместитель Председателя Совета ветеранов в/ч 9903

12 июля 1993 г.

Из двух тысяч личного состава в/ч 9903 погибли 951 человек, то есть почти каждый второй. В их числе:

— замучены в гестапо — 12 человек;

— повешены, расстреляны, сожжены заживо – 18 человек;

— погибли при десантировании или переходе линии фронта – 13 человек;

— погибли при минировании шоссе и железных дорог – 7 человек;

— подорвались на минах – 4 человека;

— пропали без вести – 348 человек, из них 104 человека не известно где.

Большое количество пропавших без вести объясняется тем, что разведчики и диверсанты, уходя на задание, не имели при себе никаких документов и при гибели оставались не опознанными.

Погибли и пропали без вести:

Под Москвой – 431 человек.

На Брянщине – 81 человек.

На Белоруссии – 150 человек.

В Польше – 20 человек.

В Восточной Пруссии – 21 человек.

В Латвии – 7 человек.

Районы Подмосковья, в которых больше всего погибло бойцов и командиров в/ч 9903:

— деревня Попково, Сухинический район, Калужская область – 112 человек;

— Можайск (особенно деревня Борисово) – 22 человека;

— деревня Холмы, Солнечногорский район – 22 человека;

— деревня Куява, Людиновский район, Калужская область – 17 человек;

— деревня Утешево, Бабинский район, Тульская область – 15 человек;

— Наро-Фоминский район – 25 человек: 5 погибло, 20 пропала без вести;

— Вяземский район — 11 человек;

— город Волоколамск – 10 человек.

Замучены в гестапо

1. Аксельрод Вера – 1921 год рождения, москвичка, погибла летом 1942 года в гестапо, г. Борисово.
2. Бабаджан Юрий Леонович – 1920 год рождения, москвич (родился в Тбилиси), погиб в мае 1942 года в гестапо, город Смоленск.
3. Бабанова Нина Васильевна – 1921 год рождения, урождённая деревни Исаево, погибла в феврале 1942 года в гестапо, город Богушевск Витебской области.
4. Базылева Вера Ивановна, уроженка города Могилёва, БССР, погибла в 1943 году в гестапо, г. Могилёв.
5. Закурина Елизавета Кирилловна – 1914 год рождения, уроженка города Родники, Ивановская область, погибла в июле 1942 года в гестапо, город Борисово.
6. Игнатьева Александра Григорьевна – 1924 год рождения, москвичка, погибла в феврале 1942 года в гестапо, город Богушевск, БССР.
7. Матвеев Виктор – 1923 год рождения, москвич, погиб летом 1942 года в гестапо, район Речицы, Гомельская область.
8. Прохоров Владимир Ильич — 1922 года рождения, из Ярославля, погиб в 1943 году в гестапо.
9. Пушникова Ольга Васильевна – в 1942 году погибла в гестапо, город Бобруйск.
10. Старых Василий (по легенде Куприянов) — погиб в апреле 1944 года в гестапо, город Борисово.
11. Тымм Людмила Ивановна (Мильда Яновна) – 1919 год рождения, москвичка, погибла в 1944 году в гестапо.
12. Колесников Николай – 1924 год рождения, погиб в 1943 году в гестапо, город Борисово.

Повешены, расстреляны, сожжены заживо.

13. Базанова Лидия Андреевна – уроженка города Горбатова-на-Оке, Горьковская область, радистка, расстреляна вместе с семьёй хозяина квартиры 8 апреля 1944 года.
14. Верёвочкин-Павлов Николай, москвич, сожжён немцами в доме деревни Манешино, Брянская область.
15. Винярский Валерий Иосифович – 1923 года рождения, уроженец города Бобруйска, расстрелян фашистами в мае 1943 года в БССР.
16. Волков Александр Дмитриевич в 1942 году повешен фашистами под Смоленском.
17. Волошина Вера Даниловна – 1919 года рождения, москвичка, уроженка города Кемерово, повешена 29 ноября 1941 года в деревне Якшино Московской области.
18. Ковров Алексей Петрович – 1914 года рождения, капитан, повешен 25 декабря

1942 года в районе хутора Неополимоский, брянская область.

19. Космодемьянская Зоя Анатольевна – 1923 год рождения, москвичка, повешена 29 ноября 1941 года в деревне Петрищево Московской области (посмертно Герой Советского Союза).
20. Сметанкин Юсуп Абдурахманович – 1924 года рождения, повешен в марте 1942 года в районе Новосёлки Демидовского района, Смоленская область.
21. Субботина Александра Моисеевна, москвичка, повешена в 1944 году под городом Бобруйском, БССР.
22. Терентьев Владимир – повешен зимой 1943 года в селе Бытошь Рогнединский район, Орловская область.

Казнены дважды – расстреляны, а затем повешены 6 ноября 1941 года в городе Волоколамске.

3. Галочкин Николай Александрович – 1917 года рождения, москвич.
4. Грибкова-Луконина Александра Васильевна – 1925 года рождения, москвичка, уроженка деревни Устье, Угодско-Заводской район, Московская область.
5. Киряков Павел Васильевич – 1917 года рождения, москвич, уроженец деревни Бурьерки, Рязанская область.
6. Коган Николай Семёнович – 1915 года рождения, москвич.
7. Ординарцев Виктор Васильевич – 1923 года рождения, москвич.
8. Пахомов Константин Фёдорович – 1917 год рождения, москвич, уроженец г. Краснодара.
9. Полтавская Евгения Яковлевна – 1919 год рождения, москвичка, уроженка города Херсона.

12 июля 1993 года. К. Сукачёва.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ.

16 октября 2006 года на имя Председателя ветеранов войсковой части 9903 пришло

письмо от командира войсковой части 61379 Министерства обороны (архив)

Эпилог

В результате поиска все действующие лица «рядового» эпизода зимы 1942 г. обрели свои имена. И хотя записи по воспоминаниям участников тех военных и послевоенных событий несколько противоречивы, тем не менее, для нас, не знавших войны, встаёт со всей неприкрашенной реальностью тот подвиг, который совершали совсем ещё молодые мальчики и девочки в те военные годы. И на душе противоречивые чувства: гордости и горести.

С таким же противоречивым чувством я занималась расшифровкой документов архива Беневских. В нём собраны материалы рубежа XIX — XX веков, когда происходили мятежные события в России, времена искания молодёжью путей устройства справедливого общества и решения религиозных вопросов, мятежные выступления студентов, события января 1905 года, а 1914 году – первая мировая война и в 1917 году – революция и т.д. А в результате – огромное число осиротевших детей с покалеченными душами. Вот откуда горечь.

А чувство гордости вызывало то, что в эти тяжёлые времена, многие нашли для себя и своих близких выход из создавшихся тяжёлых условий в работе по созданию общин людей, занятых не только трудовой сельскохозяйственной деятельностью, но и духовно-просветительской работой среди крестьянства, опекунством над осиротевшими детьми, постройкой школ, больниц для престарелых, общественных столовых (в основном вегетарианских) и многое-многое другое. Среди них и мой прадед Аркадий Семёнович Беневский, и оба деда – Иван Иванович Горбунов-Посадов и Иван Аркадьевич Беневский.

И вот теперь, когда все документы архива Беневских расшифрованы, расположены в хронологическом порядке, можно из «мозаики» документов сложить (пусть и не полную) картину жизни Беневских: самой семьи, христианских общин и детских приютов, которыми занимался дед, и т.д. Воссоздавалась среда, которая формировала характеры и миропонимание (т.е. СОВЕСТЬ) моих предков, мамы и её сестёр, и которая определяла весь их жизненный путь. Вместе с именем Беневской Елизаветы Ивановны ВОЗВРАТИЛИСЬ ИЗ ЗАБВЕНИЯ и имена её родных: деда — Аркадия Семёновича Беневского, генерал-лейтенанта императорской армии; бабушки — Нины Викторовны Беневской (урождённой Иващенко), отца — Ивана Аркадьевича Беневского, организатора христианских общин и на их основе детских приютов, и матери — Анны Исидоровны Беневской (урождённой Федоровской).

И не было бы этого жизнеописания семьи Беневских, если бы не только воля СУДЬБЫ, давшая возможность однополчанам Лизы Беневской разыскать её родственников, но и постоянная поддержка и интерес к моей работе над архивным материалом всех тех, кто, так или иначе, был связан с этим многолетним процессом. Мне хотелось бы выразить благодарность людям, которые поддержали меня в столь кропотливой и необходимой (не только для нашей семьи) работе по восстановлению событий рубежа двух столетий (XIX — XX).

Я, прежде всего, благодарна учительнице школы № 1272 Пролетарского района г. Москвы Гурычёвой Ольге Алексеевне, которая организовала своих учеников на поиск бойцов военной части N 9903 и заложившей основу музея в школе. Паншиной Маргарите Михайловне (урождённой Каравай) — участнице боя, в котором погибла Беневская Е.И.. Именно Маргарита Михайловна сумела найти нас, родственников Лизы Беневской, потратив на это немало усилий и времени. Чудиновой Александре Ивановне — без её технической помощи и профессиональных консультаций работа над материалами архива затянулась бы ещё на долгие годы; Жуковой Татьяне Григорьевне — учительнице Дубровской школы N 1 Брянской области, приложившей со своей стороны немало усилий для воссоздания биографий членов семьи Беневских. И, конечно же, членам моей семьи. Прежде всего, мужу Осипову Юрию Михайловичу, обеспечившему мне материальную и техническую возможность работы над книгой; моему брату Горбунову-Посадову Михаилу Михайловичу, первому издателю книги «Архив Беневских»; двоюродной сестре Михайловой Елене Дмитриевне — одной из первых посвящённой в идею подготовки книги. Очень много помогли мне в работе мои дочери Елена и Ксения, а также их мужья — Поляков Константин Геннадьевич и Смирнов Сергей Владимирович.

Самая же глубокая благодарность, восхищение и любовь — моей маме Горбуновой-Посадовой Нине Ивановне (урождённой Беневской), которой я и посвящаю эту книгу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Осипова Т.М. 1

ВОСКРЕШЕНИЕ ИЗ ЗАБВЕНИЯ.. 1

П Р Е Д И С Л О В И Е.. 1

Пролог. 2

Первая весточка. 3

Встреча в школьном музее в/ч №9903. 3

Стенограмма второй встречи в школе № 1272 родственников Лизы Беневской, её однополчан и участников группы «Поиск». 4

Воспоминания о Лизе её родных. 17

Поход к месту боя и могиле Лизы. 27

Поиски родственников Е.И. Беневской. 31

(рассказ М.М. Паншиной) 31

В.Н. Глаголев. 38

Противостояние. 38

повесть. 38

Этапы поиска сведений о Е.И. Беневской. 43

ГОСПИТАЛЬ В ТЫЛУ ВРАГА.. 46

(подвиг милосердия в селе Передел) 46

ПИСЬМО ЗАГИРОВОЙ РИТЫ ГАЛИЕВНЫ... 48

Подготовка материалов для музейного стенда. 51

Работа с архивом.. 51

«Архив об архиве». 52

Поездка в Дубровку. 56

Т.Г. Жукова. 61

К 850-летию Москвы. К 130-летию Дубровки. 61

Из книги «Военные партизаны» — летопись войсковой части 9903; 64

(Москва 2001, стр. 78-81) 64

Семья Беневских. 66

Татьяна ЖУКОВА.. 66

Публикации о военной части № 9903. 73

Сукачёва Клавдия Васильевна: 73

О.А. Гурычёва. 81

А. Косич. 86

Боевые задания Лизы Беневской. 88

Выписка. 90

Выписка. 91

ЗАДАНИЕ 3. 92

ВЫПИСЬ. 92

ЗАДАНИЕ 4. 93

РЕЙД ИСТРЕБИТЕЛЬНОЙ ГРУППЫ… 93

ПРИКАЗ. 94

войскам Западного фронта. 94

О награждении и личного состава. 94

ВЫПИСКА.. 95

Н.А. СЕМЁНОВ*. 95

СВЕДЕНИЯ ИЗ АРХИВА В/Ч 61379 О ПОСЛЕДНЕМ БОЕ, В КОТОРОМ УЧАСТВОВАЛА Е.И.БЕНЕВСКАЯ (ОТРЯД КАТИ ПОЖАРСКОЙ). 97

ВЫПИСКИ ИЗ МАТЕРИАЛОВ АРХИВА ШКОЛЫ N1272 ПО ГРУППЕ.. 98

Е. ПОЖАРСКОЙ В/Ч 9903. 98

ОЧЕРК ПЕРВЫЙ.. 98

«ВТОРАЯ ДЕВИЧЬЯ». 98

Горчаков. 98

ОПИСАНИЕ БОЯ, ИЗ КОТОРОГО Е.И. БЕНЕВСКАЯ НЕ ВЕРНУЛАСЬ. 99

И СЧИТАЛАСЬ ПРОПАВШЕЙ БЕЗ ВЕСТИ. 99

(перепечатано из того же очерка «ВТОРАЯ ДЕВИЧЬЯ») 99

А. БАЛИН*. 103

ДЛЯ ТЕБЯ, ЧЕЛОВЕК... 103

(газета «КИРОВЕЦ» за 24 февраля 1962 г.) 103

СТИХИ.. 106

И. Погореловой. 106

Копии документов Е.И. Беневской. 106

СПРОГИСОВЦЫ... 111

К.В. Сукачёва. 111

СВЕДЕНИЯ О БОЕВЫХ ТОВАРИЩАХ ЛИЗЫ БЕНЕВСКОЙ.. 113

(из папки школьного музея в/ч 9903) 113

КУТАКОВА ЛИЯ ПЕТРОВНА.. 113

ЖЕГЛОВА НАДЕЖДА ЛЕОНТЬЕВНА.. 119

ЕЛИНА ЕКАТЕРИНА СТЕПАНОВНА.. 119

Поездка на место боя. 122

НАГРАДА НЕ НАШЛА СВОЕГО ГЕРОЯ.. 126

П Р И Л О Ж Е Н И Е.. 135

Военные разведчики в тылу врага. 135

А.К. Мегера. 135

К.В. Сукачёва. 140

Повешены, расстреляны, сожжены заживо. 141

Казнены дважды – расстреляны, а затем повешены 6 ноября 1941 года в городе Волоколамске. 141

Эпилог. 142

[1] Григорий Яковлевич Герчик родился 7 июня 1918 г. Окончил школу в г. Николаеве, член ВЛКСМ. В Красной Армии с августа 1938 г., участник советско-финляндской войны 1939-1940 г.г. Член КПСС с 1941 г. Накануне войны служил в Бресте в инженерных войсках. С первых дней войны находился на фронте, отходя с войсками из приграничных районов. Одним из первых офицеров был зачислен в войсковую часть 9903 в г. Смоленске. С июля 1941 г. и до полного освобождения советской территории от оккупантов принимал участие в боях в качестве командира разведывательно-диверсионных групп и партизанских отрядов. Восемь раз выполнял специальные задания в тылу врага: на Смоленщине и при отходе войск Красной Армии до Москвы, в

Подмосковье, в Калужской и Калининской областях, в Белоруссии и Латвии. Награждён двумя орденами Красного Знамени. После войны жил и работал в Риге. (Из книги «Военные партизаны» — лет опись войсковой части 9903; Москва 2001, стр.17).

[2] Паншина Маргарита Михайловна (урождённая Каравай), родилась 3-го января 1923 года в городе Орехово-Зуево. Её родители – члены РСДРП с 1916, 1917 годов. Участвовали в Октябрьской революции. Отец, Михаил Каравай – организатор Красной Армии в Орехово-Зуево. Воевал против Каледина, Врангеля. В 1924 году – секретарь Замоскворецкого райкома партии города Москвы.

Мать, Марфа Самарина – в 1918 году – делегат Всероссийского съезда работниц и крестьянок.

В 1938 году Рита вступает в ряды ВЛКСМ. К началу войны окончила 1-ый курс Московского института инженеров транспорта. Летом 1941 года участвовала в строительстве оборонительных рубежей под Смоленском, а осенью работала на заводе Ильича в Москве в цеху, выпускавшем военную продукцию.

В военную часть 9903 пришла 1- ноября 1941 года со своей подругой Лёлей.

Трижды ходила в немецкий тыл в составе группы Е.Я. Пожарской. В марте 1942 года была демобилизована по состоянию здоровья её матери.

С мая 1942 года по май 1980 года работала на заводе «Красный Октябрь» в Москве в качестве сначала рабочего, затем инженера, старшего инженера цеха, старшим инженером и начальником центральной заводской лаборатории. В 1949 году окончила Вечерний Московский Машино-строительный институт.

С 1980 года на пенсии по возрасту. Многие годы принимает активное участие по сбору материалов об однополчанах, розыску своих бывших боевых товарищей и родственников тех, кто значится в списках «пропавших без вести». Вместе со своими однополчанами она восстановила около 500 имён людей, считавшимися пропавшими без вести, их имена теперь внесены в КНИГУ ПАМЯТИ. Маргарита Михайловна внесла большой вклад по составлению архива воинской части 9903.

[3] Примечание: *На третьем задании группы Кати Пожарской Лизы Беневской ещё*

не было, она присоединится к девушкам однополчанам только на их четвёртое.

[4] Сначала на машинах из Москвы с Красноказарменной ул. до Боровска, л инию фронта перешли в район е Брюхово — Свердлово.

[6] Чарская — Беневская Е.И.

[6] Василий Николаевич Глаголев — историк-исследователь, вёл многолетнюю исследовательскую работу о партизанском отряде Гаева.

[7] Пожарская Екатерина Яковлевна (21.11.1918 — 9.11.1996 г.г.)

Пожарская Екатерина Яковлевна родилась в городе Лебедянь Рязанской области. До войны Екатерина Яковлевна работала лаборанткой кафедры марксизма-ленинизма Московского института инженеров транспорта. С первых дней войны на трудовом фронте — на рытье окопов.

1 ноября 1941 г. Екатерина Яковлевна прибыла в в/ч 9903. После нескольких дней учёбы была утверждена командиром группы, в состав которой входили только девушки, и 10 ноября 1941 г. — первое задание в районе Волоколамска. В начале декабря 1941 г. — второе задание в районе Звенигорода. В январе 1942 г. — третье задание (в котором Пожарская понесла тяжёлые потери: погибли Надежда Жеглова и Елизавета Беневская, были тяжело ранены Екатерина Елина и Лия Кутакова). В апреле 1942 г. Екатерина Яковлевна в составе большого сводного отряда в качестве командира отделения совершила лыжный переход на Брянщину. На Брянщине отделение Пожарской действовало активно, мужественно перенося все трудности лесной жизни в тылу врага.

В марте 1943 г. Пожарская Екатерина Яковлевна прибыла в Москву и с апреля 1943 г. по декабрь 1946 г. работала в аппарате ЦК ВЛКСМ. Затем она работала на комбинате графического искусства в различных должностях. В 1975 г. вышла на пенсию.

Правительство высоко оценило заслуги Екатерины Яковлевны, наградив её орденами

Боевого Красного Знамени, Отечественной войны II степени и многими медалями.

[9] Лиза Чарская — Беневская Е.И.

[9] Письмо адресовано Горбуновой Елене Евгеньевне (матери моего отца Михаила Ивановича), которая в 1956 г. умерла, не успев передать архив Беневских в музей. Я же со своей мамой и отчимом с 1954 года до января 1957 была в Китае. По-видимому, инициатива передачи архива была Е лены Евгеньевны и её сестры Екатерины Евгеньевны.

[10] Примечание: Письмо адресовано Екатерине Евгеньевне, сестре Елены Евгеньевны, которая, естественно, не могла дать информацию об архиве, т. к. для этого требовалась долгая кропотливая работа по изучению архивных материалов. И я благодарна судьбе, что такая передача не состоялась, т.к. было бы невозможно так подробно узнать о Беневских без материалов из этого архива.

По возвращении нашей семьи из Китая, хранительницей семейного архива становится моя мама — Нина Ивановна Горбунова-Посадова; она же со своей сестрой Верой Ивановной начинают постепенно разбирать архив. Часть писем ею передана в Государственный Толстовский музей, копии с некоторых писем она посылала своим друзьям, например: Фролову (в молодости работавшему вместе с Иваном Аркадьевичем), с которым у мамы была регулярная

[11] Ниночка — Нина Ивановна Горбунова-Посадова (1913 г. р. урожд. Беневская), старшая сестра Беневской Е.И.

[12] Тётя Дуня — Евдокия Исидоровна Федоровская тётя (по материнской линии) и опекунша сирот сестёр Беневских с 1922 года.

[13] Татьяна Григорьевна — Жукова Т.Г., учительница школы N 1 пос. Дубровка Брянской области. Прочитав в «Комсомольской правде» статью Людмилы Овчинниковой о Беневской Е.И. и узнав адрес её родственников, она в 1996 г. связалась с Осиповой Т.М., племянницей Лизы Беневской. По материалам архива Беневских в школьном музее вместе со своими учениками оформила стенд «Семья Беневских».

[14] Супруги Беневские до рождения своих четырёх дочек усыновили 4-х детей сирот: Лёва, Лёня, Мария и Сима.

[15] Рылько Танечка — Татьяна Петровна Рылько, младшая из трёх дочерей Рылько Петра Дмитриевича, с семьёй которого связывает более чем 100-летняя дружба с семьёй Беневских.

[16] Курт родился в Германии в Брауншвейге в семье коммуниста, друга и соратника Тельмана. Спасая детей от преследований, отец отправил их в Советский Союз (Ремлинг — старший был убит фашистами в 1934 г.). Курт вырос в детском доме в Иваново.

Комсомолец. В армию пришёл добровольно с первых дней войны и был направлен в в/ч №9903. В группе Герчика с июля 1941 г. Неоднократно использовал в ходе разведок знание немецкого языка. Погиб 8 ноября 1941 г.

[17] Ильин Всеволод Григорьевич родился 25 мая 1912 г. в деревне Петриковского района Днепропетровской области на Украине. В раннем детстве лишился родителей. детство было трудным: жил попеременно у родственников, у чужих людей, бродяжничал. В 1933 г. закончил рабфак с сельскохозяйственным уклоном. В 1934 г. поступил в Ленинградское военное техническое училище, по окончании которого проходил службу в технических подразделениях авиационных частей. Участвовал в освободительном походе в Западной Белоруссии (1939 г.). В октябре 1941 г. был зачислен в в/ч 9903. На первом задании был в группе А.В. Шумилина. С апреля 1942 г. по сентябрь 1943 г. — командир отряда на Брянщине. В последующем до конца войны

служил в подразделениях обеспечения военно-воздушных сил Действующей Армии. За образцовое выполнение заданий командования в борьбе с фашистскими захватчиками он награждён двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды и медалью «Партизану Отечественной войны» I степени. После войны продолжал службу в Советской Армии да 1959 г. После демобилизации проживал и работал в городе Минск.